

Казак и Первый раздел Польши

Андрей Венков

Андрей Венков

КАЗАКИ

и Первый раздел Польши

ISBN: 978-5-91951-573-9

9 785919 515739

Андрей Венков

КАЗАКИ

и Первый раздел Польши

Альтаир
Ростов-на-Дону
2020

ББК 63(3)2
К18

Венков А. В.
К18 Казаки и Первый раздел Польши. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2020. – 320 с.

ISBN 978-5-91951-573-9

ББК 63(3)2

© Венков А. В., 2020
© Обложка Венков А. В., 2020
© ООО «Альтаир», 2020

*Священник Илия Попов
1871–1937*

Священник Илия Попов, сын, внук, правнук, праправнук и прапраправнук донских священно- и церковнослужителей, служил в храмах станиц трёх округов Области Войска Донского, с 1916 года – в станице Великокняжеской (с 1925 года – станица Пролетарская). После закрытия 16 декабря 1935 года последнего в районе храма Мучеников Флора и Лавра продолжал духовное окормление паствы. Арестован в станице Пролетарской 24 сентября 1937 года. Расстрелян в День Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1937 года.

В настоящее время материалы к канонизации священника Илии Попова в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской находятся на рассмотрении в Комиссии по канонизации святых Донской митрополии.

*Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное
(Мф. 5:10)*

ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА
WWW.POPOVFOUNDATION.ORG

Одной из главных задач Фонда имени священника Илии Попова является научная, культурно-просветительская и благотворительная деятельность, способствующая прославлению подвига новомучеников.

1-й раздел Польши и казаки

Некорректно начинать работу с цитаты. Но что поделаешь. Так быстрее войдем в курс дела. «Из трех основных задач, которые стояли перед Россией в XVII веке, одна, шведская, была полностью разрешена при Петре I. Оставались две другие – польская и турецкая. Они и являлись стержневыми вопросами русской внешней политики в течение всего XVIII века...

Екатерина все свои усилия направляла к тому, чтобы заставить западноевропейские державы служить интересам Российской империи и помогать ей осуществить планы, которые со времени царя Алексея и Петра I не сходили с очереди: воссоединить украинские и белорусские земли, все еще находившиеся под властью Речи Посполитой, укрепить положение России в Прибалтике и продвинуться к Черному морю»¹. Так оценивали ситуацию в регионе и миссию России на тот период истории.

Екатерине, как нам кажется, было легче, чем Алексею Михайловичу. Польша ко второй половине XVIII века уже не та, что 100-150 лет назад, когда она тянулась от моря до моря и отобрала у России Смоленск. Официально это одно из крупнейших в Европе государств, на протяжении 300 лет главная сила в Центральной и Восточной Европе, называлось «Королевство Польское и Великое княжество Литовское» (польск. Królestwo Polskie i Wielkie Księstwo Litewskie) (объединение их в одно государство произошло в 1569 г.). Но традиционно местные жители называли свое государство «Речь Посполитая» (польск. Rzeczpospolita; зап.-русск. Рѣч Посполита), что являлось продуктом слияния вместе двух польских слов: «rzecz» (вещь, дело) и «pospolita» (общая).

¹ История дипломатии. Т.1. ОГИЗ, Соцэкгиз, М. 1941//История военного искусства. Сборник материалов. Вып. 1. Военное издательство. М. 1951. С. 401-402.

В польском католическом государстве, где государственное делопроизводство велось на латыни, это было дословным переводом на польский язык латинского термина Res Publica. В обыденной жизни земли Королевства Польского часто назывались «Короной», а Великое княжество Литовское – «Литвой». В целом же все государство кратко называлось «Польшей». Исторически так сложилось, что власть в Польше была организована в форме выборной монархии. Короля выбирало дворянство (шляхта). Представители шляхты собирались на Сейм (своего рода парламент), формировали на нем правительство страны и проводили реформы.

За предыдущие годы Речь Посполита пережила «Хмельниччину», «Шведский потоп» и ряд междоусобных конфликтов. Территория ее сократилась, пограничной рекой с Россией стал Днепр. Особенно сильно Польша пострадала во время Северной войны, которая протекала в основном на польской территории. Русские, шведы, саксонцы и сами поляки опустошили страну. Сократились польские вооруженные силы. При короле Фридрихе-Августе, в 1718 году, Польша попала под русский протекторат. Отныне Россия имела большое влияние на решения польского Сейма. Весь дальнейший период, по мере роста противоречий между Россией, габсбургской Священной Римской империей (Австрией) и набирающей силу Пруссией, все три государства манипулировали польскими политиками в своих интересах. И Польша не имела достаточно войск, чтобы отстаивать свои интересы. Формально с 1717 и по 1772 год граждане Польши воевали только друг с другом. После 1717 года, по решению сейма, количество солдат было сокращено до 18000 для Короны и 6200 для Литвы. Такая численность армии Речи Посполитой официально выдерживалась вплоть до Конституции 3 мая, принятой в 1791 году.

Королевская армия содержалась на основе казначейских и военных постановлений сейма 1717 года, выделившего бюджет в 5 миллионов 425 тысяч злотых. С сентября 1727 г. военный бюджет был дополнительно пополнен налогом на содержание

«пехоты лановой», набираемой с определенного пространства территории (поступления около 117 тысяч злотых ежегодно, но в списках обнаружен лишь один полк такой пехоты). Для содержания коронной артиллерии еще в 1637 году был установлен так называемый «новый» налог (поступления в 1717-1735 гг. на сумму от 112 тысяч до 125 тысяч злотых). Кроме того, сенатский совет выделил несколько сотен тысяч злотых для укрепления Каменца-Подольского и артиллерии. Эти суммы позволили содержать около 19 тысяч человек только коронного войска.

Но в реальности, когда началась Семилетняя война (1756-1762) между Россией и Пруссией, вооруженные силы Польши насчитывали всего 12 тысяч бойцов, и армии враждующих стран спокойно перемещались по польской территории.

Ко времени описываемых событий в Коронной армии служили в среднем 13 тысяч солдат, в армии Великого княжества чуть более 4000 солдат. Кроме того, в середине XVIII века в Речи Посполитой в частных армиях магнатов служило около 30 тысяч человек, но точное количество частных вооруженных сил никто не знал.

Польские вооруженные силы имели достаточно сложную структуру. Постоянное войско было создано в Речи Посполитой в конце XVI века, при короле Сигизмунде II Августе. На одном из сеймов по инициативе короля шляхта проголосовала за создание постоянного контингента войск. На содержание этого войска выделялась 1/4 доходов с собственных королевских земель. Это формирование называли кварцянское войско (wojsko kwarciane) от слова «кварта» – четверть.

Помимо кварцянского войска у короля было его личное частное войско – королевская гвардия. В 1648 году её численность составляла 1 200 человек, из них 800 пехотинцев немецкого образца, 200 драгунов и 200 рейтаров.

Если начиналась война, на подкрепление кварцянскому войску на службу призывались вспомогательные части («wojsko suplementowe»). Сейм своим решением определял численность

призываемых отрядов, их состав, время службы и вводил налоги на их содержание. Вспомогательные войска набирались из своих граждан и из иностранцев. Граждане Речи Посполитой с середины XVII века, со времён Владислава IV, набирались по системе народного авторамента (autorament narodowy); по принципу «товарищества» набирались гусарские, козацкие, лёгкие и драгунские хоругви и пехотные роты. На службу нанимался шляхетный «товарищ», который приводил с собой «по чет» – несколько слуг, называемых «пахолками» (некоторые из них были из разорившихся шляхтичей). Иностранцы набирались по системе иноземного авторамента (autorament cudzoziemski) – каждый записывался индивидуально; из них формировали аркебузирские хоругви, рейтарские и пехотные полки. Команды в этих полках подавались на немецком языке. Поляки признавались: «Немецкая команда в Польском войске иностранного авторамента терзала нестерпимо уши. Как-будто у нас нет своего языка. К чему вам кричат: Halt! Raus! Wer da? Feuer! когда мы так же хорошо могли бы говорить по-своему: Стой! Выходи! Кто идет? Пали?... Уж истинно справедлива пословица: Что Немец выдумает, то Поляк купит»¹.

Сильнейшим родом войск у поляков считалась конница. До XIX века включительно поляки, наряду с венграми, считались некоторыми военными специалистами лучшими кавалеристами Европы. В XVI – XVIII веках конница польско-литовском войске организационно делилась на хоругви. Хоругвью называ-

¹ Рассказ современника-поляка о походах против гайдамак // Записки о Южной Руси. Т. 2. СПб. 1857//<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/HYPERLINK> «http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivsina/O_pochodach/text.htm»1760HYPERLINK «http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivsina/O_pochodach/text.htm»-HYPERLINK «http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivsina/O_pochodach/text.htm»1780HYPERLINK «http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivsina/O_pochodach/text.htm»/Koliivsina/O_pochodach/text.htm

лось подразделение, соответствовавшее роте. По типу хоругви были земские (польск. Chorągiew ziemska), состоявшие из воинов, собранных с определённой территории (земства, земли); родовые (польск. Chorągiew rodowa), сформированные из членов определённого шляхетского рода, их холопов и их быдла (надворные казаки); надворные (польск. Chorągiew nadworna), принадлежавшие польско-литовскому королю.

В кавалерии польско-литовской республики в XV–XVIII веках существовало следующее деление:

Гусарская хоругвь (польск. Chorągiew husarska) – 100–200 коней.

Лёгкая хоругвь (польск. Chorągiew lekka) – 60 – 100 коней.

Панцерная хоругвь (польск. Chorągiew pancerna) – 100–150 коней. «Товарищи панцерные» набирались в основном из средней и мелкой шляхты. До XVII века включительно они назывались «панцерные казаки», а затем просто «панцерные».

Татарская хоругвь (польск. Chorągiew tatarska).

Волошская хоругвь (польск. Chorągiew wołoska).

Казацкая хоругвь (польск. Chorągiew kozacka).

Элитой польской кавалерии были гусары – тяжелая, вооруженная пиками конница, прикрытая доспехами, даже щитами, украшенная огромными крыльями. Когда в 1775 году в Речи Посполитой была проведена военная реформа, гусарские поручики получили чины полковников, а «товарищи», гусары, поступившие на службу с двумя военными слугами (почтовыми или пахоликами), стали хорунжими. В рассматриваемый нами период их пики достигали длины в 5,6 метра, они были одноразовым оружием, полым и делались из сосны¹. Но в XVIII веке гусары в подавляющем большинстве на поле боя не носили доспехов, а пахолики отказались от пик. «Их внешний блеск достиг своего апогея, но по сути они занимались лишь участием в парадах»². В некоторых

¹ Польские крылатые гусары. 1576-1775.//Новый солдат № 142. 2002. С. 9, 16.

² Там же. С.5.

источниках того периода они назывались даже «похоронным войском» из-за церемониального характера их службы.

Гусарская хоругвь имела следующий состав:

Ротмистр (командир)

Хоругвь состояла из почт (небольших отрядов), ротмистра, поручика, хорунжего и товарищей. Например:

Ротмистр – 12 солдат;

Поручик – 10 солдат;

Хорунжий – 5 солдат;

8 товарищей по 3 солдата.

Итого, хоругвь – 50 конных солдат.

Солдаты, которые приходили вместе с товарищами звались – пахолками (челядниками).

Также, вместе с солдатами хоругви были и гражданские помощники солдат – обозные. Они занимались заготовкой провианта для лошадей, лагерными сборами и прочими хозяйственными делами. Хотя, зачастую их использовали и в войне, как вспомогательную силу¹.

А вот в легкой хоругви – татарской или волошской – товарищ в XVIII в. не обязательно мог быть шляхтичем.

После страшных разгромов в 1648 и 1652 годах сейм своим решением объединил кварцянское и вспомогательное войска и тем самым создал компутовое войско (*wojsko komputowe*), которое и существовало до конца исследуемого нами XVIII века. Термин «компутовое» имеет латинскую этимологию, он произошел от лат. *computatio* – счёт, расчёт, и старопольского *komput* – перепись, реестр армии

Если война была тяжелой, и призыва вспомогательного войска было недостаточно, то по решению местных сеймиков на службу набирались «поветовые» хоругви, которые финансировались за счёт воеводств.

¹ <https://zbroevy-falvarak.by/gusariya-vkl-stanovlenie-razvitie-osobennosti-vooruzheniya-i-taktiki/>

Ещё на территории государства существовали классические феодальные формирования – надворные хоругви магнатов. Это были их дружины, и, естественно, количество воинов в них не было регламентировано. Владельцы огромных латифундий, например, позволяли себе своеобразные армии в несколько тысяч. Они воевали против врагов государства вместе с королевскими войсками, но могли и разрешать при помощи своих хоругвей спорные вопросы с соседями.

И в самом крайнем случае король объявлял «посполите рушение» – сбор всеобщего шляхетского ополчения. Это резко увеличивало численность войска, поскольку количество шляхты достигало 5% населения Речи Посполитой (из всех стран Европы в Польше и в Венгрии было самое многочисленное дворянство). Но использовать посполитое рушение можно было лишь шесть недель в году.

Неотъемлемой частью вооруженных сил Речи Посполитой были реестровые казаки. Они возникли в 1572 году, когда король Сигизмунд II Август принял на постоянную службу 300 запорожских казаков, и их имена были записаны в особый список – реестр. Служили они за плату и еще получали сукно на одежду. Платили им меньше, чем воинам постоянного войска, но зато освобождали от налогов. Последующие короли увеличивали количество реестровых казаков, насколько позволяли средства, выделяемые сеймом. Количество их достигало нескольких тысяч. Сами шляхтичи отдавали должное их боевым качествам: «Редкие люди эти козаки Русины! что за проворство, что за сметливость! а проводников не найдете вы нигде подобных; в беде всегда придумают, как извернуться, и если который из них привяжется душою к пану, то и Швейцарца не нужно»¹.

Ко времени исследуемых событий польская кавалерия отличалась хорошими боевыми качествами индивидуальных бойцов и имела прекрасный конский состав. «Стоимость гусарско-

¹ Рассказ современника-поляка о походах против гайдамак...

го коня – 200 злотых, стоимость обычного коня – 100 злотых. Гусария и рейтары имели самых лучших коней в войсках Речи Посполитой. Некоторые кони стоили огромных денег, до 1500 злотых. Так как гусария была местом службы богатой шляхты, то именно в этих войсках, можно было увидеть лучшие образцы лошадей Речи Посполитой. Кони казацкие (легкая кавалерия ВКЛ и Короны Польской), скорее относились к обычным, но и там у офицеров могли быть дорогие лошади. Самые слабые лошади использовали драгуны, так как они были фактически обычной пехотой с огнестрельным оружием, но до поля боя передвигались на лошадях. Также плохие лошади были и украинских казаков, которых фактически, также были драгунами»¹.

Проблема с казаками крылась не в конском составе и не в вооружении. Закрепощаемое население Украины стремилось попасть в реестр, шляхта и сама власть этому противились, мотивируя постоянной нехваткой денег. И все же к середине XVII века количество казаков, занесенных в реестр, превышало количество кварцяного войска. Кроме реестровых казаков, нанимаемых и оплачиваемых государством, городские старосты могли нанимать на службу «городовых» казаков² (такие «городовые» и «станичные» казаки были и в России до петровских реформ).

В 60-е годы XVIII в. коронное войско состояло из 1000 гусар, 3990 панцерных, 1000 легких кавалеристов, 4000 драгун и 8000 пехоты. В кавалерии эти солдаты делились на небольшие органичные группы, называемые «хоругви» (знамена), численностью равные роте. Эти хоругви объединялись в полки (регименты). На коронных землях кавалерия состояла из 16 хоругвей гусар, 76 хоругвей панцерных, 14 хоругвей легкой кавалерии. Эти силы объединялись в 4 полка гусарских и панцерных, 3 полка легкой кавалерии, 7 полков драгун (с конной гвардией).

¹ <https://zbroevy-falvarak.by/gusariya-vkl-stanovlenie-razvitie-osobennosti-vooruzheniya-i-taktiki/>

² http://www.xliby.ru/istorija/davnii_spor_slavjan_rossija_polsha_litva_s_illyustracijami/p3.php

Литовское войско имело 400 гусар, 1200 «пятигорцев», 700 легких (татар и казаков), 1500 драгун и 2300 пехоты. Кавалерия Великого Княжества делилась на 6 хоругвей гусар, 25 хоругвей средней кавалерии (пятигорцев), 12 хоругвей татар, 8 хоругвей казаков. Организационно они сводились в 4 полка тяжелой кавалерии, 2 полка легкой и 4 полка драгун¹.

Пехота коронная состояла из 6 полков (сюда же входили пешая гвардия, полк генерала артиллерии и 3 хоругви венгерской пехоты), пехота Великого княжества включала в себя 3 полка, кроме того были 3 венгерские хоругви (янычарские и куруцкие)

Коронная и литовская армия действовали независимо друг от друга. Но организация их была идентична. Их организация копировала саксонскую модель, поскольку последнее время польскими королями, начиная с Августа Сильного, были саксонцы, имевшие собственное войско в Саксонии. Формально во главе войск Речи Посполитой стоял Великий гетман, подчинявшийся королю. За ним шел Польный гетман, контролирующий обе армии. Армия не делилась на дивизии и бригады, они формировались в зависимости от ситуации и возглавлялись генерал-майорами. Номинально король имел собственное войско – гвардию, состоящую из полка пехоты и полка кавалерии и в «Короне» и в «Литве». Артиллерию возглавлял ее собственный командующий. Батареи были рассредоточены по крепостям по всей Речи Посполитой и придавались пехотным полкам.

С 1765 года пехотные полки делились на два батальона, каждый имел одну гренадерскую и пять мушкетерских рот. Дополнительно каждый полк имел артиллерийскую роту из 4 орудий. Отдельные гренадерские и фузилерные полки имели по два батальона по шесть рот каждый. Каждый полк имел своего шефа, чьим именем назывался, а кроме того полк имел свой номер. Полком командовал полковник (региментарь). На практике батальоны и роты зачастую действовали независимо и имели произ-

¹ Zarys historii wojskowości w Polsce by Kukiel, Marian. 1923. С. 145.

вольный штат офицеров. Помимо указанных частей существовали частные армии местных магнатов.

Организационно войско строилось следующим образом:

1770: Коронная кавалерия¹

Шеф	Название	Кунтуш	Облицовка	Жупан	Шапка	Вымпел (значок)
Понятовский	Драгуны гвадии	Телесный	Красная	–	Черная	
	Панцерные	Синий	Красная	Красный	Красная	Сине-красный
	Гусары	Красный	Синяя	Синий	Синяя	Красно-синий
Войно	Королевские уланы	Зеленый	Малиновая	–	Малиновая	Красно-зеленый
Рачинский	Подстолия конный	Васильковский	Желтый	Желтый	Голубой	Сине-желтый

1770: Драгуны короны

Шеф	Название	Мундир	Облицовка	Пуговицы	Галун
Козловский	Королевы ²	Зеленый	Красная	Серебряные	Белый
Чапский	Принца	Красный	Зеленая	Серебряные	Белый
Рачинский		Зеленый	Красная	Серебряные	Белый
Сулковский		Зеленый	Красная	Серебряные	Белый
Браницкий	Великого гетмана ³	Зеленый	Черная	Серебряные	Белый
Ржевуский	Польного гетмана ⁴	Зеленый	Красная	Серебряные	Белый

¹ Vincent W. Rospond, Raffaele Ruggeri. Polish Armies of the Partitions 1770–94. Men-at-arms. 485. p. 8.

² Сформирован в 1717 из полка аркебузеров Доминика Любомирского.

³ Сформирован в 1717 из полка аркебузеров гетмана великого коронного Адама Сенявского в составе 500 порций

⁴ Сформирован в 1717 из полка драгун польного гетмана Станислава Жевуского в составе 500 порций.

1770: кавалерия Великого княжества Литовского

Шеф	Название	Катанка	Облицовка	Жупан	Шапка	Вымпел (значок)
Грабовский	Конная гвардия	Красная	Синяя	–	Черная	
	Петигорцы	Синяя	Красная	Белый	Синяя	Сине-красный
Сапега	Легкая кавалерия Великого гетмана	Зеленая	Красная	–	Красная	Зелено-красный
Беляк	Татары Потоцкого	Красная	Желтая		Черная	–
Понятовского		Белая	Зеленая	Зеленый	Зеленая	красно-зеленый

1770: драгуны Великого княжества Литовского:

Шеф	Название	Мундир	Облицовка	Пуговицы	Галун	Прим.
Огинский	Князя	Зеленый	Красная	Золотые	белый	в 1775 5-й пехотный
Огинский	Великого гетмана	Зеленый	Черная	Золотые	белый	в 1775 2-й пехотный
Сапега	Польного гетмана	Зеленый	Красная	Золотые	белый	в 1775 4-й пехотный

1770: Пехота и технические войска короны¹:

Шеф	№	Название	Воротник и манжеты	Лацканы	Пуговицы	Гренадерка
Чарторыйский		Гвардейский	Синие	Синие	золотые	медвежьего меха
Гольц	1	королевы Ядвиги	черные	черные	серебряные	медвежьего меха
Виттен	2	Кронпринца	белые	белые	золотые	медвежьего меха
Браницкий	3	Великого гетмана	зеленые	зеленые	золотые	латунная

¹ Vincent W. Rospond, Raffaele Ruggeri. Polish Armies of the Partitions... p. 10.

Шеф	№.	Название	Воротник и манжеты	Лацканы	Пуговицы	Гренадерка
Браницкий	4	Польного гетмана ¹	голубые	голубые	серебряные	медвежьего меха
Потоцкий	5	Фузилеры	черные	черные	золотые	нет
Сулковский	6	Lapowy	зеленые	зеленые	серебряные	медвежьего меха
Брюль		артиллерия	черные	черные	серебряные	нет

1770: независимые роты коронной пехоты:

Отряд	Куртка	Отделка	Облицовка	Штаны	Шапка
Янычары Великого гетмана	красная	белая	зеленая	красные	белая
Венгры Великого гетмана	голубая	желтая	красная	голубые	черная
Венгры польного гетмана	голубая	желтая	зеленая	голубые	черная
Венгры великого маршала	синяя	серебряная	оранжевая	белые	латунная остроконечная
Варшавская милиция	голубая	желтый	голубой	голубые	черная

1770: Пехота и технические войска Великого княжества Литовского:

Шеф	№.	Название	Воротник и манжеты	Лацканы	Пуговицы	Гренадерка
Чарторыйский		Гвардейский	синий	синий	серебряные	медвежьего меха
Огинский	1	Великого гетмана	белый	белый	золотые	митра
Сосновский	2	Польного гетмана	черный	черный	золотые	
Массальский		Артиллерия	черный	черный	золотые	черная
Кроненман		Добровольцы артиллерии	красный	красный	золотые	латунная митра

¹ полк создан в 1717 г. как пехотный полк Булавы польной коронной – 850 порций

1770: независимые роты пехоты Великого княжества Литовского:

Отряд	Куртка	Отделка	Облицовка	Штаны	Шапка
Янычары Великого гетмана ¹	красная	черная	черная	красные	красная
Янычары польного гетмана	красная	зеленая	зеленая	красные	зеленая
Венгры Великого гетмана	голубая	желтая	желтая	голубые	черная
Венгры польного гетмана	голубая	желтая		голубые	черная
Добровольчская рота артиллерии гренадер	зеленая	красная	красная	белые	митра

Пехота была одета в мундир с длинными фалдами западноевропейского стиля. Цвет мундира был красный для войск короны и синий для войск герцогства, с воротником, манжетами, отворотами и оборотами в контрастных цветах облицовки / подкладки, чтобы дифференцировать полки. Манжеты и лацканы были примерно 5 см в ширину и воротник около 5 см высотой. Жилет был белым или светло-коричневым, с цветной отделкой по краям и карманам. Солдаты носили красные или черные штоки (галстуки). Короткие штаны до колен были белыми, с черными матерчатыми гетрами высотой до бедер. Головными уборами служили черные треуголки с белой отделкой для мушкетеров и медвежьих шапки с медными бляхами-кокардами или митры для гренадеров и фузилеров. Кроме того, королевская гвардия и гетманские полки имели элитные янычарские и венгерские роты, независимые от полковой структуры. Янычары носили костюм в турецком стиле: цилиндрическую фетровую берковую шляпу, переходящую в рукав, свисавший сзади. К концу XVIII-го века то, что первоначально было медным ободком с центральным держателем

¹ янычарская и венгерская хоругвь Булавы великой Литовской были созданы в 1717 г. и имели по 140 порций

плюма, переместилось вверх в виде стилизованной “митры”, все еще с держателем плюма. Они также носили мешковатые штаны и длинный кафтан, передние углы которого были заправлены за пояс, чтобы освободить ноги. Венгерские компании носили традиционные узкие бриджи этой страны, некоторые с вышитыми «узлами» на бедрах¹.

В кавалерии гусарские роты носили низкую четырехугольную шапку, которая стала известна как «конфедератка»; четырехугольная «корона» была окантована снизу полосой шерсти или меха, и сверху украшена белыми перьями. Верхнее одеяние представляло собой малиновый контуш с синей окантовкой (пальто длиной до бедер, обычно с разрезанными для ношения рукавами, закинутыми за плечи). Его носили поверх длинного синего жупана (застегнутого спереди на все пуговицы халата с длинными рукавами, первоначально доходившего до щиколоток, но в описываемые времена иногда укороченного до колена). Оружием, как уже говорилось, служили копьё, сабля и огнестрельное оружие, а некоторые все еще носили нагрудники. Традиционно гусарские части состояли из двух классов войск: товарщиц («товарищ» – элита, которая ехала в первом ряду) и почтови («слуга», который ехал в заднем ряду). В описываемый период «товарищи» обычно носили копьё, а «слуги» – нет.

Панцерни (в Великом княжестве «петигорцы») носили эти же форменные цвета в обратном порядке – синий контуш поверх красного жупана. Легкая кавалерия носила войлочную или шерстяную шапку казачьего стиля «кучма», имевшую форму «чулка» около 15,25–20 см (6–8 дюймов) в высоту, у которого была флисовая или меховая нижняя опушка, которая могла быть отвернута и прикрыть уши в холодную погоду. Катанка (декоративная куртка с короткими рукавами) надевалась поверх длинного жупана контрастного цвета. Эти войска также имели саблю, мушкет и легкое копьё около 1,8–2,4 м (6–8 футов) длиной, увенчанное

¹ Vincent W. Rospond, Raffaele Ruggeri. Polish Armies of the Partitions... p. 9.

вымпелом (значком) в форме ласточкина хвоста, горизонтально разделенного пополам и окрашенного в два цвета полковой униформы. Драгуны носили короткие пехотные мундиры зеленого цвета с воротниками, лацканами и манжетами полкового цвета; сапоги носили для конной службы и гетры для действий в пешем строю. Они были вооружены шпагой, пистолетами и мушкетом. Артиллеристы обеих наций носили зеленые куртки с черными накладками. Орудийные лафеты и другое оборудование были выкрашены в красный цвет – традиционный Саксонский цвет, унаследованный от прежней монархии – с черной металлической фурнитурой. Все офицеры носили кушак смешанного красного и серебряного цвета с бахромой, завязанной на правом боку. Ротные офицеры носили погоны (эполеты) на левом плече, полковые старшие офицеры и генералы – на обоих плечах. Унтер-офицеры отличались кружевом на воротнике, манжетах и погонах, а трубачи – кружевом на воротниках, манжетах и плечах¹.

Особой проблемой для Речи Посполитой были реестровые казаки. Они стали особым сообществом, которое, как и шляхта, позволяло себе спорить с королем и бороться со шляхтой. Эта их борьба стало составной частью национально-освободительного движения украинского народа. Именно они выиграла сражения с поляками во времена «Хмельниччины». В итоге этой борьбы Левобережная Украина отошла к России.

С.М. Соловьев писал: «воспользовавшись слабостью Польского государства, гонениями на русскую веру, казачество после долгой борьбы успело взять верх, истребить, вытеснить прежних землевладельцев на Украине и из своей старшины образовать новое высшее сословие в стране»².

Реестровое украинское казачество тоже постепенно перешло в российское подданство. В 1651 году, когда Украина формально еще была под поляками, перешли границу и явились в Рос-

¹ Там же. p. 9, 11.

² Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VII. М. Мысль. 1991. С.43.

сию тысячи беженцев, которых расселили по границе и объявили Слободскими Черкасскими казачьими полками. Эти пять полков – Сумский, Изюмский, Ахтырский, Харьковский и Острогожский – к началу царствования Екатерины II насчитывали 5116 человек. В 1765 году из казаков этих 5 полков и распущенного слободского гусарского полка (1179 всадников) были сформированы 5 полевых гусарских полков, которые стали основой русской регулярной лёгкой кавалерии.

В 1654 году, при воссоединении Украины и России, Богдан Хмельницкий привел в российское подданство 10 казачьих полков с левой стороны Днепра: Киевский, Черниговский, Винницкий, Нежинский, Переяславский, Прилуцкий, Крапивинский, Чигиринский, Миргородский и Полтавский. Надо сказать, что полки эти были не только военными, но и административными единицами, вроде областей. Сотня была подобием уезда (повета), с центром в каком-либо городке или крупном селе. Сотник же возглавлял администрацию этого населенного пункта, а затем уже командовал 100-150 козаками. Полки были разными по составу. Лубенский полк состоял из 23 сотен, Киевский – из 17 сотен, Прилуцкий – из 11. На Левобережье эта управленческая система сохранялась долго, и всё управление областью после воссоединения с Россией и сосредоточила в своих руках казачья старшина.

На правом берегу Днепра, который отошел к Речи Посполитой, тоже оставались казачьи административные единицы – 10 полков: Черкасский, Каневский, Белоцерковский, Корсунский, Браславльский, Уманский, Калницкий, Подольский, Поволочанский и Торговицкий. Но после Чигиринских походов эта система была довольно быстро ликвидирована и заменена на польскую администрацию, многие правобережные полки были расформированы, часть их казаков ушла на Левобережье и расселились на территории левобережных полков, часть осталась. Во время восстания 1702-1704 годов полки были восстановлены, как образование правобережных казаков. Но попытка присоеди-

нить Правобережную Украину к Левобережной («Гетьманщине») тогда не удалась, и эти полки были окончательно ликвидированы в 1712 году по Прутскому миру.

И, наконец, в 1686 году приняли русское подданство запорожцы, которые до этого примерно двадцать лет считались одновременно и русскими и польскими подданными.

С русским государством запорожцы уживались трудно. В 1709 году они выступили на стороне шведов и были разгромлены. Их выбили на турецкую территорию, где они пребывали четверть века, затем вернулись в Россию и были расселены в урочище Красный Кут, в четырех верстах от старой Чертомлыцкой Сечи.

Реестровых казаков на Левобережье в 1698 году разделили на выборных (которые несли службу) и подпомощников (которые помогали собираться на службу)¹. И это казаков расслоило. К середине XVIII века в числе 6 казачьих войск, служащих России, числилось Малороссийское войско с 10 казачьими (городовыми) полками, которые выступали в поход лишь во время войны, и 3 кампанейскими полками (постоянного войска) и с запорожскими казаками, объединенными в 38 куреней, – всего 92 754 человека. Ко времени, которое мы исследуем, малороссийские казаки являли собой устаревший, разваливающийся государственный и военный аппарат целого казачьего квазигосударства, созданного некогда Богданом Хмельницким.

Остальные 5 казачьих войск к моменту вступления на престол Екатерины II состояли из: донского – 15724 человек, сводного гребенского и терско-семейного – 645 человек, яицкого – 3196 человек, волжского – 1057 человек и оренбургского – 3885 человек. Итого – 24507 человек. Помимо указанных «войск» службу несли 10 казачьих полков: 5 слободских полков (которых позже переформируют в гусары) – 5116 человек, поселенного на ново-сербской границе казачьего полка – 3377 человек, астрахан-

¹ Петровський В.В., Радченко Л.О., Семененко В. І. Історія України: Неупереджений погляд: Факти. Міфи. Коментарі. Харків. ВД «ШКОЛА». 2008. С.170 – 608 с.

ского полка – 541 человек, азовского полка – 516 человек, бахмутского полка – 311 человек, чугуевского полка – 541 человек¹. Итого – 10402 человека. Вместе все эти казаки – 34909 человек – чуть превышали третью часть малороссийских казаков. Данные эти, конечно же, приблизительные.

Так, А.А. Прозоровский, в будущем фельдмаршал, в своих записках указывал, что прежде запорожцев было 40 тысяч, но на начало войны с турками в 1768 году они имели тысяч до 5 конных и 4 тысячи пеших². Постоянную пограничную службу на пикетах в 1767 году несли всего 3708 запорожцев³.

Но, как бы ни было, Россия перехватила у Польши ее казачью мощь.

Об организации и особенностях службы донских, гребенских, яицких и других казаков в указанный период времени мы писали в предыдущих работах⁴.

¹ Брикс Г. История конницы. Книга 2. М. Издательство АСТ. 2001. С.179.

² Прозоровский А.А. Записки. 1756-1776. М. 2004. С.350.

³ Яворницкий Д. История запорожских казаков. Т.1. М. Центрполиграф. 2017. С. 359.

⁴ Венков А.В. Казачество в Семилетней войне. М. Вече, 2019 – 336 с.; Его же. Казаки в Первой русско-турецкой войне (1768-1774). М. Вече, 2019 – 384 с.

Гайдамаки

Казачество на обоих берегах Днепра не оставило мысли о едином казачьем государстве. Тем более что в 1750 году Императрица Елизавета Петровна восстановила Гетманщину, а старое полковое деление сохранялось до 1782 года. И правобережные казаки готовы были поддержать своих левобережных товарищей во многих начинаниях. А начинаний было много.

Когда запорожцы вернулись из Турции, была создана новая Сечь. Запорожцы сразу же начали земельные тяжбы с донцами, но более надежным источником быстрого обогащения для них была ослабевшая Речь Посполитая, вернее – панские поместья на украинской территории. Паны там чувствовали себя вольготно. «Пировали мы беззаботно, и жилось нам хорошо в те времена, по пословице: *Za krola Sobka nie bylo w polu snopka, a za krola Sasa czlowiek jadl, pil i popuszczal pasa* (При короле Собке (Собесском) не было в поле ни снопа, а при короле Стасе каждый ел,пил и распускал пояс.). Пить было тогда у всех в обычае: у панов и у мелкого дворянства [исключая молодых людей, которым запрещалось прикасаться к бутылке], у духовных и светских, у судей и адвокатов, у военных и штатских; а кто отказывался, того умели и принудить. Паны не нуждались в средствах к жизни, а мелкая шляхта жила от панов...», – вспоминал один шляхтич¹.

Главной проблемой, считал автор указанных воспоминаний, были набеги со стороны Запорожья. «Даже и на Волыни не раз смущали нас, посреди наших увеселений в панских домах, преувеличенные слухи о гайдамацких наездах... Гайдамацкие шайки, человек в пятьдесят, во сто, а иногда и в несколько сот, выходили почти каждую весну из Запорожской Сечи и только осенью воз-

¹ Рассказ современника-поляка о походах против гайдамак ...

вращались в свои логовища»¹. Действительно, в одном варианте стихов под изображением Запорожца-кобзаря говорится:

«Отже ж весна наступає, що на умі, треба окончати:

Як день, так ніч, все на думці Ляха обідрати.

Або в Жида мішок грошей узить на рострати»².

«Гайдамаки... В основе слова лежит арабский глагольный корень: «гада» – смущать, беспокоить, и перешедший в турецкий язык в форме междометия «гайде» – прочь, пошел, и неопределенного склонения «гайдемак» – гнать; отсюда это слово в южной Руси приобрело значение человека, производящего смуту, гонящего или гонимого. Впервые встречается этот термин в акте 1737 года, в применении к разбойничьим шайкам, опустошавшим воеводства Киевское и Брацлавское»³. «Гайдамаками» называли правобережных повстанцев польские историки конца XVIII века. Народ называл гайдамаков «колиями», в Галичине – «опришками». «Народ видел в гайдамаках своих мстителей, их поддерживали запорожцы, сочувствовало Левобережье, как на борцов за православную веру смотрело на них угнетенное поляками православное духовенство»⁴.

Поляки, естественно, считали, что гайдамаки были шайкой отъявленных негодяев. Такие шайки пополнялись беглецами из разными земель, но больше всего – местными украинскими мужиками. Именно они указывали гайдамакам, где безопаснее и добычи много. Больше всего страдали от набегов воеводства Киевское и Броцлавское, но иногда гайдамаки приходили на Подолье и на Волынь. Оказать сопротивление им было трудно. Пограничного войска было очень мало, местные магнаты держали

¹ Там же.

² Там же.

³ <https://www.politforums.net/crimea/1391238903.html>

⁴ Александр Андреев, Максим Андреев//Настоящая история казацкой Украины//

^hhttp://lux.e-reading.bz/bookreader.php/1015660/Andreev_-_Nastoyaschaya_istoriya_kazackoy_Ukrainy.html

свои надворные хоругви при себе, а городские козаки, как считали поляки, тайно сочувствовали гайдамакам.

В набеги гайдамаки ходили большею частью верхом, брали с собой еще и вьючных лошадей, чтобы увезти добычу. Но во время набега к ним присоединялись местные пешие крестьяне. Предводитель шайки назывался «ватажком». Обычно он избирался из самых опытных гайдамаков, причем другие гайдамаки и крестьяне рассказывали о нем, что он характерник (чародей), что убить его можно только серебряной пулей, что в случае необходимости он может стать невидимым. При известии, что идут гайдамаки, жителями овладевал ужас. «Но очень часто весть об их вторжении приходила слишком поздно, потому что они пробирались как волки и делали свои отдыхи по уединенным хуторам и пассивкам»¹. Тогда вспыхивала паника.

«В Овручском повете они, по словам рассказчиков, обратили в пепел целое местечко, а Жидов вырезали до одного; в Мозырском якобы ограбили костёл и несколько (униатских) церквей; а еще где-нибудь вторгнулись в монастырь, жгли монахов на огне и пороли им жилы; и с каждым днем силы гайдамак, в этих рассказах, увеличивались, так что уж их насчитали, может быть, в десять раз больше, нежели сколько их было в самом деле. На дорогах беспрестанно встречались шляхта и Жиды, перевозившие жен, детей и лучшее из движимости в города и небольшие укрепления в магнатских имениях, где они надеялись найти какую-нибудь защиту»².

Шляхтич Симон Закревский вспоминал о боях с двумя отрядами гайдамаков. Одним руководил запорожец Иван Чуприна, который до этого уже пятнадцать раз вторгался в Польшу, другим – Семен Чортоус,

В посланных польских отрядах, «чтобы переловить несколько десятков гайдамак», были все рода войск, включая артиллерию,

¹ Рассказ современника-поляка о походах против гайдамак...

² Рассказ современника-поляка о походах против гайдамак...

«были компутовые гусары и панцырные в полном вооружении, в леопардовых и волчьих шкурах, а так же и пехота. Сверх того собрано было здесь без числа городских козаков». Симон Закревский, до этого в боях с гайдамаками не участвовавший был удивлен и высказал свое удивление командиру. «...Он отвечал, что для поимки гайдамак ни в каком случае не может быть слишком много рук, потому что эти злодеи защищаются отчаянно и гибнут до последнего, зная, что им пощады не будет. “Их ожидает (продолжал он) собачья смерть на ветви дерева, или страшное сиденье на колу, потому они бросаются как бешеные один на десятерых и часто пробиваются сквозь засаду не только сами, но и с добычей. Вот увидите завтра, в каких они богатых нарядах. Это они у нас так приоделись, потому что из Сечи выходят только в напоенных салом рубашках и кажанках из телячьей кожи”»¹.

Сопротивление гайдамаков было ожесточенное. Гайдамаки из отряда Чуприны, как вспоминал Закревский, «убили нашего подполковника, двух, или трех офицеров и около пятидесяти рядовых; нескольких также ранили, и в том числе майора». Затем 40 конных гайдамаков смяли волошские хоругви, прорвались, «не дали себя настигнуть и ушли в Сечь, оставляя везде за собой пожары», хотя сам Иван Чуприна и «пал от руки молодого князя Мартина Любомирского». Гайдамаков погибло около восьмидесяти, а изувеченных и здоровых схвачено около сорока.

Отряд Чертоуса тоже пытался прорваться из окружения с криком: «*Нуте, браття, або добути, або дома не бути!*». Около 300 гайдамаков погибли, сдались 36 здоровых и 8 раненых.

Суд вершился на месте. «В это время прибыл также из Каменца-Подольского войсковой судья с инстигатором и палач со своими прислужниками. Начался допрос пойманных гайдамак; их пытали... Судья записал все эти показания, и вместе с тем составил длинный список убитых и живых гайдамак и произнес последним приговор. Одних осудил он на виселицу, других на кол,

¹ Там же.

третьих на четвертованье. Живых отослали под сильной стражей в Каменец-Подольскую крепость для исполнения этого приговора; а мертвых четвертовали на месте и разослали головы, руки и ноги по городам и местечкам для всенародной выставки на кольях»¹. То есть, убитых в бою гайдамаков тоже порубили на части.

Гайдамаки под пытками молчали. «Ни обещания и увещания войскового судьи, ни пытка, в которой палач работал от всего сердца, не в силах были прервать упорного молчания закаленного в терпеливости разбойника». Сдаваться отказывались. «На троекратно повторенное воззвание сдаться, гайдамаки наконец отвечали грубиянским и оскорбительным криком, в котором они не щадили ни нас, ни наших матерей». Из отряда Чертоуса некоторые все-таки сдались, поскольку им обещали жизнь. Тем не менее, «прибыл войсковой судья с следователями и палач с своими прислужниками, – одни для изречения приговора трупам, другие для глумления над ними; ибо живых пленников, для подробнейшего допроса, тотчас отправлено, в оковах и под сильною стражею, в подземелья Полонского замка, которые назывались *Индиею*»². После «глумления» над убитыми «наступила обычная в таких случаях рассылка по местечкам и большим дорогам голов, рук и ног разбойничьих, что, правду сказать, производило больше отвращения в прохожих, нежели спасительного страха в продавших себя чорту злодеях»³.

Невольно вспоминается фраза: «Трусость – мать жестокости»...

Что за люди присоединялись к гайдамакам? Вот пример: «То был какой-то плут попович из Волыни; приглянулся он какой-то уже немолодой госпоже, отравил ее мужа и на ней женился. Она записала ему свое имение, и он начал было уже называться дворянином и даже паном мечником. Потом, когда баба ему надоела, он так же отравил и ее, а имущество ее присвоил себе.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

Наконец начал делать соседям насилия, наезжая на их дома. Его судили и приговорили к смерти; но он ушел из Волыни и пристал к гайдамакам, которых изумил изысканною жестокостью, с какою он забавлялся муками несчастных жертв, допрашивая их, где у них спрятаны деньги, и заслужил от разбойников имя *Исповедника*. И конец ему был соответствующий. Ему «переломали руки и голени и потом повесили, зацепив железным крюком за ребро, так как он признался в самых ужасных преступлениях»¹.

Воспоминания шляхтича заканчиваются описанием возвращения из похода. «Проезжая мимо пехоты, я услышал песню, которой один куплет до сих пор помню:

Coz bedziemy robili
Gdysmy warte odbyli?
Wezmiem flinto, patronas,
Pojdziem na wies kury krasc.

(Что же нам делать, отбив свою службу? Возьмем ружье и патронташ и пойдем на деревню красть кур.)

“О-го!” подумал я, “недаром зовут вас курохватами! А от лычка и до ремешка. При удобном для грабежа случае, вы бывали не лучше этих гайдамак”».

Издатели воспоминаний Симона Закревского прокомментировали ситуацию в Речи Посполитой. «Первоначальными гайдамаками были в нем его собственные жолнеры (военные люди), от которых страдали все провинции и которые, состоя почти из одной шляхты, вкоренили в ее духе всеподавляющий деспотизм личного произвола. Общественный порядок в этом несчастном государстве основан был на праве сильного, которое от Радзивиллов, Потоцких и им подобных магнатов нисходило до последнего человека в королевстве, носившего оружие, и чем ниже спускалось, тем было нестерпимее для народа, который резко был отличен в “правах и вольностях” от шляхетства. Польки не шутя верили, что мужики произошли от Хама и созданы

¹ Там же.

именно для того, чтобы работать на панов, и ни одному государственному человеку не приходило у них в голову позаботиться об улучшении участи этой отверженной касты, которая составляет плодотворную почву каждого государства»¹.

И еще одно замечание: «В польском обществе почти всегда господствовало нестроение и происходили явления своевольства... В сохранившихся уголовных делах о гайдамаках зачастую попадают имена лиц “урожденных” т. е. лиц шляхетского происхождения в качестве участников и нередко предводителей гайдамацкой ватаги. Таким образом шляхетство своими обычными наездами друг на друга, само приучало подвластных ему хлопков к самовольству и собственным примером дало им повадку расправляться и за себя путем насилия, а не путем закона, который в Польше вообще был малосилен»². Позже между пойманными гайдамаками был обнаружен «бездельник черного гусарского полку капитан Станкевич с несколькими числом российских подданных»³.

Еще в XIX веке ученые пытались определить причины движения гайдамаков и свели все к религиозному противостоянию: «Выяснено также с очевидной убедительностью, что гайдамацкие волнения не происходили на почве экономических неурядиц, не были последствием тяжелого материального гнета, тяготевшего будто бы тогда над гайдамаками, а имели так сказать чисто духовный и религиозный характер. Это была жестокая и отчаянная борьба между представителями двух друг другу ненавистных исповеданий, католицизма и православия, из которых первое насильственно и грубо навязывалось последователям другого.

¹ Там же.

² Костомаров Н. Материалы для истории Колиивщины или резни 1768 г. // Киевская старина, № 8. 1882. С. 301-302. // <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivsina/Dok1/text.htm>

³ Материалы для истории Колиивщины или резни 1768 г. // Киевская старина, № 8. 1882. С. 322. // <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivsina/Dok1/text.htm>

Установлено положительно, что гайдамаки были не шайка кровожадных людей, живших грабежом и разбоем, как это утверждалось раньше, действовавших без всякого определенного плана, но что они боролись за вполне определенную идею, заключавшуюся в желании завладеть Киевским воеводством или, по крайней мере, значительными частями его»¹.

Впрочем, в сносках к данной публикации было высказано другое мнение: «Мы полагаем, что это положение автора не вытекает из современной разработки данного вопроса; исследования о быте крестьян (конечно не гайдамаков), по нашему мнению, ясно указывают на то, что юридическое и экономическое положение крестьян было одною из важнейших, хотя не единственною, причиною гайдамацкого брожения. – Ред»².

Таким образом, мы видим на территории Украины постоянную неуспокоенность, связанную с соседством запорожцев, которым сочувствует казачество, оставшееся на Правобережье, да и обычное население.

¹ К истории Уманской резни 1768 г. // Киевская старина, № 11. 1895. С.212.

² http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivsina/Uman_reznja/text.htm

² Там же. С.230.

Проблема диссидентов

Поводом очередного вмешательства русского правительства (теперь уже в лице Екатерины II) в польские дела стала проблема диссидентов – угнетаемого религиозного меньшинства (православных и протестантов), составлявшего до ¼ части населения Польши. Екатерина – венценосная «правозащитница» – решила «не успокаиваться до тех пор, пока русские люди «придут в законное положение по правам и справедливости»¹.

В 1763 году в Польше на 67 году от рождения умер король Август III, который сидел на польском престоле в течение долгих 30 лет. В свое время Россия, как гарант польской безопасности, имея развязанные руки в делах польской внутренней политики, в 1733 году обеспечила ему восхождение на отцовский престол. Еще до смерти Августа III среди польских магнатов образовалось две партии. Каждая хотела видеть на освобождающемся престоле своего ставленника. Сам король хотел передать трон сыну – курфюрсту Саксонскому – и имел в этом поддержку одной из партий, которую возглавляли премьер-министр Бриль и великий маршал коронный граф Мнишек. Фактически за этой «саксонской» партией стоял мощный клан магнатов Потоцких.

Потоцким противостоял клан князей Чарторыйских, возглавлявших «русскую партию». В партию Чарторыйских входил каштелян краковский и воевода мазовецкий Станислав Понятовский (1676–1762). Понятовский был женат на дочери одного из Чарторыйских – Казимира, подканцлера литовского и каштеляна виленского. Плод этого брака – князь Станислав Понятовский Младший – и выдвигался Чарторыйскими на польский пре-

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. М. Мысль 1965. С. 134.

стол. Но, говоря современным языком, сам он не был «независимым политическим игроком».

1 февраля 1763 г. в Петербурге узнали об ухудшении здоровья Августа III. 3 февраля созванный императрицей совет постановил сосредоточить на границе с Речью Посполитой тридцать тысяч солдат и готовить еще пятьдесят тысяч.

Король еще был жив, а «партии» уже ругали и пугали друг друга и грозили применить силу. Для этого был опробованный способ – создание конфедерации.

Конфедерация (польск. *konfederacja*) в XVI–XVIII веках являла собой временный политический союз шляхты. В период бескорольвья и в других чрезвычайных случаях шляхта собиралась на «конвокационный сейм», который объявлял себя генеральной, или каптуровой, конфедерацией, то есть верховным органом власти в стране. Конфедерации могли быть «генеральные», в которые объединялись общегосударственные политические союзы шляхты, могли быть и местными, воеводскими. Иногда конфедерации выливались в восстание шляхты против короля и превращались в «рокош» (мятеж).

Екатерина безоговорочно встала на сторону «русской партии» и 1 апреля 1763 г. объявила своему послу при польском дворе Кейзерлингу: «Разгласите, что если осмелятся схватить и отвезти в Кёнигсштейн (резиденция «саксонской партии» – А.В.) кого-нибудь из друзей России, то я населю Сибирь моими врагами и спущу Запорожских казаков, которые хотят прислать ко мне депутацию с просьбою позволить им отомстить за оскорбления, которые наносит им король Польский»¹. То есть, поляков пугали запорожцами, и в реальности этой угрозы поляки вряд ли сомневались.

С другой стороны, Екатерина не хотела быть орудием в руках «русской партии». Она писала Кейзерлингу 4 июля: «я не хочу быть увлечена далее того, сколько требует польза моих дел»².

¹ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. XIII. М.: Наука, 1964. С. 82

² Там же.

Предполагалось удерживать Чарторыйских от создания конфедерации, поскольку русская армия не могла выступить в 1763 году в поход на Польшу из-за отсутствия финансов, съеденных Семилетней войной. Принятое решение о концентрации войск на польско-литовской границе воплощалось в жизнь, но очень медленно.

По воспоминаниям А.А. Прозоровского, лишь 3 августа 1763 года «нашей Смоленской дивизии приказано было быть к выступлению в такой готовности, чтоб по получении первого Указа в 24 часа могли выступить в поход»¹. Был назначен командующий – генерал-майор князь Николай Иванович Салтыков, который «с 1763 по 1768 год предводительствовал попеременно российским войском в Польше, где приобрел общую к себе любовь и уважение»².

Полки Смоленской дивизии готовились к походу всю зиму, «как болезнь его (польского короля – А.В.) столь была опасна, что жизнь его совершенно была отчаянна, а следственно и мы с часу на час ожидали выступления»³.

Видимо, до офицеров дивизии информация доходила очень плохо. Король Август III умер задолго до зимы, 5 октября 1763 года. Уже зимой, 6 декабря 1763 года, умер его сын Карл Август, курфюрст Саксонский, которому Август III хотел передать престол. Главой противостоящей Чарторыйским партии стал гетман Браницкий.

Выборы нового короля были назначены на 1764 год.

Из двух претендентов – граф Ян Браницкий и князь Станислав Понятовский – русские сделали ставку на Понятовского, бывшего любовника Екатерины. Его соперник был коронным гетманом, командующим польскими войсками, а кроме того, как и многие

¹ Записки генерал-фельдмаршала А.А. Прозоровского. 1756-1776. М. 2004. С. 89.

² Бантыш-Каменский Д. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 2. С.199.

³ Записки генерал-фельдмаршала А.А. Прозоровского... С. 89-90.

польские вельможи, он имел собственные вооруженные отряды. Браницкий сразу же ввел в Польшу контингент саксонских войск, которые ему подчинялись. И еще один вельможа, воевода виленский Радзивилл, готовился вмешаться в выборы короля с оружием в руках.

Австрийский посол Мерси активно поддерживал противников Понятовского. Русские, в свою очередь, пошли на сближение с Пруссией. Впрочем, прусский король тоже не любил покойного польского короля и как-то сказал: «Я ему размозжу голову его короной»¹.

31 марта (11 апреля) 1764 г. в Петербурге были подписаны русско-прусский оборонительный трактат и секретная конвенция относительно Польши. Екатерина и Фридрих договорились избрать королем Станислава Понятовского, что и было зафиксировано в конвенции, а также сохранять «вплоть до применения оружия» действующие «конституцию и фундаментальные законы» Польши. Король и императрица совместно выступили за возвращение диссидентам «привилегий, вольностей и преимуществ, которыми они ранее владели и пользовались как в делах религиозных, так и гражданских»².

Сторонники Понятовского – князья Чарторыйские – просили Екатерину II прислать 2000 конницы и два полка пехоты. Но канцлер граф Н.И. Панин советовал императрице послать пока тысячу казаков, которые уже готовы, и тем самым компенсировать ввод саксонских войск, но больше действовать деньгами, подкупками польских группировок.

Эта тысяча казаков была представлена Донским полком полковника Туроверова, который стоял на территории Польши со 2 ноября 1763 г. по 1766 г., и Донским полком Петра Попова, который оставался в Польше подольше – до 1768 года.

¹ Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами. (1768-1774). Т. 1. СПб. 1866. С. 16.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. XIII. М.: Наука, 1964. С. 252.

Стоявший в польской Пруссии еще со времен Семилетней войны и охранявший оставшиеся там магазины отряд генерала Хомутова должен был двинуться на Варшаву или к Белостоку, резиденции коронного гетмана. Отряд был невелик, но новый посол в Польше князь Н.В. Репнин был уверен, что 5-6 тысяч поляков не осмелятся на него напасть.

Что касается Смоленской дивизии, то весной 1764-го года ее полки под командой генерал-аншефа князя Волконского выступили из Смоленска и стали лагерем на самой «тогдашней» границе в местечке Лядах. После их выступления прибыли под Смоленск командированные на подкрепление Смоленской дивизии полки из Московской дивизии. Эта дивизия расположилась в окрестностях города Смоленска.

В начале апреля 1764 года два отряда русских войск из состава Смоленской дивизии вступили в Литву, где опасения вызывал князь Радзивилл. Один отряд под командованием князя Волконского шел через Минск, другой под командованием князя Дашкова двигался на Гродно.

А.А. Прозоровский вспоминал, что из лагеря под Лядами из состава Смоленской дивизии «командирован был внутрь Польши в повеление князя Николая Васильевича Репнина генерал-майор князь Петр Сергеевич Долгорукой с полками Апшеронским, с Санкт-Петербургским и Рязанским карабинерным. А оставшиеся в сем месте полки, простояв до осени, возвратились и расположились по непременно квартирам»¹.

На 7 мая был назначен сейм. Радзивилл привел туда с собой 3000 вооруженных людей, с вооруженным отрядом прибыл и гетман Браницкий. Русские войска, в свою очередь, расположились около Варшавы, в Узлове и Солце. Браницкий и Радзивилл вывели свои войска из Варшавы, чтоб найти место для создания конфедерации. Вслед за ними двинулся отряд Дашкова. В 21 миле от Варшавы произошло вооруженное столкно-

¹ Записки генерал-фельдмаршала А.А. Прозоровского... С. 90.

вание отряда Дашкова с арьергардом Браницкого. Поляки быстро отошли. Это было первое сражение, в котором участвовал молодой тогда еще М.И. Кутузов. Д. Бантыш-Каменский пишет, что «Кутузов разделил тогда славу соотечественников: находясь под командою подполковника Бока, сразился (28 июня), близ Варшавы, с Виленским воеводою князем Радзивилом, обратил его в бегство»¹. Радзивилл вскоре отделился от Браницкого и пытался прорваться в Литву, но под Слонимом был разбит и с 1200 конных переправился через Днестр у Могилева и ушел в Молдавию. Его пехоту и артиллерию князь Дашков догнал в деревне Гавриловке и взял в плен. Иван Семенович Кумшацкий, есаул полка Туроверова (с 21 ноября 1763 г.), в своем послужном списке отметил: «в действительных сражениях против князя Радзивилла»².

Гетман Ян Браницкий, преследуемый русскими войсками, ушел в Венгрию.

16 августа начался избирательный сейм, и 26 августа королем был избран Станислав Понятовский, стольник литовский. «... Поляки были приведены этим в большое удивление и говорили, что такого спокойного избрания никогда не бывало»³. Возможно, причина в том, что Рязанской карабинерный полк был, как писал А.А. Прозоровский, «на избрании короля»⁴.

25 ноября Станислав Понятовский короновался в Варшаве под именем Станислава Августа IV.

Проигравший кандидат великий гетман коронный Ян Браницкий признал нового короля и удалился в свою резиденцию Белосток, который стал центром всех недовольных правительством.

¹ Бантыш-Камеский Дм. Указ. соч. Часть 3. С.28-29.

² Корягин С.В. Платоновы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 70. М.: Русаки, 2007. С.38.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIII... С. 361.

⁴ Записки генерал-фельдмаршала А.А. Прозоровского... С. 91.

Недовольство имело под собой почву. Как писал французский посол в Порту, «по смерти короля Августа III русский двор возвел известными средствами на польский престол свою креатуру и возжег усобицу между поляками для своих выгод, наполнивши страну своими войсками»¹.

Действительно, русские войска были введены в Варшаву. Вступивший при поддержке русских войск на престол Станислав Понятовский за это «благодеение» получил требование восстановить в правах диссидентов – притесняемые православные и протестантские меньшинства. 17 октября 1764 года Екатерина писала князю Репнину: «Мне остается рекомендовать Вам всего более два дела: дело о диссидентах и дело о границах; моя слава заинтересована в обоих, помните это, оба дела в Ваших руках, действуйте согласно с указаниями и инструкциями»².

Откуда вообще взялась проблема диссидентов? Началось все в год выбора короля, фактически до его выборов.

«К 1764 г. этнические поляки составляли меньшинство населения в Речи Посполитой. Однако представители большинства – русские, малороссы, немцы, евреи и др. – не допускались в местные органы власти. Единство страны сильно подрывало фанатичное католическое духовенство, требовавшее все новых ограничений в правах православных и протестантов»³. В такой тревожной для поляков ситуации ставка была сделана на католицизм. «...На сейме этого года все диссиденты, в том числе и православные, лишены были свободы вероисповедания, с воспрещением им доступа к общественным и гражданским должностям. В короткое время большая часть православных церковей была обращена в унию, так называемые благочестивые священники изгнаны из своих приходов, дома и имущества их разорены, сами

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV... С. 217.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIII... С. 364.

³ <http://www.protown.ru/information/hidden/3741.html>

они и защищавшие их прихожане подвергались самым жестоким и безчеловечным насилиям»¹.

Всем этим делом занималась радомысльская униатская консистория. На обширном пространстве Правобережной Украины не было ни одного православного епископа. По делам веры православное население Украины относилось к епископу Переяславскому, но, поскольку он находился за пределами Речи Посполитой, католики-поляки и униаты не считали его власть здесь законной. В итоге униатские митрополиты считали Украину своей диоцезией. Правителем украинских монастырей и церквей от переяславского архиерея был назначен игумен мотренинского монастыря Мелхиседек Значко-Яворский. Он обратился в Петербург, где был принят императрицей Екатериною, а оттуда в Варшаву с рескриптом императрицы на имя русского посла князя Репнина. Далее последовало письмо Екатерины к польскому королю, и дело православия на Украине приняло неожиданный оборот. «Особым привилеем король Станислав-Август позволял свободу исповедания православным жителям Украйны. От имени короля и по его приказанию вице-канцлер коронный Млодзейовский писал внушительные письма униатскому митрополиту и епископам, а также главнейшим украинским помещикам Яблоновскому, Любомирскому и Сангушке, требуя прекращения гонений на православных и законного с ними обращения. Незави-

¹ Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года // Киевская старина, № 10. 1882. С. 526//<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/HYPERLINK> «<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivsina/Rumjancev/text2.htm>»1760HYPERLINK «<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivsina/Rumjancev/text2.htm>»-HYPERLINK «<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivsina/Rumjancev/text2.htm>»1780HYPERLINK «<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivsina/Rumjancev/text2.htm>»/Koliivsina/Rumjancev/textHYPERLINK «<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivsina/Rumjancev/text2.htm>»2HYPERLINK «<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivsina/Rumjancev/text2.htm>».htm

симо от того Мелхиседеку выданы были из коронной метрики за королевскую печатью копии грамот прежних королей на свободное исповедание православной веры. Это было в феврале 1766 г. Гонения между тем на православных не прекращались во все время путешествия Мелхиседека, продолжавшегося около года. Когда же, с возвращением его, началось в украинских церквях чтение королевского привилея, ограждавшего свободу православия, это с одной стороны, высоко подняло дух народный массы приневоленных пред тем к униии снова возвратились к православию, с другой – довело до исступления их врагов и вызвало этих последних на новые жесточайшие преследования исповедников православия»¹. Пользуясь отсутствием реальной королевской власти, «распущенная шляхта цинично глумилась над выданным королевским привилеем, указывая для него самое непристойное назначение; шляхтич Хайновский азартно кричал: <и королю отрубят голову за то, что схизматикам выдал привилей>»². Мелхиседек был схвачен и содержался в тюрьме в м. Грудке. Сотнику жаботинскому Харьку, сопровождавшему Мелхиседека, отрубили голову, а млиевский ктитор Даниил Кушнир был всенародно сожжен в обозе польских войск под м. Ольшаной.

На территорию Украины вступило польское войско, называемое «украинской партией», под командою Воронича. Начались страшные поборы с населения. Воронич рассылал летучие отряды для усмирения не желающих принять униии, и жестоко карал их. Православные церкви брались с боя, монахи и священники бились смертным боем, заковывались и отправлялись на работы. Не меньше доставалось и упорствующим мирянам. Все это вызвало смятение и ужас народа. Но ответ людей был один: «отнимите у нас жизнь, но мы не хотим быть в униии». «Эта страшная картина народных страданий не изменялась ни на иоту до конца 1766 г.»³.

¹ Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года... С. 527.

² Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года... С. 527.

³ Там же. С. 528.

Была ли Екатерина II истинной поборницей православия, или она просто цинично использовала диссидентский вопрос, чтоб иметь постоянный повод вмешиваться во внутренние дела Речи Посполитой, в настоящий момент роли не играет. Она ясно показала, что будет использовать любой повод для удержания Польши под русским контролем.

Прокоролевски настроенная польская знать заколебалась. Король послал в Петербург графа Ржевуского домогаться вывода русских войск из польских владений, «чтоб не было русского войска в Польше, чтоб не было фраз, доказывающих иностранное господство»¹.

По воспоминаниям А.А. Прозоровского, в 1766 году в лагеря Смоленской дивизии, расположенные вокруг Смоленска, «прибыли вышеупомянутые полки, находящиеся в Польше, кроме Рязанского карабинерного..., а по окончании лагеря полки распущены были по неперемным квартирам»². Причем, возвращаясь из похода, участвовавший в нем полковник Астраханского пехотного полка И.В. Гудович «переловил более трех тысяч беглых солдат, большею частию старообрядцев»³. То есть, старообрядцы, как ни странно, бежали в Польшу.

Русский посол в Польше князь Репнин считал, что русские «войска нужны для обуздания нации и для побуждения ее к исполнению требований по диссидентскому делу»⁴.

Особым врагом диссидентского дела был краковский епископ Каэтан Солтык, который был настроен против Станислава Понятовского и говорил: «Хорошо, избрав короля, займемся его низвержением»⁵. И Репнин, с целью давления на этого епископа, предлагал ввести в его деревни на постой русские войска. Петербург ответил, что если Солтык не поймет «первого поучения», то

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV... С. 141.

² Записки генерал-фельдмаршала А.А. Прозоровского... С. 90.

³ Бантыш-Камеский Дм. Указ. соч. Часть 3. С.11.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV... С. 140.

⁵ Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами... С. 16.

«на границах стоит 40 000 войска, которое тотчас будет введено в Польшу и Литву, расставлено по деревням противников и содержано на их иждивении, потому что императрица считает диссидентское дело интересующим и собственную ее славу, и прямое благо республики и непременно желает достигнуть его успеха всеми возможными способами»¹. Пока же при Репнине были три батальона, две гренадерские роты Куринского полка, один полк карабинер и полк чугуевских казаков.

Чугуевский казачий полк считался лучшим из казачьих полков России. Он на треть состоял из крещеных калмыков. В полку была четкая структура, и регулярно проводились занятия. Чугуевский полк отличился в Семилетнюю войну и большую часть ее он провел в конвое главнокомандующего.

При всех своих положительных качествах русские войска, будучи в таком количестве, не могли повлиять на умонастроения поляков. После долгих колебаний и взаимных уговоров Сейм ответил отказом. 19 ноября 1766 года он завершил работу: «увеличено было жалование войску, постановлено учредить военное училище, но требование держав в пользу диссидентов осталось без всякого удовлетворения»².

Русское правительство пыталось играть на противоречиях внутри польской аристократии, но одновременно готовило на февраль 1767 года вступление в Польшу трех корпусов с наступлением на Сандомир, Слуцк и Торн.

А.А. Прозоровский вспоминал: «В 1767 году в генваре велено Смоленской дивизии господину генерал-порутчику Ивану Петровичу Нумерсу выступить в Польшу с своим корпусом, в котором бывший прежде того на избрании короля Рязанской карабинерной, а затем еще Рижской же карабинерной, Четвертый Грано-дерский, Бутырский, Выборгский и Пермский пехотные полки, которою пехотою бригадное начальство поручено было мне.

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV... С. 141.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 14... С. 158.

А конница, состоящая из Рижского карабинерного, Сербского гусарского полку и тысячи донских казаков определена в бригаду генерал-майора Ивана Михайловича Измайлова, а генерал-майору князю Долгорукову с двумя бывшими уже с ним в Польше полками, с Санкт-Петербургским и Апшеронским, остаться веле-но на непременных квартирах. В то же время из Лифляндской, Украинской и Севской дивизии отряжены два корпуса, один под командою генерал-майора Николая Ивановича Салтыкова, а дру-гой под командою генерал-майора Петра Никитича Кречетнико-ва. Наружное намерение объявлено было, что сии войска посы-лаются споспешествовать восстановлению прав и привилегий диссидентских!»¹.

Прусский король передавал императрице Екатерине о своих надеждах, что «она не слишком далеко будет вести диссидент-ское дело и не воспламенит новой войны по такому ничтожному поводу»².

Прусский резидент в Польше Бенуа, сообщал, что поляки лишь ждут вывода русских войск, тогда «можно найти средство сделать положение диссидентов в тысячу раз хуже, чем оно те-перь, что их истребят или выгонят»³.

Меж тем русское командование считало, что за вступлением русских войск в Польшу лежат не только диссидентские пробле-мы. «Но наконец и прямой предмет вступления в Польшу сих войск нам стал известен, ибо некоторые до сего относящиеся материи сказаны нам приватно, а другие и сами по себе в тече-нии дел открылись», – писал А.А. Прозоровский⁴. Они состояли в следующем: польские магнаты не только уклонялись от реше-ния диссидентских дел и обманули в том российского и прусско-го министров (пруссаки выступали за права протестантов), но

¹ Записки генерал-фельдмаршала А.А. Прозоровского... С. 91.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV... С. 159-160.

³ Там же. С. 160.

⁴ Записки генерал-фельдмаршала А.А. Прозоровского... С. 91.

еще хотели переменить образ правления, оставив узаконенное на основании древних их привилегий «liberum veto» или едино-гласие на Сеймах, а узаконить вместо того большинство голосов. Министры двух дворов, российского и прусского, проведение в жизнь этого решения пресекли. Но, узнав об умышлении изме-нить в Польше государственный строй, Петербургский двор ре-шил довести польскую республику до того, чтобы поляки сами просили русские власти о гарантировании конституции Польши, то есть, чтобы русские поручились, что должности и привилегии польских магнатов навсегда будут сохранены. С другой стороны, князья Черторижские и сам король стремились сделать в Поль-ше власть короля самодержавной. В этом намерении они вошли в секретные переговоры с венским двором. Король хотел соеди-ниться браком с одной из австрийских герцогинь, но ему отве-тили, что его желание потому не может быть исполнено, что он только сам король, а дети его будут только Понятовские. Он же обещал сделать польский трон самодержавным и наследствен-ным. Чтобы этот план был признан и в Польше и в России, ко-роль начал интригу, имеющую целью поссорить берлинский двор с петербургским. Все заблаговременно узнал король прусский и, по мнению А.А. Прозоровского, сообщил российскому двору¹. Русский двор «посему имел причину за такие предприемлемые интриги отмстить». И польский король «едва тогда трона своего не потерял, ибо петербургский двор на низвержение его был со-гласен»². Было ли так на самом деле, или так виделась ситуация одному из русских генералов – Бог весть.

Диссидентские вожди готовили конфедерацию на 9 мар-та 1767 года, Репнин дал знать в Петербург, чтоб на этот срок русские войска были готовы вступить в Польшу. Императрицей князю Репнину были даны особые полномочия. «Ко всем началь-никам находящихся в Польше войск был имянной Указ, чтобы

¹ Там же. С. 91.

² Там же. С. 92.

они повеления князя Репнина равномерно, как Имянные Указы исполняли»¹.

Корпус генерала Нумерса, по воспоминаниям А.А. Прозоровского, выступил из Смоленска в феврале, имея повеление идти к Вильне. Средняя его колонна следовала на местечки Леедыдоршу и Минск, а прочие две колонны двигались: одна с правой, а другая с левой стороны. Прозоровский нагнал Нумерса около Минска и принял командование над пехотными бригадами. Движение было затруднено, поскольку «время было вешнее, когда растворилась вся земля, следственно приближалась водополь и большая грязь». Но войска до Вильно все же дошли. Еще 2 тысячи заняли Торн и 2 тысячи – Слуцк.

Вместе с регулярными войсками весной в Польшу вступили новые донские казачьи полки под командованием походного атамана Поздеева: полк Амвросия Луковкина с 1 мая 1767 г., полк Яновского с 1 мая 1767 г. (и оставался в Польше по 1774 г.) и полк самого Михаила Осиповича Поздеева с 5 мая 1767. Позже, 15 ноября 1767 г., в Польшу вошел полк Осипа Данилова, ранее охранявший границу по р. Миусу.

Под прикрытием русских войск активизировались диссиденты. Они взяли у Репнина 20 000 червонных и образовали две конфедерации – из протестантов в Торне и из православных в Слуцке.

По воспоминаниям А.А. Прозоровского, литовские диссиденты собрали конфедерацию в городе Несвиже, где находились под защиту полковника Полянского с его Рязанским карабинерным полком и несколькими полками донских казаков. По созданию конфедерации им всем велено было прибыть в Вильну. Маршалком этой литовской диссидентской конфедерации был Грабовский, а в числе консилиаров был Могилевский епископ греко-российского исповедания. Прочие ж диссиденты и Грабовский были почти все кальвинисты. Лютеран было весьма мало, ибо в Литве и Жмудях большею частью проповедуют кальви-

¹ Там же.

низм. Грабовских было три брата – Михаил Григорий, Ян Ежи и Павел. Один из них (не маршалок) Михаил Григорий занимал высокие посты. До 1764 года он был камергером короля Августа III. В 1767 году, получив чин генерала, он стал шефом полка коронной гвардии,

Еще до прибытия десидентской конфедерации из Несвижа, Репнин предписал генерал-поручику Нумерсу отрядить два отряда («деташамента»), каждый под командою одного генерала-майора. Отряды должны были выступать на Брест («Бржесц Литовский») и Гродно.

Прозоровский получил Брестский деташамент, который тотчас должен был выступить. Отряд состоял из карабинерного Резанского полка, одного Сербского гусарского эскадрона под командою майора Жандра, двухсот донских казаков, по одному батальону от Выборгского пехотного и Пермского пехотного полков с их егерями и четырех орудий полевой артиллерии под командою подпоручика князя Волконского. «Деташамент» должен был вместе с диссидентской конфедерацией идти в Брест Литовский и там оставаться для ее прикрытия.

А назначенный в Гродно, где должна была собраться литовская католическая конфедерация, генерал Измайлов должен был еще ожидать повеления о выступлении и оставался в Вильне. В его отряд определено было два батальона пехоты, один карабинерный полк, часть гусар и казаков.

Опираясь на эти конфедерации, Репнин стал готовить чрезвычайный сейм. Католики тоже готовились к нему. Главный целью организуемых российским послом диссидентских и католических конфедераций было то, чтоб на чрезвычайном Сейме возратить диссидентам прежние их права, а затем, чтобы они просили российский двор о принятии на себя гарантий в сохранении вольности и прав польской республики, после чего она (республика), как само по себе разумеется, не должна была входить ни в какие новые союзы без согласия своего гаранта. «Главное искусство и труд состояли в том, чтобы согласить на сие нацию... Первей-

шими к достижению сего средствами были обещания и присутствие войск», – считал Прозоровский¹.

Достижение этой цели было удобнее на чрезвычайном сейме. Обычный Сейм, называемый ординарный, в Польше собирался чрез каждые три года, а сеймики начинались за шесть недель до него, но не иначе, как по универсалу, выданному от короля. Король польский вместе с Сенатом могли созвать и экстраординарный Сейм через такие же универсалы. Если же вся нация или часть ее имела бы какие-либо «неудовольствия» от короля или республики, то тогда недовольная часть собирала конфедерацию, а потом должна сделать также сеймики, и претензии их бывали удовлетворены посредством такового же Сейма.

Ставка делалась и на недовольство части шляхты королем. Многие поляки ничего так не желали, как свергнуть его с престола и на его место возвести другого человека. Этому хотела сохранившаяся саксонская партия, во главе которой был граф Потоцкий, воевода киевский. Репнин давал ей надежду, что российский двор позволит им свергнуть короля с престола. Из Финляндской дивизии были вызваны в Польшу без полков полковники Кар и барон Игельстром, которые ездили по Польше и в виде «партикулярных разговоров» высказывались и против польского короля. Репнин впоследствии говорил, что он саксонской партии чего-либо ясно никак не обещал. Но, говорил он, если саксонская партия обещает склонить Сейм признать российский двор гарантом польской конституции, а король продолжит интриги с целью сделать польский трон самодержавным, то российский двор наш равнодушно отнесся бы к низложению Понятовского.

Сразу же возникли внешние препятствия. Австрия боялась, что из-за проблемы диссидентов ее подданные неримского исповедания начнут волноваться, и тоже принялась за военные приготовления.

¹ Там же. С. 94.

В апреле Россия, узнав, что Австрия вооружается, заключила союз с Пруссией. Пруссия обязалась поддержать русские войска, если австрийцы вторгнутся в Польшу и нападут там на русских.

Меж тем продолжалась подготовка конфедераций. Диссидентская конфедерация прибыла из Несвижа в Вильну, а оттуда под прикрытием отряда Прозоровского в середине мая выступила в Брест-Литовский. Прозоровский доложил об этом полномочному послу князю Репнину, и Николай Васильевич Репнин написал Прозоровскому от 17(28) мая следующее: «Письмо Вашего Сиятельства от 13/24 мая, через куриера отправленного, я получить честь имел. Не зная ж прежде, кто командовать будет деташаментом Бржеским, дал я в запас господину генералу Мокроновскому ордер к командиру онаго, с которого копию при сем прилагаю. Теперь же, ведая, что Ваше Сиятельство сим деташаментом командуете, прошу покорно по сему ордеру в свое время, когда от Гетмана Броницкого или от генерала Мокроновского потребовано то будет, исполнение приказать учинить». Упомянутый же ордер был следующего содержания: «По требованиям графа Броницкого, великого гетмана коронного, или генерала Мокроновского, под предводительством которых будет сочинена в Подляшском воеводстве в пользу нашу конфедерация, имеете вы отправить туда таких войск, каких заблагорассудится и какие в вашем деташаменте находятся, сколько они пожелают в назначенное ими место и к показанному от них числу, избрав к сему командиром надежного и расторопного офицера, которому приказать согласно с помянутыми вельможами действовать. Поступая впрочем в силу инструкций деташаментных командиров, которая уж вам чрез господина генерал-порутчика Нумерса сообщена»¹.

В то время католические конфедерации «сочинились» не только в Подляшском и Брестском воеводстве, но одновременно и во всех воеводствах и поветах по всей Польше. И каждый

¹ Там же. С. 94.

начальствующий русскими войсками в разных краях Речи Посполитой получил такое же предписание отправить часть своих войск в каждое место, где конфедерации создавались, «дабы чрез то достичь к желаемому концу Российского двора»¹.

Прозоровский выслал в Брест команду казаков и егерей во главе с майором Фабрицианом, поскольку там уже «сочинялась» католическая конфедерация, а он сам со всем деташаментом и с диссидентской конфедерацией в Брест не успевал по причине большого расстояния от Вильно до Бреста (80 миль). Официально одна польская миля превышала 7 русских верст.

Полковник Полянский с его Рязанским полком получил приказание прямо от посла идти не в Брест, а в воеводство Подляшское, куда он, не доходя до Вильны, и отправился. А там получил от посла другое повеление – отправить три эскадрона своего полка под команду подполковника князя Мещерского в Краков «для такового ж и в том краю употребления при сочинении там конфедерации, ибо назначенный туда корпус генерала-майора Кречетникова за дальним расстоянием достичь, видно, был не в состоянии»².

Когда Прозоровский с отрядом и диссидентскою конфедерацией прибыл в Брест, собиравшаяся там католическая конфедерация уже кончилась, маршалом ее выбран был князь Михаил Радзивилл. В то же время кончились и во всех других местах частные конфедерации, и Прозоровский с удовлетворением отметил, что маршалками или предводителями их были выбраны те люди, которых заранее предназначил российский полномочный посол.

Неудача постигла русских в сеймике, проходившем в городе Каменце. Каменец был расположен в 4 верстах от границы с Турцией, а, согласно договоренностей, русские войска не имели права подходить к турецкой границе на 15 верст. Зная об этом, делегаты сеймика потоптали присланную им грамоту Репнина.

¹ Там же.

² Там же.

Русские, тем не менее, послали к Каменцу войска, и делегаты сеймика бежали через границу в Молдавию.

Теперь, когда частные конфедерации во всех воеводствах были созданы, надо было собрать из них две генеральные, одну коронную, а другую литовскую, что соответствовало польским законоположениям. На это нужно было время, а время, в данном случае, играло против русских, поскольку войска стояли на польской территории, а это всегда было чревато трениями и конфликтами.

При вступлении русских войск в Польшу был объявлен Высочайший Указ, чтоб отнюдь ни под каким видом обид никому не делать, безденежно ничего не брать, а с населением обходиться ласково. Но командиры по опыту знали, что посылаемые для закупки провианта и фуража команды, даже при офицерах, не могут обойтись без того, чтоб не было наглости и грабежей. Учитывая это, Прозоровский и его офицеры просили собравшиеся на конфедерации шляхетство выбрать от земли комиссаров для продовольствия войск, а с этими комиссарами Прозоровский договорился о цене на провиант и фураж. Первой магазин (склад) он определил в Бресте, куда и приказал свозить провиант, а войскам, расположенным в близлежащих около города деревнях, повелел доставлять провиант прямо на их квартиры. «Сие учреждение, как в то, так и в предбудущее время, делало мне великое вспомоществование к содержанию войска в надлежащей дисциплине», – писал Прозоровский¹.

Кроме того в тамошних лесах в изобилии водились лоси, козы и дикие кабаны. И Прозоровский приспособил бывшую при его отряде команду егерей из 90 человек совершенствоваться в стрельбе. Командующий егерями поручик Ганрек успел научить их хорошо стрелять, и к тому же егеря получали изрядную прибыль от продажи кож и мяса.

За нужных людей хлопотал сам Репнин. В августе месяце Прозоровский получил от посла письмо следующего содержания:

¹ Там же. С. 97.

«Господин Матушевич, секретарь генеральной конфедерации и коронной имеет две деревни в воеводстве Бржеском, называемые Розна и Рогач. А как он человек привязанный к нам и своим поведением заслуживает к себе уважение, то я прошу покорно Ваше Сиятельство приказать, чтоб те ево деревни были совсем освобождены, как от квартир, так и от всех поставок провианта и фуража, несмотря на то, ежели польские комиссары сами назначили из оных брать»¹.

Трения возникали не столько между поляками и русскими войсками, сколько между местными политиками и военными. Так, князь Михаил Радзивилл (прибывший из Дрездена под защитой казаков полковника Карра), выбранный маршалом Брестской католической конфедерации, принуждал полковника Корицкого, командира уланского полка, присоединиться с полком к сей конфедерации.

В письме от 17(28) мая Репнин писал Прозоровскому: «Имею я известие, что сей же Корицкий и его полк, не поляки, а поселенные здесь татары, не имеющие преимуществ здешнего дворянства, то и нет никакого следа им к конфедерации приставать, быв особливо в собственной службе королевской, а не республики. Почему и прошу Ваше Сиятельство сказать сему князю Радзивиллу, чтоб принуждения такового не делал, а офицерам своим приказать, чтоб в оном не помогали, оставляя в совершенной вольности и спокойствии сего полковника Корицкого и с его полком»².

А маршалок дессидентской конфедерации Грабовский, родной брат которого был в польской службе генералом и шефом гвардии конного Литовского полка, имевшего свое расположение близ Бреста, вовлекал брата вместе с полком в возглавляемое им сообщество в преддверии Генеральной литовской конфедерации. То есть, конфедерации заранее готовились опереться на воинские формирования. Стоявший же в Эльбинге польский

¹ Там же. С. 99.

² Там же. С. 98.

полк Гольца, набранный из протестантов, был настроен явно про-русски.

Репнин в этой ситуации старался придерживаться буквы польского законодательства и разъяснял, что «гвардия сия, хотя из давних лет учреждена от республики, но в точной состоит зависимости от Его Величества короля польского, выключая то, что он не имеет власти персоною своею ея командировать для какой бы ни было в земле полиции или усмирения, так как он не имеет власти без согласия республики ни войны объявлять, ни мира заключать». Но если конфедерация все же обратится к генералу Грабовскому, то что бы он «конфедерации противиться не дерзал, а объявил бы только, что он ее признает и почитает, но, зависев от повелений королевских, об том Его Величеству донесет и будет от него дожидать приказания»¹.

8 (19) июня посол поручил Прозоровскому учредить от Бреста до Варшавы, на расстоянии в двадцать шесть миль, почту: «ежели у вашего Сиятельства есть еще довольное число гусар или казаков, то прошу покорно учредить из оных до Варшавы почту, определив на каждые четыре или пять миль человек по пяти, чрез что, как убытку от пересылки куриеров иметь не будете. Так и ординарная по той почте корреспонденция сколь наша, столь, особливо, между двумя дессидентскими конфедерациями вернее и безопаснее будет. Отсюда, то есть от Варшавы до Торуни, где другая дессидентская конфедерация находится, таковая почта учреждена»².

В то же время Прозоровский получил от генерал-поручика Нумерса ордер, которым, сообразно положению в Российской Империи, предписано было Смоленской дивизии подъемным лошадям с половины мая по 15 сентября фуража не давать, равно и гусарам, а казакам фураж положено отпускать только на шесть месяцев. Прозоровский прекрасно понимал, что, пуская табуны

¹ Там же.

² Там же.

на луга, русские кавалеристы начнут конфликтовать с местным населением, а лошади, расставленные по почтам, не получая еще к тому овса, будут совершенно изнурены. Прозоровский пробовал жаловаться Репнину, но тот отписался: «Мне на оное отвечать нечего, как только то, что ваше Сиятельство должны поступать в силу сего ордера, как от главного вашего командира присланного»¹.

Между тем обе генеральные конфедерации собрались. По закону одна должна была состояться в Варшаве, другая в Гродно. Но первую перенесли из Варшавы в лежащий неподалеку город Радом, ибо при живом короле в Варшаве конфедерацию никогда не собирали. Вторую из Гродно перенесли в Вильно.

Виленская конфедерация прошла без затруднений. Но Радомская требовала низложить короля и иначе требуемый акт конфедерации не подписывала. Приставом на конфедерации был полковник Кар, который принужден был привести на заседание батальон пехоты с пушками, чем и заставил собравшихся подписать все, что надо.

Таким образом, из частных конфедераций были составлены две генеральные. Теперь была возможность назначить так называемый конфедерационный Сейм, на котором уже не было «*liberum veto*», то есть необходимости единогласного решения, но все утверждалось простым большинством голосов. На Сейм надлежало прислать из каждого воеводства и повета земских послов, которые и составляют Сейм, представляя тут собой все шляхетство того воеводства или повета. При отправлении их на Сейм общество давало им инструкцию, чего они должны требовать. Также Репнин настоял внести в повестку весьма важные пункты, а особенно пункт прошения, чтоб Россия приняла на себя гарантии незыблемости польской политической системы.

По поводу сего Прозоровский получил письмо от посла, князя Репнина, от 30 июля (10 августа): «В воеводстве Подляжском

¹ Там же. С. 99.

сеймики имеют держаться под предводительством господина генерала Мокроновского, а как к оным потребны наши войски, то я прошу Вашего Сиятельства послать к 9/20 числу сего месяца по сту человек под надежными офицерами в три разные места, где Сеймики сего воеводства держатся. Таких войск, какие за благорассудите, а лутче б было, естли б конница была. Места ж, где Сеймики держаться будут и в которые командам нашим надлежит прибыть, суть следующие: 1-й Драгечин; 2-й Брянск; 3-й Мелник. Приказать сим офицерам главным в каждом деташаменте надлежит, чтоб они согласно поступали во всем с генералом Мокроновским и с теми, и что от него им предпишется. И предводители назначены будут тем Сеймикам. Выбраны ж на оных будут на каждом Сеймике по два земских посла, из которых половина оставлена от меня на рассуждение генерала Макроновского, а другая уже от меня точно ему предписана, а именно: назначенный мной в Дорогочин земским послом господин Муравский, в Брянск господин Вильчевский, подкоморжий Виский, а в Мелник господин Карповский, староста Августовский. Следственно сим офицерам надлежит их избрание, каждому в назначенном месте всячески подкреплять и удерживать, хотя бы к тому страх и угрозы по необходимости употребить, в протчем дисциплину строжайшую наблюдать нужно.

Еще я прилагаю три экземпляра польских с переводом русских инструкций, которую желаю, чтоб на сих Сеймах земским послам дали. Следственно надлежит оную сообщить всем сим трем деташаментным командирам с повелением, чтоб они всячески наблюдали и хотя под страхом и угрозами требовали, дабы сия инструкция дана была, и оная разделена на три пункта. И естли в самой крайности, невозможно будет всю удержать, то хотя б два первых пункта, а по совершенной невозможности, хотя б и один первый учинен был. С тем только, чтоб противного ничего сим пунктом в инструкцию внесено не было и, чтоб совсем, сколь возможно, ничего более не вносили. Ибо в нам предписанной инструкции ссылаясь уже на акт конфедерации, разумеет-

ся чрез то все нужное исправление законов и тако подробности лишь лишнее затруднение нанесут. Рекомендую ж еще, сколь можно удерживать все три пункта помянутой инструкции! То ж прилагаю на особом листе еще один пункт инструкции сеймиков и к послам об том, чтоб князь Радзивил был маршалом на Сейме, которую тако ж всем сим трем офицерам сообщить надлежит»¹.

Таковые сеймики происходили в этот день и во всех других частях Польши, и все командующие корпусами получили от Репнина такие же наставления.

Прозоровский вспоминал, что все это провели в жизнь без открытого принуждения. Исключение составлял один сеймик в Подляхии, при котором был полковник Полянский. Собрание сеймика проходило по обыкновению в главнейшем костеле того города. Собравшиеся не согласились внести требуемые русской властью пункты в инструкции своим послам, и тогда Полянский объявил им, что он их оттуда до тех пор не выпустит, пока они не исполнят требуемого. Собравшиеся все подписали. В самом Бресте Прозоровский на площади против иезуитского монастыря, в котором проходил сеймик, поставил в ружье около батальона солдат, все это под видом смены главного и прочих караулов. И в Бресте все прошло гладко.

По мнению Прозоровского, знатные вельможи – гетман Броницкий, Потоцкий, воевода киевский и другие, – надеялись впоследствии с русской помощью низвергнуть короля, а прочие принимали нужные решения под воздействием страха, нагоняемого присутствием русских войск.

Находившаяся в Бресте диссидентская конфедерация, во исполнение посольского повеления, отправилась в Варшаву, чтобы влиять на собираемый Сейм. Туда же, в Варшаву, поехали русские генералы, «чтоб и время веселее проводить в такой столице, в которую тогда сверх обыкновенных ея жителей, должны были приехать несколько наших генералов, как то Салтыков и Кречет-

¹ Там же. С. 100-101.

ников. Сверх того на приближающийся Сейм собралось все польское шляхетство»¹.

Время в Варшаве протекало весело – визиты, обеды и ассамблеи. В то же время был в Варшаве французский спектакль... В разгар веселья посол приказал приблизить к Варшаве корпуса генерал-поручика Салтыкова и генерала-майора Кречетникова. Прозоровский тоже получил приказание о приведении ко времени Сейма своего отряда из Бреста и расположении его неподалеку от Варшавы.

«Деташамент» Прозоровского оставил на старом месте батальон Пермского полка, без гренадерской роты, и двинулся к Варшаве. Местом расположения Прозоровский избрал деревню Велишеву, лежащую в 3-х милях от Варшавы при реке Буге.

Репнин предупредил Прозоровского, что деревня принадлежит князю Аббату, и чтоб Прозоровский с крайним прилежанием приказал «сберегать сии местности князя Аббата с совершенною ласкою и облегчением в них поступая, которое особливо потому весьма возможным почитаю, что Ваше Сиятельство пропитание на деташамент свой вверху ... Нареву закупать можете и сплавливать по сим рекам к себе»².

Деревня Велишево от постоя не пострадала, поскольку Прозоровский приказал полковнику Полянскому послать вперед офицеров с казаками во все поветы к выбранным комиссарам, чтоб они на всех назначенных по маршруту станциях заготовили овес и траву с ближних уездов. То же было выставлено в деревню Велишево и даже в Варшаву. Но не всюду было так хорошо, как в отряде Прозоровского. «Правда, что многие из наших войск грабительствами своими навлекли стыд службе», – признавал впоследствии фельдмаршал³.

Позже Репнин послал Прозоровскому повеление расположиться так, «чтоб сюда, коль нужда востребует, собравшись

¹ Там же. С. 102.

² Там же. С. 103.

³ Там же. С. 109.

в одну ночь на ваше в квартирах сборное место, могли вы с деташаментом в один марш притти»¹.

«В одно время приближались к Варшаве с других двух сторон с войсками своими господ генерал-майоры Салтыков и Кречетников; первой из польской Пруссии, а последний – из польской Украины», – вспоминал Прозоровский².

Таким образом, в начале сентября Репнин придвинул к Варшаве русские войска и разместил их в 3, 4 и 5 милях от столицы. В саму Варшаву вступил 3-й гренадерский полк. Несколько чугуевских казаков разместились в саду дома, где жил Репнин.

Русские отряды встали против Закрочима, между Равою и Варшавою, у местечка Гура на Висле, против Гур на другом берегу реки, при слиянии Буга и Нарева. Эти пять отрядов могли одним маршем окружить город.

Солтык в бессильной ярости грозил противопоставить русским 60 тысяч польского войска (которых не было), а Репнин грозил сделать его, Солтыка, «герцогом Сибирским».

23 сентября начался сейм, но настрой был прокатолический и антирусский.

Прозоровский вспоминал: «Наконец начался сей достопамятный Сейм, для приуготовления которого в наши интересы сколько ни сделано движений, но, однако ж целое почти государство превращено было в единомысленную противу нас конфедерацию»³.

Многие открыто агитировали против намерений Российского двора, некоторые еще скрывали свое отношение. Агитировать открыто прежде всех начали епископы Краковский и Киевский, польный гетман Ржевусский и его сын. Епископ краковский Салтык говорил весьма сильно против всех требований российского двора, и Сейм его единогласно поддержал своими восклицаниями. Оставшиеся польские приверженцы посла утверждали, что,

¹ Там же. С. 104.

² Там же.

³ Там же. С. 104.

не убрав одиозных особ, нельзя ожидать желаемого окончания дел Сеймом. Князь Репнин писал с нарочным к Высочайшему двору, не приказано ли будет их арестовать, и по прошествии нескоторого времени получил согласие.

Решено было схватить несогласных тихим образом. 1(12) октября войскам было дано повеление приблизиться скрыто с трех сторон к Варшаве в 10-м часу пополудни и окружить город цепью. Генерал-поручик Салтыков и генерал-майоры Кречетников и Прозоровский были тогда в Варшаве, они, съехавшись, договорились между собою предварительно которые именно места около города им занять. 1-й Гранодерский полк поставлен был лагерем на заднем посольском дворе. Прозоровский получил повеление приблизиться с отрядом к варшавскому форштадту, лежащему на правом берегу Вислы и называемому Прага, близ него остановиться, а потом с необходимым числом гренадер пройти через форштадт к находящемуся на Висле перевозу и все перевозные суда и бывших при них караульщиков арестовать. Потом он должен был переехать на нескольких паромах в город и скрытно ожидать на берегу, когда к нему привезут арестантов. Их надлежало принять и перевезти через Вислу, затем с великой осторожностью держать их у себя в лагере до повеления об их отправлении.

Прозоровский в тот же день отправился из Варшавы, послав генерального штаба офицера поручика Глинку поторопить отряд. Сам он встретил отряд в нескольких верстах от Варшавы и поспешал к городу, поскольку уже наступила ночь.

Оставив отряд пред Прагой, Прозоровский взял с собою только подполковника Чернышева с двумя гренадерскими ротами, одну Выборгского полка под командою капитана Андрея Тырка, а другую Пермского полка под командою капитана Розенберга и две полковые пушки. С этими войсками он прошел Прагу, «по свойственной ей грязи сколь можно тише». Достигнув реки, Прозоровский арестовал суда и бывших при них перевозчиков и учредил тут пост из Выборгской роты с двумя пушками. Сам

он переправился на трех или четырех паромах с подполковником Чернышевым и Пермскою ротой на левый берег, где была сделана пристань. Здесь он оставил на паромах основную часть гренадер, выставил на берегу с офицером несколько часовых, а сам с небольшим количеством солдат тихо дожидался прибытия арестантов. Все идущие и едущие на перевоз задерживались.

Около первого часа по полуночи полковник Озеров привез к Прозоровскому в двух посольских каретах, запряженных парами лошадей, епископа Краковского и польного гетмана Ржевущкого с сыном. Солтык, епископ краковский, был арестован полковником Игелстромом, а гетман Ржевущкий – подполковником Врангелем. Епископа киевского, арестованного Озеровым увезли в лагерь Кречетникова. Полковник Штакельберг арестовал еще нескольких польских политиков.

Прозоровский перевез арестованных на пароме через реку, провел через Прагу и возвратился на рассвете к своему отряду. Отряд занял лагерь около гродненской дороги, на буграх, примкнув левый фланг к Висле, а правый к стоящему там лесу. Сюда, в лагерь Прозоровского, в тот же день прибыли из-под Кракова высланные туда ранее три эскадрона Рязанского полка с подполковником князем Мещерским, а на другой день из лагеря Кречетникова в лагерь Прозоровского привезли и епископа киевского. Каждый арестованный содержался на правом фланге лагеря в лесу в особых офицерских палатках порознь. 3 (14) сентября Прозоровский получил письмо от Репнина с распоряжением отправить арестованных к генерал-поручику Нумерсу в Вильну под конвоем, который прибудет от генерал-майора Кречетникова, один эскадрон гусар и сто казаков. Если же арестантов попытаются освободить, то конвою лучше арестантов истребить, нежели из рук выпустить¹. Арестованных отправили в трех каретах под конвоем 300 гусар и 100 казаков в Вильну к генерал-поручику Нумерсу, начальнику Смоленской дивизии.

¹ Там же. С. 106-108.

Прозоровский вспоминал, что в Варшаве «очень приметно было изображенное на лицах жителей противу нас негодование, но оно не более, как только несколько дней продолжалось, по прошествии которых сделались они по-прежнему ласковы»¹.

Впрочем, ласковые поляки секретно отправили ко всем европейским дворам и к английскому в том числе депутатов для поисков себе помощи против России.

Делегации от сейма, прибывшей с требованием освободить арестованных, Репнин отказал и предложил отсрочить сейм до 1 февраля. Арестованные были высланы в Калугу.

Сейм присмирел. На нем было единогласно определено избрать доверенных персон для создания из них делегации, которая вместе с теми министрами, которые приняли участие в делах диссидентских, т.е. российским, прусским, английским, датским и шведским, подготовит решение по делам не только диссидентским, но и разработает положения трактата вечной дружбы с Россией. А до того времени Сейм был распущен, чтобы вновь собраться для торжественного утверждения документов, подготовленных делегацией.

Русские войска были частично выведены из Варшавы и стали по квартирам.

События в Польше обострили международные отношения. Французы подбивали турок и татар вступить за поляков. То же самое делал австрийский посол.

В октябре 1767 года молдавский господарь донес Порте, что в Подолию вступили русские войска и приблизились к турецкой границе. Тогда же в Турцию ушли три письма из Польши – от киевского воеводы Потоцкого, от Солтыка и от каменского епископа Красинского. В письмах поляки просили Турцию вступить за Польшу, дать об этом приказ крымскому хану. Турки ответили, что не потерпят приближения русских войск к турецким границам, но чтоб и поляки не беспокоили турок на границе.

¹ Там же. С. 108.

В конце октября, после ареста Солтыка, турки забеспокоились. Но зима прошла спокойно. Отряд Прозоровского всю зиму простоял в Бресте.

Между тем, делегация привела уже весной 1768 года в порядок все дела, опять был собран Сейм для утверждения сочиненных ею положений и трактата о вечной дружбе между Россией и Республикой Польской. Не доверяя полякам, Репнин приказал опять собрать войска к времени проведения Сейма под Варшаву. Сейм собрался и утвердил все, что делегация подготовила. Все требования российского руководства были удовлетворены. Договор состоял из 9 статей и 2 сепаратных актов. Обе страны гарантировали взаимно целостность и сохранность их владений в Европе; король и Речь Посполита обязались особым актом утвердить вольное исповедание православной и евангелической вер; Екатерина II торжественно гарантировала конституцию Речи Посполитой, форму правления, вольность и законы; утверждена была свободная торговля «без отягощения излишними налогами»¹.

Репнину была прислана Александровская лента и пятьдесят тысяч рублей денег. Некоторым дали ленты Анненские, Салтыкову и Кречетникову – голубые польские, а графу Апраксину, Прозоровскому и полковникам Игелстрому и Кару – Станиславские. Поскольку два последние ордена были польские, то возлагал знаки ордена на награжденных польский король.

После маневров корпусов Салтыкова, Кречетникова и Прозоровского, на которых присутствовал польский король, иностранные представители и множество людей разного звания, в войсках было получено повеление возвращаться в Россию. Но борьба только начиналась.

¹ Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. Ч.2. С. 208-209.

Барская конфедерация

В феврале 1768 года подкормий розанский Красинский вместе с известным адвокатом Иосифом Пулавским пытались собрать конфедерацию в Леополе, но местный комендант не позволил им, и они 29 февраля во главе 300 всадников захватили город Бар на Подолии, в 60 верстах к западу от Винницы, принадлежащий князю Любомирскому, и «подняли там знамя восстания за веру и свободу»¹.

Стремления конфедератов были свергнуть преданного России короля, выгнать русские войска из Польши, восстановить во всей широте вольность шляхетскую, а «их конечная цель – разорить церкви православные, истребить схизматиков-еретиков». Все это польско-шляхетское движение имело религиозную окраску; распространялись слухи, что сам папа руководит им, дает денежное вспоможение. «Конфедераты, вступив в Украину, чтобы подкрепить себя теми военными силами, какие находились там в помещичьих дворах и городских замках, остались верными основному характеру движения и начали с того, чем должны были кончить. Запылала Украина, начались неслыханные неистовства над беззащитным народом. Шляхта открыто хвалилась, что в ничто обратит страну»². Все это конфедераты делали, «разглашая всякие по польскому обычаю угрозы и хвастовства к истреблению всех, их намерению сопротивляющихся, мечем и огнем»³.

Среди конфедератов четко обозначились три лидера: Казимеж Пулавский (Kazimierz Pulaski), Кароль Радзивилл (Karol Radziwill) и Иоахим Потоцкий (Joachim Potocki). Конфедераты выбрали маршалком Кароля Радзивилла, но из-за его отсутствия

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV... С. 232.

² Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года... С. 531.

³ Там же. С. 536.

временно маршалком считался Красинский. Выборы Радзивилла держались в тайне. Все недовольные собрались в Баре, образовали конфедерацию и объявили сейм низложенным. Немногим позже конфедераты, по подсказке французских дипломатов, объявили войну России. Всех конфедератов сосчитать было трудно, но иногда их численность вырастала до 8 тысяч.

Репнин в марте месяце получил рапорт от Кречетникова о новой конфедерации под предводительством маршалка Красинского, а региментарем (полковником, военачальником) был назван Казимеж Пулавский, сын адвоката, едва достигший 21 года. Конфедерация своим манифестом отменила все узаконенное Сеймом, доказывая, что все было принято под давлением русских войск.

Конфедераты обратились к туркам за деньгами и к буджакским татарам с просьбой о военной помощи. При этом они распустили слух, «будто... Красинский не малое число денег к татарам отправил из той суммы, которая от папы римского на вспоможение дана, прося татар на соединение с ним, где он их и ожидать имеет»¹ (Красинский в это время якобы находился в Могилеве). То есть, параллельно распускался слух о получении денег конфедератами от папы римского.

Создание конфедерации в Баре подогрело активность польских вельмож. Граф Замойский хотел создать конфедерацию прямо у Варшавы. Но сил у него не хватило, да и много русских войск стояло поблизости.

Еще одна конфедерация образовалась в Галиции под предводительством подчашего литовского Иоахима Потоцкого. Потоцкий присоединил к себе полк краковского палатина (наместника) и с отрядом в 1500 человек укрепился в Подгайцах близ Галиции.

Подчаший литовский Потоцкий был немедленно наказан материально. Его имущество, «притом знатное», велено было секвестровать. Прозоровский, отряд которого находился рядом с землями Потоцкого, получил предписание, сделав опись всему

¹ Там же. С. 539.

движимому имуществу, серебро взять в казну, лошадей и скот, особенно волов, и вообще все съестное обратить в добычу на продовольствие войск, а доходы с деревень собирать в пользу Российской короны. Все это было исполнено. Полковник Баннер, делавший опись, нашел серебряной сервиз, но и сервиз также был взят в казну, а после по повелению российского посла продан.

Отряд Прозоровского пользовался провиантом и фуражом за счет доходов с деревень несчастного подчашего литовского, а сверх того прапорщик Веселовский, который тогда исправлял в отряде должность казначея и провиантмейстера, записал в приход 30000 рублей¹.

Конфедераты в это время обратились за помощью к иностранцам. Епископ Красинский уехал из Польши и посетил Дрезден, Вену и Версаль и всюду просил помощи повстанцам. Но в самой Польше силы конфедератов росли медленно. «Поведение конфедератов никак не было способно возбудить сочувствие к ним в народе. Их шайки рассыпались по стране, захватывали казенные деньги, грабили друга и недруга, католика и диссидента, духовного и светского. Награбивши денег, шайки эти убегали в Венгрию или Силезию. Страшная смута и рознь стали господствовать повсюду; брат не доверял брату; у каждого были свои виды, свои интриги, никому не было дела до отечества... Между конфедератами особого рода удалью отличался ротмистр Хлебовский: встретив на дороге нищего, жиды или какого бы то ни было пешехода, сейчас повесит на первом дереве, так что, говорят современники-поляки, русским не нужно было проводников: они могли настигать конфедератов по телам повешенных... Разврат, полная власть над жителями страны, унижения самых знатных панов пред конфедератами, которые недавно были их слугами, – все это тянуло под знамена конфедерации всякую голь, дворовую служню, горожан и крестьян, которые не хотели работать»².

¹ Записки генерал-фельдмаршала А.А. Прозоровского... С. 112.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV... С. 232.

Тем не менее, бесшабашные паны, барские конфедераты, держались вблизи турецкой границы, зная, что русские эту границу нарушать не будут.

Польское и русское правительства реагировали с опозданием. 23 марта 1768 года польский Сенат обратился к императрице с просьбой направить русские войска, находящиеся в Польше, против конфедератов. Одновременно 23 марта (3 апреля) от короля и сената к конфедератам был послан генерал Макроновский с увещательными письмами. На размышление конфедератам давалось 5 дней, о чем 17(28) марта было предписание генерал-майору Кречетникову, выступившему против повстанцев.

Особо были уведомлены русские власти в Малороссии. Киевский генерал-губернатор Федор Воейков писал к президенту малороссийской коллегии графу П. А. Румянцеву 3 (14) апреля 1768 года, что, по данным разведки, «в Баре уже до несколько тысяч поляков собралось и еще повседневно прибавляется, которые якобы не далее, как чрез две недели, к границам сблизаться имеют, для разорения оставшихся в польской стороне по границе православных церквей». И Воейков принял решение «для осторожности иметь по границе непрестанные разъезды, також надежных людей под разными претекстами в Польшу посылать для выведения настоящей причины таковому собранию и обращению»¹.

Посланный в разведку поручик полка Черных гусар Раде видел в местечке Умани «четыре товарищей украинской противной партии, кои прибыли туда будто для занимания квартир и приуготовления фуража, а главная их комиссия в том состоит, чтоб приклонить тамошний гарнизон графа Потоцкого, со всею артиллерию и амуницию, равно как и находящихся в службе его козаков, купно с прочими подданными, на соединение с конфедератным под командою маршала Пулавского, старосты варецкого, войском, которое в Баре собирается»². Первыми под удар попали

¹ Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года... С. 534, 535.

² Там же. С. 537.

казаки и русские карабинеры. Разведка Воейкова донесла, «что де в великой пост, под Новым Константиновым, партия польская с российскими карабинерными и донских козаков полками уже неприятельства начала, где четыре человека знатных польских шляхтичей и до тридцати человек рядовых побито, а российские также не без урону оттуда ретировались... что в первый день пасхи поляки напали на стоящих в местечке Виннице донских козаков, кои ретировались к местечку Яневу, но не доходя до оногo сразились, где донцами побито и ранено не малое число гусар поляков, козаков и липкан украинской партии. Между убитыми находится один липканской полковник, а другой, прозванием Муха, с прочими поляками пленен»¹. Пасха в 1768 году прилась на 12 апреля. Великий пост, соответственно, протекал семь предыдущих недель (последняя Страстная неделя Великим постом не считается). Таким образом, само возникновение Барской конфедерации приходится на Великий пост, и как только она возникла, конфедераты напали на донских казаков. Но не безнаказанно...

Мы можем представить, как это случилось.

Естественно, польские гусары выстроилась для атаки в три шеренги. Первую шеренгу составили «товарищи» с пиками, а задние – их почтовые, пахолики, которые взяли за сабли и готовы были развивать успех в случае прорыва вражеского строя. И построились они на расстоянии приблизительно 100 шагов от противника.

При атаке согласно гетманскому декрету от 1704 года ротмистр подавал следующие команды²:

Молчать! (польск. *Uciszcie się!*)

Надвиньте шапки! (польск. *Naciśnijcie czapki!*) – команда подавалась солдатам без шлемов. У разных народов и в разных культурах отношение к шапке было разным. Возможно, у поляков считалось позором потерять шапку в бою. А у казаков видеть

¹ Там же. С. 538, 539.

² Польские крылатые гусары 1576–1775... //https://vk.com/wall505281276_124

во сне, что ты потерял шапку, означало близкую смерть. Видимо, шапка просто ассоциировалась с головой. Отсюда во «Взятии редута» Проспера Мериме французский полковник в атаке надевает свой кивер на острие сабли и воздевает ее к небесам, поручая им свою жизнь и судьбу. И по воспоминаниям офицеров-корниловцев, красные кубанские казаки перед атакой одним общим движением надвинули свои папахи поглубже на лоб...

Сомкнуть ряды! (польск. *Ściśnijcie kolano z kolanem!*) Тут они сдвинулись от флангов к центру, ещё более уплотняя фронт, построились «колени в колени», тем самым увеличивая плотность и силу удара. Вряд ли казаки вели по ним беглый огонь, так что плотность строя не повлекла за собой излишних потерь.

Сабли на темляки! (польск. *Szable na temblaki!*) – при атаке пиками.

Сабли в руку! (польск. *Szable w rękę!*) – при атаке саблями. Мы помним, что во время описываемых нами событий пики имели «товарищи» – первая шеренга.

Вперёд! (польск. *Dalej!*) – сначала гусары ехали шагом, потом хоругвь переходила на лёгкую рысь и так проходила половину расстояния до противника.

Пики к бою! (польск. *Złóćcie kopie!*) – при атаке пиками, непосредственно перед таранным ударом. По этой команде пики опускались горизонтально на уровень лошадиной головы, хоругвь переходила в полный галоп и на расстоянии несколько шагов до противника первая шеренга переходила в карьер. Традиция предполагала атаковать стремительно, шпорить лошадей и целить пикой противнику в пупок. Казаки, в свою очередь, били еще ниже – «под ремень».

Можно уклониться, когда пикой бьют в грудь, но когда бьют ниже пояса – только с лошади падать.

После первого удара пики часто ломались или терялись, и гусары переходили в ближний бой, пуская в ход висящие на правой руке на темляках сабли. Но в данной ситуации мы сомневаемся, что дело дошло до удара пиками по сомкнутому строю донских

казаков. Донские казаки в это время имели опыт победоносной борьбы с прусской кавалерией в Семилетней войне (а это не стычки с гайдамаками, как у поляков), и в последний момент перед столкновением они, наверняка, «брызнули» в разные стороны и стремительно охватили поляков с флангов и тыла. А далее – дело техники...

Если что и спасло лихих гусар от полного поражения, то это устав. Устав требовал осторожности и осмотрительности, запрещая самочинные атаки. Особенно это касалось боёв с татарами и запорожскими казаками, которые часто практиковали ложное отступление. Кто в ходе боя бросался на добычу, того устав предписывал убивать на месте.

И мы представляем, как гусары теснятся и поворачивают строй, то в одну, то в другую сторону, угрожающе наклоняют свои пики, а вокруг с такими же пиками, только без значков, разъезжают, «крутятся» казаки и высматривают себе в добычу всадников в сапогах из жёлтой или красной кожи. В сапогах такого цвета у гусар был командный состав.

А «липкане украинской партии» – это литовские татары из состава польских войск на Украине. Они, как мы видим, понесли еще большие потери, даже своего полковника потеряли.

Григорий Поздеев, служивший в полку отца своего, Михаила Поздеева, отметил в послужном списке, что при местечке Константинове взял в плен 19 человек¹.

Пока не было ответа из Петербурга, с конфедератами велись переговоры. Увещевание оказалось тщетным, Станислав Понатовский тоже обратился к Екатерине с просьбой о помощи. Та поручила усмирение Репнину, а тот 13/25 апреля приказал конфедератов атаковать, разбить и усмирить. Уходящим из Польши войскам было приказано остановиться, чтобы не допустить распространения конфедерации по всей стране.

¹ Корягин С.В. Поздеевы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 64. М.: Русаки, 2006. С. 16.

Более 2000 донских казаков оставались в Польше при походном атамане Михаиле Поздееве. Это были известные нам полки Осипа Данилова, Амвросия Луковкина, Афанасия Попова, Петра Попова, Яновского, полк самого Поздеева. С 15 января 1768 к ним на подкрепление прибыл полк Ивана Сулина, и с 10 марта 1768 подошло пополнение в полк Поздеева.

Среди этих имен вопросы вызывает Яновский. Дворяне Яновские на Дону действительно были, но сведения о них относятся к более позднему времени. Что касается остальных, то это люди на Дону известные. Походный атаман Михаил Осипович Поздеев старшинство, то есть – право командовать полком, получил еще в 1746 году. Это был известный на самом верху человек. 25 февраля 1763 года он в числе четверых донских старшин получил золотую медаль и 30 червонцев «по бытности их во время вступления Ее Императорского Величества на Всероссийский Императорский престол в походе до Петергофа и обратно»¹. То есть, Михаил Поздеев был одним из тех, кто сажал Екатерину на престол. Полк его находился в Польше с 5 мая 1767 года. В отставку он вышел по болезни в 1775 году, но дожил до 1803 года.

Осип Данилович Данилов, чей полк стоял в Польше с 15 ноября 1767 года, службу начал с 1742 года, воевал в Кабарде и Финляндии, с 1753 года числился войсковым толмачем (переводчиком), с 1759 – войсковым есаулом, и только в 1763 году получил старшинство и чин войскового полковника². То есть, это был человек, безусловно, грамотный, прошедший ступени в Войсковой системе административной службы.

В это тревожное время в Польше были полки двух братьев Луковкиных – Бориса и Амвросия. Амвросий Гаврилович, ветеран Семилетней войны, награжденный за Франкфуртскую баталию золотой медалью с портретом Ее Величества, стоял с полком в Польше с 1 мая 1767 года и в том же году был послан походным

¹ Корягин С.В. Поздеевы и другие... С.15.

² Корягин С.В. Даниловы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 51. М.: Русаки, 2005. С.35.

атаманом на Царицынскую линию. С 27 апреля 1768 года в Польшу с полком пришел его брат Борис Гаврилович, ветеран Прусской кампании, произведенный в полковники в 1760 году и в числе 9-ти донских командиров награжденный золотой медалью¹.

Афанасий Максимович Попов, из поповских детей, службу начинал на Кубанской линии (была такая задолго до того, как Кубань стала пограничной рекой). В 1755 г., через два года службы, стал квартирмейстером. Затем он участвовал в Семилетней войне, отметил в послужном списке, что был при атаке г. Мемеля в 1757 году. В 1759 – 1764 гг. Афанасий Попов прослужил в Пруссии, сражался с пруссаками, а когда император Петр Федорович с ними помирился, то участвовал в сражении с цесарским войском (с австрийской армией, некогда союзной). Старшиной стал с 23 декабря 1764 года, т.е получил право на командование полком².

Петр Семенович Попов происходил из польских шляхтичей, родился ок. 1726 г. Службу начал с 1747 г. в Смоленске, был адъютантом при генерал-майоре Краснощекове; воевал в Пруссии, стал там полковым есаулом. 19 августа 1757 г. за отличие при м. Кулево произведен в армейский чин прапорщика. 29 марта 1763 г. произведен в старшины³.

Как видим, в Польше донскими полками командовали люди заслуженные, имеющие опыт административной работы, отслужившие толмачами, адъютантами, выходцы из той же польской шляхты.

Но такого количества казаков явно не хватало, чтобы держать под контролем территорию «от моря до моря», как гордо говорили о своей родине поляки.

¹ Абрамов М.Ю., Корягин С.В., Марченко С.А. Луковкины и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 37. М.: Русаки, 2003. С. 18-19.

² Корягин С.В. Поповы. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 67. М.: Русаки, 2007. С. 400.

³ Корягин С.В. Поповы... С. 411.

Естественно, казачьи полки были разсредоточены. Походный атаман Поздеев со своим полком стоял в Подолии, и с ним первым столкнулись конфедераты; одно время рядом с ним располагался полк Афанасия Максимовича Попова, затем его перебросили в Литву; в Малой Польше расположился полк Петра Семеновича Попова, который происходил из польских шляхтичей; полк Луковкина был отправлен севернее, в район Познани. Но, как мы увидим, полки тоже подробили посотенно или на более мелкие группы.

Все русские войска разделили и расставили маленькими частями в разные города, каждому отряду была назначена от посла его особая дистанция.

Отряд Прозоровского, например, был так разделен, что роты по две и даже меньше находились в разных местах. В самом Бресте оставались только две роты при полковнике Баннере. Причем, для скорейшего доставления повелений, посол писал не Прозоровскому, а прямо в каждый малый отряд к командиру, хотя б это был обычный поручик.

Польские казаки, наоборот, поощрялись переходить на русскую территорию. Так, в апреле «из польской Украины» вышел козацкий атаман Сухина с 62 «человеками польских козаков кои, убегая от согласования с польскими конфедератами, прибегнул под высочайшей покров Ея Императорскаго Величества с желанием остаться вечно в подданстве, объявлял, что к такому же выходу и еще многое число козаков намерение имеют, с желанием учинить в верности службы присягу и вывести всю свою фамилию, поселиться слободою, где место отведено будет»¹. Высочайшим рескриптом от 11 июля было повелено «принять их ласково и поместить между настоящими в Елисаветградской провинции поселянами, не заводя особых для них поселений, пока замешательства в Польше продолжаться будут»².

¹ Материалы для истории Колиивщины или резни 1768 г. // Киевская старина, № 8. 1882. С. 320.

² Там же.

Создание конфедераций в других местах пока что было худобно, но пресекалось. Так, 23 апреля образовалась конференция в окрестностях Люблина под руководством Рожевского.

Подполковник Ливен с одним батальоном подошел к Люблину и пытался зажечь его. Духовенство вышло из города и просило о пощаде. Пока велись переговоры, конфедераты уходили через другие ворота. Так духовенство выиграло сутки, чтоб конфедераты ушли.

На место Ливена Репнин послал полковника Кара.

В Гнезне полковник Бурман задавил движение в самом начале. Великопольская конфедерация Рыздинского тоже была разогнана Бурманом на силезской границе.

В мае – начале июня 1768 года гусарский полковник Войцех Рыздинский, стольник познанский, начал собирать в Великой Польше части королевской армии, которые он намеревался использовать для вооруженной борьбы против русских войск в Познани и Торуня. 25 мая (5 июня) 1768 года в Крайно эти войска объявили его командующим в Великой Польше, а 29 мая (9 июня) в лагере близ Гембице была образована конфедерация. Рыздинского избрали ее маршалком, и он сразу же издал универсал о наборе рекрутов. Набор пытались провести по принципу 1 пеший с лана земли (мера площади) и 1 конный с 10 «дымов» (дворов)¹.

Против Рыздинского были двинуты значительные по тем меркам русские войска под командованием подполковника Константинова и майора Ивана Древица – 1500 солдат и 2 орудия.

Иоганн фон Древиц поступил на русскую военную службу в 1759 году. До этого он служил в прусской армии, и с 1759 года сражался против своих вчерашних товарищей. В русской армии он служил в полках сербских и венгерских гусар, получил чин полковника. По свидетельствам современников, отличался жестокостью и стремлением к обогащению. В Польше его полк (Сербский гусарский) был назначен для охраны русского послан-

¹ Zarys historii wojskowości w Polsce by Kukiel, Marian. 1923. С 157.

ника, князя Николая Васильевича Репнина, но Репнин отправил его воевать.

31 мая (11 июня) Рыздинский проиграл свою первую стычку с русскими в местечке Пыздры, причем само местечко было уничтожено пожаром. Однако следующая стычка В. Рыздиньского с передовой стражей русского отряда 1(12) июня под Рашкувом была в пользу конфедератов. Более того – Рыздиньский увеличил свое войско на 300 человек, большую часть присоединившихся составлял конный полк коронных войск под командованием Иоахима Потоцкого. 3(14) июня 1768 года обрадованные королевские войска под командой члена конфедерации вступили с русскими в бой у Косцяна и Здун. В польской традиции это называется «битвой под Кротошином-Здунами».

Отряд Войцеха Рыздиньского состоял из:

Гусарская хоругвь Подольского края (под командованием Войцеха Рыздиньского)

Гусарская хоругвь Мазовецкого воеводы

Панцерная хоругвь Смоленского воеводы

Панцерная хоругвь старосты Червоногородского

Гусарская хоругвь старосты Ковальского и Млодзечинского (Станислава Домбского)

Панцерная хоругвь старосты Ланцкоронского (Юзефа Велопольского)

Гусарская хоругвь референдаря коронного

Хоругвь войск передовой стражи Бышевского ротмистра Мешковского¹

Дезертиры из полка пешего коронного им. Королевича генерал-майора К.В. Шака

Конный полк Иоахима Потоцкого под командованием капитана Ласковского (около 150 солдат)

¹ Хоругвь из полка, который был образован в 1768 на базе легких хоругвий Партии Великопольской как 1-й полк передней стражи коронной Бышевского или полк легкой кавалерии народной Бышевского.

Как видим, Рыздинский собрал под своим началом примерно половину всех гусар коронного войска и значительное количество панцерных.

Битва имела две фазы.

На первом этапе Войцех Рыздиньский построил свою армию и принял бой. При первых выстрелах русской артиллерией драгунский полк Иоахима Потоцкого ударил по русской пехоте и разбил ее. Однако преимущество русских было очевидным, и после долгой схватки Войцех Рыздиньский отдал приказ отступить (под ним была убита лошадь). Начавшееся отступление превратилось в бегство. Некоторые подразделения Рыздиньского отступали в порядке до Здуны, где местные вооруженные мещане-диссиденты выступали против поляков.

Здесь 4 (15) июня начался второй этап битвы. Диссиденты, блокируя улицы, не позволили вывести из города военное имущество, в целом жители Здуна выступили против конфедератов вместе с русскими солдатами. Победенные войска конфедератов бежали к силезской границе, преследуемые русскими вплоть до Милича.

Потери войск Рыздиньского составили 23 убитых поляка, в том числе 13 драгунов, 37 конфедератов были взяты в плен. Кроме того, были потеряны три знамени полка Иоахима Потоцкого, продовольствие, крупный рогатый скот, 400 лошадей, телеги и деньги. Потери русских войск до сих пор неизвестны.

Как видим, разгрому, в первую очередь, подвергся конный полк Потоцкого, потерявший три знамени. В плен был взят и командовавший им офицер. Командир донского казачьего полка Афанасий Попов отмечал в своем послужном списке, что взял в плен полковника Лашковского с двумя ротмистрами¹.

Сам Рыздинский бежал в Силезию. В Пруссии он намеревался реорганизовать свой отряд, но большинство его солдат были насильно зачислены в прусскую армию, а сам он был арестован

¹ Корягин С.В. Поповы... С. 400.

в Миличе. Заплатив 1000 дукатов выкупа, он был освобожден в июле 1768 года, а затем отправился в Краков.

Быстрая победа позволила переключить внимание русского командования. Репнин собрал силы против основного ядра конфедератов – 4 отряда, в которые входили 7 полков пехоты и казаки. Он планировал послать их на Бар, Константинов, Винницу и Хелм. «Почти не вооруженные толпы конфедератов разбежались при появлении русских войск»¹. Но начинался поход на юг не совсем складно.

Главный военачальник против Барской конфедерации – генерал-майор Кречетников – получил приказание, собрав необходимое число войск, немедленно идти в Бар, где находилась конфедерация, атаковать ее, разбить и «привести в послушание». В то же самое время, по требованию российского посла, польский Сенат издал манифест, в котором признал конфедератов мятежниками. Кречетников с корпусом своим вроде бы и выступил, но собирался и двигался так медленно, что выводил посла из терпения.

Кречетников послал генерал-майора Ивана Михайловича Подгоричани к Старому Константинову с конным отрядом. Подгоричани, далматский серб, был ветераном Смилетней войны и отличился во время рейда русских войск на Берлин. Теперь он рассчитывал на внезапность и пытался взять городок с одним Ахтырским гусарским полком. Последовала попытка штурма, но у Подгоричани не было орудий, он просил их у Кречетникова и заодно жаловался на трудности партизанской войны: «...И таких трудов, и в прусской войне будучи, как ныне, не имел, что и одной минуты спокойной нет, и все кони денно и ночью оседланы стоят»². Екатерина сетовала: «...жаль же жаль, что ему не удалось гусарами одними взять Константинов, ибо сей лавровый венец украсил бы его седую голову»³.

¹ Петров А. Указ. соч. Т.1. С. 50.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV... С. 233.

³ Там же. С. 234.

Гусары оказались недостаточно надежным контингентом. «Польские» казаки сообщали командиру Желтого гусарского полка Чорбе, что его «бежавшие гусары, забравши из собою казну и аммуницию, присягают самовольству и конфедерации польской и против верно(сти) нашей всемилостивейшей ея императорского величества и всея России много нападения и разбойства делают»¹.

Кречетников жаловался, что войск мало. В мае Репнин сам просится на подавление. Екатерина его не хотела отпустить из Варшавы.

Одновременно полковник Вейсман с 400 человек вышел на Подгайцы, Потоцкого там не оказалось, Вейсман выбил конфедератов из города, Потоцкий собрал их (у него в отряде было 1500 человек) и опять повел на Подгайцы, где они и были разбиты окончательно. Вейсман загнал конфедератов Потоцкого, подчасшего литовского, за Днестр. Потоцкий бежал в Молдавию, подвластную Турции. Вейсман направил господарю Молдавии письмо, что впредь будет преследовать конфедератов на его территории.

Репнин требовал у короля послать против конфедератов коронные войска и генерального региментаря, но дело пока не двигалось.

Кречетников хотел 15 (26) мая идти в наступление, начать с селения Прилуки, затем идти на Винницу. Но неожиданно, не взирая на все данные ему от посла предписания, прислал рапорт, что не пошел к Бару, а свернул к лежащему недалеко от наших границ монастырю Бердичеву, где тоже укрепились конфедераты, и этот монастырь осадил. В Бердичеве укрепился Пулавский с 1300 конфедератов. Осада продолжалась более месяца. Кречетников писал Репнину, что войск у него для взятия монастыря мало, а штаб-офицеров почти нет, так как всех, которые при нем

¹ Материалы для истории Колиивщины или резни 1768 г. // Киевская старина, № 8. 1882. С. 314//<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivsina/Dok1/text.htm>

были, переранили, в том числе и брата его. Во время осады он истратил снаряды и послал за новыми в Киев.

Посол пришел в изумление, и даже возникли подозрения, что Кречетников подкуплен противником, так как, не наступая на Бар, он тем самым дал умножиться конфедерации, а свернув на Бердичев, к нашим границам, подставил конфедератам свой тыл.

Подозрения усугубились известиями, что все знатнейшие польские вельможи уже работали, как через французский двор, так и через своего посланника в Турции, чтобы склонить Оттоманскую Порту к разрыву мира с Россией.

Сомневаясь в верности Кречетникова – уж не подкуплен ли он? – Репнин велел графу Апраксину собрать отряд войск из разных корпусов и идти с ним на Бар.

Прозоровский считал, что подобные действия Кречетникова происходят не от измены, а от невежества, и советовал Репнину послать к Кречетникову Кара и Игелстрома, поскольку тот сам жаловался на отсутствие штаб-офицеров. Полковники Кар и Игелстром были направлены в корпус Кречетникова. Вскоре получил приказ и сам Прозоровский: «Понеже Генерал-майор Кречетников имеет нужду в сикурсе, то извольте, Ваше Сиятельство, завтрашнего числа, как наискорее ехать в Люблин, после в Хелм, а потом в Луцк и там соединить все оные detaшаменты, прибавя к тому ескадрон карабинер, находящихся в Драгочине. Тож две пушки из Бржесца и, собрав в Луцке все сняя команды, извольте следовать форсированными маршами в Полонну, отколь извольте следовать соединиться с генерал-майором Кречетниковым и быть в его команде на местах detaшаментов люблинского, луцкого и хельмского. Извольте послать в первое из сих место из Лива две роты мушкатерские и с пушкою, а в третье прикажите подполковнику Чернышеву перейти из Пинска с двумя ротами мушкетерскими и с пушкою, взяв достальные того батальона две роты из Слонима, которые поставил бы на свое место в Пинск. А с другой стороны надлежит, чтоб полковник Баннер отправил из Бржесца в Дрогочин две роты мушкатерские. Как же тому пол-

ковнику Баннеру, так и всем сим detaшаментам, извольте приказать в нужных случаях мне обо всем рапортовать и наставления моего требовать, поступая впрочем в силу генерального уже всем данного повеления против могущих быть возмутителей их замыслов и предприятий».

Польский король, чьи примирительные инициативы были в Баре проигнорированы, тоже послал против конфедератов войска под командованием своего доверенного человека Ксаверия Браницкого (не путать с коронным гетманом Янушем Браницким). Ксаверий Браницкий в молодые годы получил большое состояние, но довольно быстро промотал его. В поисках приключений он воевал против пруссаков в рядах французской армии, вместе со Станиславом Понятовским он побывал в составе польского посольства в Петербурге, где произвел весьма приятное впечатление на Великую княгиню Екатерину Алексеевну, будущую императрицу. В 1763 году, взойдя на престол, Екатерина пожаловала ему орден Святого Александра Невского.

Когда Станислав Понятовский стал польским королем, Ксаверий Браницкий стремительно взлетел по карьерной лестнице. В декабре 1764 года, в течение трех недель он стал первым королевским генерал-адъютантом, генерал-лейтенантом коронных войск, подстолием королевства и старостой пшемысльским. Во время коронационного сейма Браницкий был назначен генералом литовской артиллерии. В феврале 1765 года ему была оказана честь поехать в Берлин, чтобы уведомить прусский двор о коронации Станислава-Августа. В том же году Браницкий был награжден высшими польскими орденами Св. Станислава и Белого Орла.

В 1766 году, когда только зарождался ажиотаж вокруг диссидентов, а сеймов, сеймиков и конфедераций из-за них не было в помине, первая танцовщица варшавского театра Бинетти начала интригу против другой танцовщицы, королевской фаворитки Катерины Катаи Томатис. Интрига привела к дуэли. Честь Бинетти защищал известный авантюрист Джакомо Казанова, а за королевскую фаворитку вступился Ксаверий Браницкий.

5 марта состоялась дуэль на пистолетах. Пуля Браницкого поцарапала живот Казановы и ранила авантюриста в левую руку. В ответ Казанова недрогнувшей рукой вогнал пулю Браницкому в живот справа под седьмое ребро. Ранение было сквозным, пуля вышла слева под десятым ребром. Все думали, что молодой генерал уже покойник, но он отлежался и в мае 1766 года был назначен коронным ловчим, то есть обер-егермейстером.

Выступив во главе королевских войск против конфедератов, Браницкий действовал вяло. Возможно, сам король тайно приказывал ему удерживаться от решительных действий против поляков. Известно, что «Станислав Август избегал решительных действий против конфедератов, предпочитая тайные переговоры и подкуп вождей конфедерации. Основная тяжесть войны легла на плечи русского экспедиционного корпуса»¹. Впрочем, по приказу или без приказа вряд ли генерал Браницкий горел рвением драться против «панов-братьев» из-за православных украинских мужиков. Но королевские войска к Бару он привел.

Оборона Бара конфедератами велась под руководством Кайетана Гижицкого, Войцеха Барчевского и священника Марека Йандоловича.

Когда отряд Апраксина и королевские войска Браницкого подступили к Бару, идейный вдохновитель обороны – монах Марк – встретил их, стоя на стене. Осажденные ждали чудесного спасения, и точно – 1 русское орудие взорвалось. Но вылазка приободренного гарнизона из Бара была отбита. 8(19) июня генерал-майор граф Петр Апраксин взял Бар штурмом.

Хотя польские войска не принимали непосредственного участия в штурме, их командующий Браницкий сам привел русских солдат штурмовать Бар и сам отдал приказ начать атаку – «приступай».

В ходе штурма русские взяли 1162 пленных, среди которых оказался и вдохновитель осажденных монах Марк. Были захвачены 45 пушек, 440 ружей и 320 сабель. В бою штурмующие по-

¹ http://www.grodno.by/grodno/history/biblio/stanislaw_poniatowski.html

теряли 250 человек. Потери конфедератов составили 150 человек, павших в бою, но после битвы русские якобы убили еще 250 польских военнопленных.

Казимир Пулавский с 700 конфедератами и 800 гражданскими лицами пережил 17 дней осады Бердичева, трижды отражая нападения. Но после падения Бара Кречетников все же взял Бердичев 13(24) июня, разграбив монастырь Босых кармелитов. Сдаче Бердичева способствовало то, что Подгоричани около Хмельника в Подольском воеводстве разбил отряд конфедератов, идущий на помощь осажденному городу. Пленных поляков послали в Бердичев, те сказали Пулавскому, что Бар взят, а их отряд у Хельника разбит, и Пулавский капитулировал. Григорий Поздеев, служивший в полку отца своего, Михаила Поздеева, занес в свой послужной список бои при Хмельнике и при Бердичеве – «разбитие князя Пулавского с большим числом конфедератов»¹. Видимо, Пулавский произвел особое впечатление на казаков, и они стали считать его «князем».

Как явствует из послужных списков, «при разбитии поляков у крепости Бердичевской» отличился донской полк Афанасия Максимовича Попова (из поповских детей, на службе с 1753 года).

После того, как русские при поддержке верных Станиславу Августу коронных войск под командованием Франциска Ксаверия Браницкого захватили Бар, шляхта перенесла боевые действия на Украину, рассчитывая на помощь соседней Турции. И территория, охваченная мятежом, даже расширилась. Но, с другой стороны, взятие Бара и Бердичева положило начало ряду других успешных действий русских и польских коронных войск. Прозоровский разбил конфедератов у города Броды. В Подолии стало тихо. В июне казалось, что конфедераты окончательно рассеяны. Но тут образовалась конфедерация в Санокке.

¹ Корягин С.В. Поздеевы и другие. Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 64. М.: Русаки, 2006. С. 16.

Начало было положено в Дуклинском дворце Ежи А. Мниша в Подкарпатье, где появились почти все тогдашние лидеры конфедерации из Малой Польши, которые готовили объединение барских конфедератов под Рыманувом. Генеральный съезд саноцкой и дукельской шляхты 25 июня (6 июля) 1768 года в лагере близ Сенявы избрал маршалком конфедерации Якуба Игнация Браницкого, тот возглавил 6-тысячное войско и огласил акт конфедерации земли Саноцкой. Затем Браницкий, третий встреченный нами активный деятель с этой фамилией, двинулся из Сенявы через Кросно на Краков.

Репнин поручил генерал-поручику И.И. Веймарну разогнать эту конфедерацию. И Веймарн выступил, имея отряд в 6000 и 10 орудий. Однако новые выступления вспыхнули по всей Речи Посполитой.

Примерно в это же время, 14 (25) июля, Репнин получил известие о конфедерации в Кракове, где приняла участие и группа Рыздинского из Великой Польши. Русские войска опоздали, подошли к Кракову на следующий день. 16(27) июля началась осада Кракова и длилась до 6 (17) августа 1768 года. Тогда же, в конце июля, в Ланцкороне появился отряд конфедератов Ежи Марчина Любомирского, бежавшего из Кракова от русских. Отряд этот русские разгромили 17 (28) июля 1768 года при Макове.

Но, выделив войска к Кракову, русское командование оголило Сандомир и Галицию. Репнин просил у Екатерины прислать в Польшу русские войска из Литвы, а в Литву ввести войска из России.

20 (31) июля Репнин писал, что разбойники или конфедераты завелись в Серадском воеводстве, «их гоняет майор Древиц, но везде растянуться не может». Но на общей ситуации это мало сказалось.

В Великой Польше конфедератов возглавила Торговая палата. В Гостинице, в 12 милях от Варшавы, появились 50 конфедератов Держановского, «который во всех четырех частях света мошен-

ничал и везде, думаю, петлю заслужил», – писал о нем Репнин¹. Около Варшавы конфедераты Закревского захватили острова на Висле и грабили суда.

В довершение картины Коссаговский поднял восстание в Литве, в Гродно. Волнения в Литве сдерживал генерал Нумерс. Гродно было занято им. Повстанцы ушли в леса. Это восстание на территории современной Белоруссии продолжалось с 4(15) июля по 15(26) октября 1768 года и закончилось капитуляцией Несвижа (о чем ниже).

Как видим, на стороне конфедератов выступили некоторые отряды регулярной армии, и именно они стали наиболее боеспособными, по крайней мере – обученными, частями конфедерации, а не отряды непосредственно конфедератов. Впрочем, были попытки конфедератов создать новую армию. Акт конфедерации призвал к вступлению в их армию ордонансовой и надворной милиции (то есть, личных отрядов магнатов), «ополченцев сельских староств (солтысов) с оружием и снаряжением»; старостам и арендаторам королевских владений было приказано выставить одного пехотинца с лана (мера площади) земли или одного кавалериста с трех ланов, снабдив их всем необходимым (вряд ли сам король подтвердил эти «указы»). Конфедераты призывали шляхту записываться к ним в войско и выставить ополченцев из их крепостных – одного пешего из 10 подданных и одного конного от 10 дворов. Они требовали, чтоб города поставили им артиллерию, оружие и боеприпасы, и даже требовали «добровольцев» от евреев. Определенные достижения были. Некоторые новые формирования были организованы наподобие старых королевских гусар и драгун. Прибывшие впоследствии на территорию Речи Посполитой французские офицеры организовали некоторое количество пехотинцев.

Как показали последующие события, конфедерация не смогла сформировать центральной военной организации, хотя по-

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV... С. 238.

пытки создать ее были. Повстанцы представляли собой смесь небольших местных групп, широко рассеянных и каждый со своей собственной организацией и целями. Поскольку большинство участников имели некоторый военный опыт, они обычно организовывались в роты (хоругви), каждая под командованием капитана (впрочем, эти капитаны присваивали себе чины до маршалка включительно), по образцу сил короны или княжества, с которыми они были знакомы. У них не было скоординированной стратегии, обычно конные атаки проводились по принципу «бей-беги» и поддерживались небольшим количеством пехоты. По мере того как иностранные советники прибывали, чтобы помочь их делу, конфедераты начали отказываться от свободной мобильной войны в пользу захвата городов в качестве баз. Большинство боевых артиллерийских орудий конфедерации имели 50-летний возраст. Но правильное использование даже такой артиллерии требовало консультаций технических экспертов, а удержание городов требовало большего количества пехоты. Была предпринята попытка унифицировать форму кавалерии и одеть всадников в традиционный контуш и жупан с удлиненной конфедераткой, но на практике конфедераты наряжались во все, что было доступно. Пехотинцы часто носили повседневную крестьянскую одежду, иногда щеголяя фамильными отличиями дворян, своих хозяев. В конце концов, когда материальная поддержка стала поступать сначала из Пруссии, а затем из Австрии, некоторые пехотинцы конфедерации были одеты на западный манер, включая белые военные мундиры¹.

Между тем командующий русскими войсками на юге Польши Кречетников был сменен Прозоровским. Это случилось вследствие посылки Репниным Кара в Петербург жаловаться на Кречетникова, что тот грабит.

6-7(17-18) августа последовал штурм Кракова Апраксиным и Прозоровским. Грабежа города войсками удалось избежать.

¹ Vincent W. Rospond, Raffaele Ruggeri. Polish Armies of the Partitions... p. 11.

При штурме города отличился командир донского полка старшина Петр Семенович Попов, из польских шляхтичей.

Якуб Игнаций Браницкий после падения города попытался командовать обороной Вавеля. 4(15) сентября он, как генеральный региментарь малопольской конфедерации, призвал шляхту продолжать борьбу. Сам он бежал в южную часть Карпат (сегодняшняя Словакия – тогда Верхняя Венгрия), откуда переписывался с канцлером Австрии Венцелем Антоном фон Кауницем, требуя поддержки. Он умер в том же 1768 году. Лидер конфедератов Великой Польши Войцех Рызинский после падения Кракова бежал в Молдавию, окончательно растеряв свой авторитет в Великой Польше.

Отличительной чертой этого периода повстанческого движения стало стремление втянуть в войну с Россией турок.

Конфедераты писали туркам, что в Каменце стоят 50 тысяч польских войск и заготовлено на 6 месяцев провианта, и все это присоединится к туркам, если те выступят против России. 24 мая (4 июня) 1768 года конфедераты написали хотинскому паше, что уже очистили от русских целые воеводства, а русские якобы призывают молдавских бояр к восстанию против турок¹. 22 марта (2 апреля) 1768 года в Молдавии действительно был повешен русский офицер, который под видом живписца находился в пограничном районе.

Польские дамы – большие патриотки – послали свои драгоценности женам султана, чтобы те повлияли на супруга в благоприятном для конфедератов смысле. Дошли ли эти драгоценности по назначению – Бог весть...

Внутри повстанческого лагеря шли интриги и взаимные подсиживания. Красинский призывал татар в Польшу, и это рассматривалось как «поджог дома с целью выгнать из него насекомых»². Потоцкий боролся с Пулавским. Он отправил старого Пулавского

¹ Петров А. Указ. соч. Т.1. С. 57.

² Там же. С. 74.

к хану, обвинив в измене. Несчастливого адвоката отправили в Константинополь, где он и умер в заточении. Его сыновья, естественно, стали врагами Потоцкого. Остатки конфедератов собрались в Тешине и жили единственно надеждой на Турцию.

В сентябре международная обстановка резко изменилась. Поводом для этого послужили действия казаков.

Колиивщина и повод к войне с Турцией

Русский посол в Порте Обрезков дал обещание султану и его советникам, что русские войска после сейма будут выведены из Польши, а арестованные возвращены из ссылки. Турки заявляли, что нельзя держать в Польше русское войско из-за шайки разбойников. Французские представители давили на турок. Турки колебались и считали, что война станет неизбежной, если прольется мусульманская кровь. И вскоре мусульманская кровь пролилась.

26 июня (7 июля) поступило сообщение из Порты, что казаки, преследуя поляков, въехали в Балту, принадлежащую крымскому хану, лежащую на польской границе, убили несколько татар, молдаван и турок. Потом казаки дошли до Дубоссар, и здесь якобы погибло 1800 татар, молдаван и турок. Что же это были за казаки?

Традиционно их называли «гайдамаками». Но в действительности на территории современной Правобережной Украины развернулись события, превышающие своими масштабами банальный гайдамацкий набег. Они получили название «колиивщина».

Название восстания, вероятно, происходит от слова «колий (укр.)русск.» или «колей» (укр. колій, от старорус. слова «колоть», «закалывать») – специалист по забою свиней.

Некоторые историки выводят название от иностранных слов и конструкций. Например, польские предполагают происхождение названия не от малоизвестного в польском языке украинского диалектного слова «колий», а от фонетически близкого польского «kolej», в одном из своих значений «очередь», объясняя это тем, что надворные казаки, присоединившиеся к восстанию, обязаны были нести свою службу «по очереди» – «по ко́лії» – «po kólej, koléjno»¹.

¹ <https://ru.wikipedia.org/Колиивщина>

Изначально складывалось впечатление, что Колиивщина – ответ украинского православного населения на Барскую конфедерацию. «Конфедерация, зародившаяся в Баре и хлынувшая в Украину, переполнила чашу народных страданий и была непосредственной причиной “Колиивщины”, как верно, по живому преданию, определил народный поэт:

Руйнували, мурдували,
Церквами топили,
А тим часом гайдамаки
Ножи освятили... »¹.

В апреле разлилась конфедерация, в мае вспыхнуло народное восстание, которое поддержали православные милиционные силы Правобережной Украины, называемые по традиции казаками. «Конфедераты вызвали в Подоль из Украины все войска, бывшая в то время под командою Воронича, региментаря Украинского отдела войск; но не вывели из Украины Смелянских, Черкасских, Жаботинских, Уманских и других казаков, отчасти потому, что сами казаки противились, отчасти и потому, что их господа, обращая свое внимание на дальнейшие последствия, не позволяли им выходить. Таким образом, открылся к резне самый удобный случай»².

На этот раз казаки были втянуты во всеобщую смуту на территории Речи Посполитой из-за имений князя Любомирского. Один из князей Любомирских страдал душевным расстройством и находился под опекой. Его супруга по совету своего любовника, некого Сосновского, вывезла князя из Варшавы и усадила за карточный стол. Огромные проигрыши должны были погашаться в виде продажи княжеских имений, находившихся на Вольни и в Подолии. Опекуны выступили против шайки карточных шуле-

¹ Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года... С. 530.

² Уманская беда // Основа, № 3. 1862. С. 13//

³ http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivsina/Umanskaja_beda/text.htm

ров, те и другие привлекали местных казаков, а поскольку казаки колебались, им пригрозили барскими конфедератами.

Втянутые в эти карточные разборки казаки ушли за Днепр, на русскую территорию, якобы от Барской конфедерации и заявили, что конфедерация против православной веры, и поляки зверствуют над православными. Они или поддерживавшие их местные явили народу поддельный указ императрицы, писанный золотыми буквами, чтоб казаки поддержали православную веру.

«В Мотронинском монастыре находился старый запорожец Максим Железняк. Он был послушником, готовился принять постриг. Услышав об их зверствах, он покинул обитель и призвал крестьян к восстанию... Вокруг него собралась толпа, провозгласила его гетманом Правобережного войска Запорожского»¹. Игумен-эконом Переяславского архиерея, тот самый Мелхиседек, лицо духовное, чьего племянника поляки некогда посадили на кол, стал склонять малороссийских казаков и запорожцев бороться за веру.

Казаки сами видели, как конфедераты издевались над православными священниками, запрягали их в плуги, били камнями, секли терновыми розгами, забивали в колоды, насыпали в голенища горячих углей»².

Максим Железняк сначала сопротивлялся давлению, сопоставив силы, он ответил игумену, что не может начинать такое рискованное дело, имея всего несколько десятков запорожцев. Игумен ответил ему: «А вот недалеко, при рогатках, много беглых казаков, которые убежали от войск конфедерации, потому что поляки хотели их всех истребить. Уговорись с этими казаками, и ступайте в Польшу, режьте ляхов и жидов; все крестьяне и казаки будут за вас»³.

¹ Шамбаров В.Е. Быль и легенды Запорожской Сечи. Подлинная история малороссийского казачества. М. Алгоритм. 2017. – 544 с. С. 504.

² <http://history.syktnet.ru/02/02/028.html>

³ http://www.xliby.ru/istorija/davnii_spor_slavjan_rossija_polsha_litva_s_illyustracijami/p3.php

В итоге первые 70 казаков с русской стороны вторглись за Днепр во главе с Железняком и попытались повторить новую «хмельничину», начавшуюся некогда под лозунгом «Бей панов и жидов». И теперь путь железняковских хлопцев отмечали деревья, на которых висели жид, поляк и собака и была прибита дощечка с надписью: «Лях, жид и собака – вера одинака»¹.

«К ним немедленно примкнули в большом количестве казаки и хлопцы из окрестностей: Чигрина, Черкасс, Смилы, Лысянки и Белой Церкви; они разбрелись по всей Украине, – по местечкам и селам, и принялись за убийства», – вспоминал очевидец².

Первое, что ставили повстанцам в вину – в Лысянке они разгромили монастырь францисканцев, схваченных ксендзов они повесили, а успевших разбежаться и укрыться в лесу, разыскивали с помощью местных крестьян и тоже убивали. Дворяне и евреи со всей окрестности бежали в Умань, надеясь укрыться в крепости. Вскоре гайдамаки стали мало помалу появляться в Уманьщине. Первым занятым ими селом стало Ризане. Здесь гайдамаки захватили врасплох живших в селе шляхтичей и перебили их вместе с женами, детьми и слугами. Затем они захватили местечко Буки в одной миле от Ризаной. Священники базилианского ордена, миссионерствующие там, едва успели бежать. Местный приходской священник отказался от унии и стал поощрять прихожан к бунту. Из Буков гайдамаки отправились в Соколовку и другие близлежащие села, и убивали всех захваченных поляков. Так они свирепствовали в Уманьщине в течение пяти дней. По свидетельству очевидца, «это мятежное скопище навело такой страх, что помещики и жидаы изо всех окрестностей, с имуществом своим, собрались для безопасности в Умань в таком множестве, что этот город, хотя довольно обширный,

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV... С. 247.

² Описание бедствия, постигшего Умань и всю Украину в 1768 году // Киевская старина, № 3. 1882. С. 523//http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivcina/Opis_bedstvija/text.htm

не мог вместить их, и потому все улицы, предместья и рынок были наполнены их таборами»¹.

Вспоминается И.Бабель, ходивший с Конной армией Буденного на поляков: «Нищие орды катятся на твои древние города, о Польша, песнь об единении всех холопов гремит над ними, и горе тебе, Речь Посполитая...».

Естественно, против гайдамаков выступили конфедераты. Барская конфедерация мобилизовала против Железняка заднепровских казаков, их возглавили сотники Дуска, Гонты и Ярема.

Из Умани против гайдамаков выслали отряд Ивана Гонты – он был сотником «надворного войска Потоцкого (личных вооруженных слуг). Но он перешел на сторону Железняка»².

Очевидцы рисуют несколько иную картину. Младанович, губернатор Уманской волости, знал о ненадежности уманских казаков, которые находились в то время в одном отряде под начальством Обуха, придворного полковника, на границе с Новосерби-ей. Поэтому Младанович предписал им идти к Умани, но в самой Умани заставил сотника Гонту с «началами» или офицерами казачьими присягнуть на верность городу, «что он и исполнил в ратуше в присутствии мещан, обещая не изменять под всевозможными клятвами. Когда было уже наверное известно, что более 500 гайдамаков находятся в Соколовке, местечке, лежащем недалеко от Умани, и оттуда отправляются к Умани, то против них отрядили, (оставив пехоту в городе), всех конных казаков, которых тогда было до семисот, полагая в Гонте всю надежду на спасение. При этом отряде находились два полковника: Обух и Магнушевский»³.

С.М. Соловьев описывает еще более запутанную историю. Барские конфедераты затребовали у воеводы киевского, чтобы он выслал в Бар всю милицию и казаков. Но воевода Киевский, видимо, не хотел исполнять приказы конфедератов и тем самым противопоставлять себя королю. Всех подчиненных ему казаков

¹ Уманская беда // Основа, № 3. 1862. С. 14.

² Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 504.

³ Уманская беда // Основа, № 3. 1862. С. 15.

он распорядился поставить в степи, над рекою Синюхою, составляшею границу Польши с Россиею. Зная антирусские настроения Пулавского, воевода написал ему, что казаки будут охотно биться с русскими, а в Бар из Киевского воеводства будет послана сформированная из шляхты конная и пешая милиция с трехмесячным жалованьем и провиантом. На формирование этой милиции требовались время и деньги... Воевода хотел оттянуть время, но обманул сам себя. Непосредственные исполнители – Цесельский, Младанович и Рогашевский – пожалели воеводскую казну (вполне возможно, что казна была пуста) и, для формирования милиции из шляхты, начали собирать деньги с казаков. И это при том, что представители этих самых казаков были поставлены в строй с оружием в руках, то есть – были готовы к войне и к защите своих прав.

Первыми почувляли беду местные евреи и обратились к Цесельскому с доносом, что Гонта, наверное, сносится с Железняком и предлагает другим сотникам соединиться с повстанцами.

Цесельский немедленно вызвал Гонту в Умань, а когда тот прискакал, приказал заковать его в кандалы и повесить. За Гонту вступилась жена полковника Обуха и заявила, что ручается за него. Страдающий инверсионной логикой Цесельский отпустил Гонту обратно в казачий стан на речку Синюху. Очень может быть, что он рассказал Гонте о доносе и его авторах. Перепуганные евреи приготовили для Гонты богатые подарки – «брыки с сукнами и разными материями», – собрали денег и отвезли Гонте с поклоном: «Батюшка! Защити нас!» Гонта сказал им: «Выхлопочите у пана Цесельского мне приказание выступить против Железняка». Евреи – на свою голову – выхлопотали приказ. Но Цесельский, не доверяя до конца ни евреям, ни Гонте, отправил вместе с Гонтой и казаками еще двух полковников.

Возможно, посланный казачий отряд исполнил бы свой долг, «если бы сотники, Гонта и Уласенко, остались верны и не отказались бы повиноваться полковникам; но упомянутые сотники вошли в сношения с гайдамаками и согласились с запорожца-

ми, чтобы погубить Умань. Узнав, что гайдамаки выступили уже из Соколовки и грабят окрестности, сотники двинулись за ними, но не для того, чтобы разгромить их, а единственно для того, чтобы соединиться с ними. Гонта и Уласенко объявили полковникам, что не желают более оставаться под их командою и присовокупили: «бегите, если хотите оставаться в живых; в противном случае погибнете, если не от руки гайдамаков, то от нашей!» Лишь только полковники отъехали в сторону от своего отряда, они наткнулись на засаду: в лесу на них напали семь человек разбойников, укрывшихся там, долго их преследовали и убили двух трубачей, но успевших спастись бегством вместе с полковниками»¹.

Отряд повстанцев вырос до 800 человек. Объединенные силы Железняка пошли на Умань.

По легенде Гонта якобы предлагал Дуске тоже соединиться с Железняком, но тот отвечал: «Семь недель будете пановать, а семь лет будут вас вешать и четвертовать»².

Город Умань готовился к обороне. К воротам и на валы выставили пушки, к бойницам вышли казаки, шляхтичи их слуги, мещане, ученики базилианского училища, евреи и хлопы. Все были вооружены. За день до появления гайдамаков многие шляхтичи, предчувствуя измену со стороны казаков, хотели бежать из города. Даже городские власти стали собираться, но евреи никого не выпустили и едва не убили губернатора, который соединял должности коменданта крепости и главного начальника милиции. Они обвиняли власть, что их не предупредили вовремя о страшной опасности. «Погибайте вместе с нами», – говорили они.

Гайдамаки атаковали город утром. Они бросились толпою к воротам, но были отбиты выстрелами пушек. Тогда гайдамаки рассеялись вокруг города, стали жечь и грабить предместья, разыскивать евреев и поляков и убивать их. Полчаса спустя поя-

¹ Описание бедствия, постигшего Умань и всю Украину в 1768 году // Киевская старина, № 3. 1882. С. 524.

² http://www.xliby.ru/istorija/davnii_spor_slavjan_rossija_polsha_litva_s_illyustracijami/p3.php

вился Гонта со своим отрядом, переехал на другую сторону города, и они совместно с Железняком стали готовиться к повторной атаке. Жители Умани поняли, что сотники изменили, и всех объял страх. «До двадцати лиц евреев при этом изъявили желание креститься, что и было исполнено»¹. Сотник Гонта «дьявольскою хитростью» смутил защищавшихся. Он «стал бегать вокруг города и кричать: “сдавайтесь, ничего вам не сделаем!” Вследствие этого в городе произошло смятение: многие кричали, что нужно положить оружие. Отворили ворота и вышли на встречу гайдамакам»². Уманский губернатор Младанович «своей излишней доверчивостью Гонте, своей абсолютной бездеятельностью, мешавшей и другим что ни будь делать на пользу обороны города, не мало способствовал овладению неприятелем Умани и происходившей там резне»³.

Умань капитулировала. Поляки выговорили себе безопасность: «1) казаки не будут резать католиков, шляхту и поляков вообще, имения их не тронут», а пункт 2-й гласил: «2) в жидях и их имении казаки вольны»⁴.

«Гонту, Зализняка и других начальников приветствовали хлебом и солью, которые были выставлены мещанами на столе по старому обычаю, причем присутствовали и главные должностные лица. Набралась тотчас большая толпа сволочи; немедленно приставлена была сильная стража к капелле, костёлу и божнице жидовской; ратуша окружена со всех сторон, губернатор со всем семейством посажен под строгий арест в доме одного мещанина, а после совещания Гонты с Зализняком, продолжавшегося несколько времени, когда Гонта крикнул казакам: «може, браття,

¹ Описание бедствия, постигшего Умань и всю Украину в 1768 году // Киевская старина, № 3. 1882. С. 526. // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivcina/Opis_bedstvija/text.htm

² Там же. С. 526...

³ К истории Уманской резни 1768 г. // Киевская старина, № 11. 1895. С. 214...

⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. XIV. С. 250.

час распочати дило», начались жестокости, достаточно описать которые невозможно»¹.

Казаки сначала выбили евреев, потом перебили и поляков. Всего в Умани было «убито около 2 тыс. католиков, евреев и случайных людей»².

По другим данным, 2 тысячи составляли как раз «случайные люди» – православные, симпатизировавшие полякам и евреям, либо укрывавшие их. А «неслучайных» – евреев, поляков, униатов – от рук гайдамаков погибло свыше 10 тысяч.

Пан Яков Кузалкевич описывал эти события в Умани так: «... гайдамаки числом в несколько сот, соединившись с крепостными уманскими и козаками тамошними, т. е. с сотником Кгонтенком и Уласенком тоже сотником и другими ватагами уманскими, которые изменили присяге в верности к высокородному благодетелю своему, штурмом взяли Умань, где собравшихся с разных сторон для безопасности дворянства с имуществом, женами, детьми около пяти тысяч и более и жидов тоже со всем имуществом, женами и детьми более семи тысяч всех без малейшего исключения дня 21 июня по римско-католическому календарю текущего года до ноги вырезали и между ними губернатора Младановича, подскарбия Рогашевского, для заключения договоров насчет имений от его высокородия пана воеводы нашего высланного, с женами и детьми, а равным образом и ксендзов как латинского обряда, так и отцов базилиан с прихода тамошнего и монастыря Маньковецкого варварски поумерщвляли и повешали. Кроме того, в костеле и часовне отцов базилианов алтари и образа попрокидывали, стреляли, списами (пиками) кололи, пресвятые тайны на землю с дарохранительницы (symborium) выбросили, топтали, обесчещивали, образ самого Спасителя, изображенного на кресте, списами кололи, стреляли и, наконец, за голову повесили; у распятий головки пообрывали и велели женщинам эти головки

¹ Уманская беда // Основа, № 3. 1862. С. 16.

² Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 505.

Христовы грудью кормить. Вообще трудно описать, вспомнить ужасно, какие осквернения изображениям самого Бога делали, чего бы даже и бусурмане не делали»¹.

10 (21) июня Умань была полностью занята гайдамаками и разграблена. Разбив город, гайдамаки оставили в нем гарнизон, а главные силы расположили лагерем за городом. Они отправили по несколько десятков казаков во все окрестные села. Железняк давал им такие сопроводительные грамоты:

«Я Максим Залезняк, полковник Низового Запороского войска, даю от себе документ Феодору Осачому (Осадчому?) местечка Теплика, аби он мещан и прочии громади ключа того местечка в добром состоянии здержовал, яко то: аби имел власть судити, радити и во всяких случаях добре справовати, добрим добре воздавати, а злих бунтовников смертелними киями карати, а мещанам и прочиим громадам ключа выше описаного местечка приказую, аби ему во всяких случаях послу(ш)ни були, бунтов между собою не робили. При се(м) будте здорови.

Максим Залезняк, полковник Низовский, с товариством.

Д. 1768 года, июня 13 дня. в Умани»².

Вооруженные такими грамотами Семён Неживой, Василий Шило, Никита Швачка и многие другие распространились по всему Правобережью. Швачка и Журба действовали на Белоцерковщине, сотник Шило – на Черкащине. В один день с уманскими событиями, 9 (20) июня, Неживой захватил Канев, 15 (26) июня Швачка занял Ржищев, 1 (12) июля Бондаренко взял Брусилев. Отряды гайдамаков, поддерживаемые местными крестьянами, доходили до Галиции. «На захваченных территориях было установлено казачье управление, земли разделены на полки и сотни,

¹ Материалы для истории Колиивщины или резни 1768 г. // Киевская старина, № 8. 1882. С. 305-306//<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivcina/Dok1/text.htm>

² Грамота Максима Железняка // Киевская старина, № 3. 1905 //http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivcina/Zheleznyak/gramota_fedor_osadciy_13_06_1768.htm

униаты и католики должны были или перейти в православную веру, или уйти прочь»¹.

Направленные на места казаки продолжали там убивать шляхту, «отдали поместья в управление хлопам, помещичье же стада, лошади и пасеки конфисковали»² (очень напоминает первые мероприятия Советской власти – **А.В.**).

Досталось не только шляхте. Исследователи считали, что «положение евреев на Украине в то время было гораздо хуже и ужаснее положения поляков; постигшая их участь была печальнее участи последних. Убийства крестьянами евреев... происходили чаще убийств шляхты. Особенно часто они решались на убийство евреев, будучи пьяными. Убивать евреев было как бы обязательно»³.

Очевидцы писали, что в местечках Гранове, Теплине, Дашове, Тульчине, Монастырище, Гайсине, Конеле, Басовке, Ладыжине и в смежных деревнях, поляки и евреи подверглись тем же жестокостям, что и в Умани.

Гонта провозгласил себя воеводой брацлавским, а Железняк – киевским.

Непосредственно из Умани они ушли. «Уже после подавления восстания следователи спросили Железняка: «Из местечка Умны ты и сотник Гонта с командами почему на здешнее место, на котором вы с казаками взяты под караул, выступили?» Тот не стал лицемерить и ответил прямо: «Из местечка Умны я и сотник Гонта вышли потому, что от великого побитого народу жить было не можно...» Трупный смрад мешал, короче»⁴.

¹ Александр Андреев, Максим Андреев//Настоящая история казацкой Украины...

² Описание бедствия, постигшего Умань и всю Украину в 1768 году // Киевская старина, № 3. 1882. С. 529.

³ К истории Уманской резни 1768 г. // Киевская старина, № 11. 1895. С.216.

⁴ Барская конфедерация 1768 года и резня в Умани//<https://sergeytsvetkov.livejournal.com/370090.html>

Максим Железняк обосновался в уманском замке. Он обязал всех священников в Уманщине отправиться к переяславскому епископу, отречься от унии и обратиться в православие. И те отправились в Переяславль рукополагаться у тамошнего епископа.

Дней через десять после уманских событий отряд сотника Шило ушел к Балте, пограничному местечку, рядом с которой за рекой Кодымой находилась татарская Галта. В Балте всегда проходили конские ярмарки, и ремонтеры из Пруссии и Саксонии часто приезжали сюда. Шило побил в Балте всех евреев и через 4 дня ушел. Турки из Галты вступились за своих и стали резать Балту. Шило вернулся, загнал всех в Галту, порезал и пожег. Отряд сотника Шило во время этих кровавых бесчинств неизбежно должен был столкнуться с турками, и он столкнулся. В бою турки потеряли 15 человек, но и повстанцы повернули обратно¹.

Оказавшиеся на месте происшествия два русских купца дали следующие показания. Будучи в местечках ханском Балте и польском Палеевом Озере «для торгового промысла», они видели, как 18 (29) июня в польское местечко Палеево Озеро приехала команда до трехсот человек, которые себя называли запорожцами. Эти люди бывших в местечке «поляков и жидов пиками покололи и имущества их забрали, а потом с оной команды послано двух человек во оное ханское местечко Балту к турецкому воеводе Якубу Аге с прошением, чтоб он укрывшихся туда поляков и жидов с оного местечка на польскую сторону выгнал и чтоб оной команде никакой обиды от стороны турецкой не было»². На турецкую сторону перешли всего три человека «поляков и жидов». Однако турецкий воевода этих трех перешедших не выдал. В тот же день «она команда, убоясь яко бы турков, с оного польского местечка Палеева Озера выехала и не в отдаленности от оного местечка стала». Турки, по мнению купцов, считая уехавших казаков за гайдамаков, переехали на польскую сторону затем, что-

¹ Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 505.

² Материалы для истории Колиивщины или резни 1768 г. // Киевская старина, № 8. 1882. С.312-313.

бы их ловить, но ловить не стали, но «оное польское местечко Палеево Озеро зажгли и, напавши того местечка на купцов и прочих тамошних жителей, начали рубить, считая их за бунтовщиков». Потом турки «побежали было за оною командою в погон, однако убоялись оной, возвратились в местечко Балту». Тогда указанная команда казаков «к оному польскому местечку возвратилась; на которую команду те турки с их стороны, до полдня с ружья паля, убили двух человек, тож одного грека и трех волохов». Подъехавшая команда по туркам не стреляла, но «после как приехало еще конной до четырехсот человек при их полковнике таковой же команды, – а как оного полковника зовут и прозывают неизвестно – с четырьмя пушками, то в ту пору и она команда начала на турецкую сторону с пушек палить; и тогда турки и прочие тамошние жители, убоясь, побежали с оного местечка Балты, за которыми большая часть оной команды в погон побежала, и там учинила сражение. А убито ль кого на оном сражении или нет – неизвестны ж; а потом возвратились на польскую сторону, где она команда до отъезду их, купцов, оттуду находилась»¹.

Есть альтернативный источник о событиях в Балте – еврейский:

«Искавшие спасения в Балте жестоко обманулись. Гонта послал за ними в погоню несколько пушек и 500 человек, под начальством одного старшего, по имени Шила, вид которого производил впечатление кровожадного зверя. По вступлении в город они предавались пьянству и обжорству. Шило послал четырех человек узнать, с какою силою ему придется тут считаться»². Далее рассказывается, как посланные вели переговоры с неким «старшим» по поводу двух юношей, которых они хотели убить. Видимо, эти двое входили в уже известную нам группу из трех «поляков и жидов». «Кто послал вас сюда», обратился старший

¹ Материалы для истории Колиивщины или резни 1768 г. // Киевская старина, № 8. 1882. С.313

² К истории Уманской резни 1768 г. // Киевская старина, № 11. 1895. С. 226.

к ним с вопросами. — «Мы посланы сюда для того, чтобы во всей Польше не оставить в живых ни еврея, ни поляка», ответили они. В таком случае, сказал старший, я не выдам вам ни одного из них; без ведома турка (?) я не могу бросить их на произвол. Если даже вы представляете собою царскую рать, то и тогда, согласно существующим законам, вы без разрешения не смеете близко подходить к городу»¹. Переговоры прервались, но гайдамаки пробыли в городе еще три дня, «в течение которых предавались беспрепятственным попойкам и кутежам. Во все это время евреи нисколько не пострадали. Начальник города всячески ободрял и утешал евреев, обещая защищать их до последней возможности. «Татары тоже скоро явятся на помощь вам», — говорил он. Начальник одновременно принимал подарки, как от евреев, так и от буянов (гайдамаков — А.В.), от чего евреи совершенно потерялись и пали духом, видя в этом кару Божью за то, что они, имея возможность бежать, оставались, однако, целых три дня в одном городе с буянами. В четверг татары в количестве 80 всадников вошли в город. При виде татарской рати, буяны испугались и друг другу говорили, что татары явились с тем, чтобы сражаться с ними. Немедленно отправились они к своему старшему, советуя ему скорее оставить город. В одну минуту их не стало в городе. Татары вошли в польский город, и встретились там неожиданно с христианами, и татары некоторым из них отрубили головы. Остальные христиане побежали к буянам и рассказали, что татары начинают входить в Польшу. Известие это сильно разгневало буянов, и они возвратились, чтобы вступить в бой с татарами... Ожесточенная битва между татарами и буянами продолжалась полдня, в которой некоторые евреи решили уйти из города. Евреи же, возлагавшие надежды на татар, остались в городе, и все погибли. Евреи, убежавшие из города, попали в руки татарам, и все были перерезаны»².

¹ К истории Уманской резни 1768 г. // Киевская старина, № 11. 1895. С. 226-227.

² Там же. С. 227.

После боя под Балтой гайдамацкий отряд Василия Шило отошёл в село Песчаное на Савранке, разделился там на две части и после этого напал на ханский отряд в Голте и разграбил Дубоссары.

Затем Шило ушел, но турки опять ворвались в Балту, а затем туда явились конфедераты. Православные из Балты бросились за прикрытием и спасением к русскому полковнику Гурьеву. Галтский же начальник Якуб-ага, управлявший от имени хана, был подкуплен поляками и послал ложное письмо в Порту.

Шило вернулся в лагерь под Уманью и передал Железняку захваченный в Балте пернач, атрибут полковничьей или пашинской власти. «В честь прибытия упомянутого сотника и других, которые в тоже самое время возвращались в лагерь с добычей и набранной отовсюду сволочью, стреляли из пушек и ружей, издавали радостные крики и делали причудливые пиры в простонародном вкусе»¹.

До Румянцева, находящегося в Малороссии, известия доходили с опозданием, и они почти не касались Умани. Сначала он узнал, что 9 июня «тридцать человек козаков запорожских в польском местечке Канев выжгли тамошний замок, умертвили многих поляков и, произвед замешательства и немалые разорения, найдутся и по днес в том же местечке». И все это они делали якобы по какому-то указу.

12 (23) июня в Переяслав прибыли с польской территории «старосты каневского Потоцкого губернатор Игнатий Новицкий, губернатор же корсунский Семен Носачевский, да каневский козацкий полковник Антон Зеллер и порутчик Петр Мадераш, капралов два и рядовых жолнеров двадцать три, первые со многими своими фамилиями». Беглецы рассказали, что запорожцы показывали всем письмо под титулом Ее Величества Императрицы, подписанное запорожским атаманом куреня уманского, с приложением печати запорожской². «Жиды ж де, как в Каневе, так

¹ Уманская беда // Основа, № 3. 1862. С. 22.

² Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года... С. 542-543.

и в других тамошних местечках, все при сем случае умерщвлены и ни единого нигде уже не осталось»¹. Что касается поддельного письма Екатерины, то оно звучало так: «Так как мы ясно видим с каким презрением и бесстыдством поступают поляки и жида с нами и с нашей православной религией... то даем приказ и повелеваем Максиму Железняку, полковнику и командующему в наших землях Низового Запорожья, вступить в пределы Польши... чтобы вырезать и уничтожить с Божьей помощью всех поляков и жидов, хулителей нашей святой религии... Дано в Санкт-Петербурге. Екатерина»².

19 (30) июня Румянцев направил в Канев пятьдесят карабинеров при одном исправном офицере и сто человек козаков малороссийских, «для поимки оных запорожцев, ...приемля к тому способы, чтоб без всякого кровопролития обойтись, а буде бы они не сдались и что дерзкое предприняли против посланной команды, в таком уже случай брать их силою»³.

Немногим позже жители местечка Канева прислали «доношение с объявлением, что они тех запорожцев вызвали сами из Сечи к своей защите, и присланный с тем нарочный показал, что атаманом был у тех козаков куреня Мглинского запорожского Семен Неживой»⁴.

Но тут сам Семен Неживой отправил 21 июня 1768 г. письмо к командиру русского гусарского полка Федору Чорбе, в котором описывал, как в старостве чигиринском еще в 1766 году унаты «народу христианскому великие беды и разорения делали, при том же разорении, священников благочестивых словивши, головы, бороды и усы обстригали и тирански мучили не токмо священникам и монахам тое делали, но и народу христианскому, и еще войско конфедерацкое, в Украину спровадивши, хотели на-

¹ Там же. С. 543

² Северная война, гайдаматщина и колиивщина в жизни евреев//

^h<https://falyosa.livejournal.com/4116831.html>

³ Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года... С. 541.

⁴ Там же. С. 545.

род христианский мучити, яко в городе Каневе от козак отобравши ружья, хотели (их) смертью казнить». Далее Семен Неживой описывал современную ему ситуацию: «Я Семен Неживый, атаман куренный уманский, видячи кривду народа православного, собравши козаков, вооружился и тех конфедератов из Украины отогнал, а некоторых ляхов и жидов смерти предал. Теперича содержусь в Медведовце со всею своею командою и ожидаю от вашего высокородия милостивой резолюции: что мне впредь поступать»¹. К письму прилагалось свидетельство от мещан местечка Мошна, что Неживой никакого зла им не делал, и такое же письмо от жителей города Канева. Каневские, кстати, указывали, что при уходе поляков местные «козаки от поляков отлучились и прилучились к команде вышепомянутого атамана и были при команде его»².

Кроме того указанный Неживой писал подполковнику русской службы Хорвату и сетовал, что Хорват принимает на русской стороне границы поляков и евреев: «понеже оные проклятые жидове весь народ христианский своим поганством сквернят, то хибя Вашему высокородию великое награждение сделали, что оных принимаете? за что? Просим от оных все имущество отобрать и на сю сторону к нам выдать хоча и сонных»³.

Самое неприятное для властей было то, что в погоне за поляками и евреями казаки нарушали государственную границу. Майор Вульф из крепости Святой Елизаветы доносил: «Вчерашнего, то есть 24 числа, в третьем часу с полдня, приехав до девятнадцати человек запорожских козаков в ханскую слободу Голту, прислали двух человек своих к тамошнему каймакану с требованием, чтоб он выслал с Голты укрывшихся туда поляков и польских ясидов. И как он каймакан выслать, не похотел, то они запорожцы, прибе-

¹ Материалы для истории Колиивщины или резни 1768 г. // Киевская старина, № 8. 1882. С. 307-308//<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivcina/Dok1/text.htm>

² Там же. С. 309.

³ Там же. С. 209.

жав туда, учинили тамошним жидам грабительство и разорение, и находящихся там во укывательстве двух польских шляхтичей и до семи жидов польских же до смерти закололи, а нисколько жидов, убегая их запорожцев нападения, хотя переплыть чрез реку Буг на здешнюю сторону для укывательства, утонуло. Тож и сего числа в десятом часу дня, во оную слободу Голту прибежав, несколько из тех запорожцев человек, убили до смерти трех голтянских жидов, а некоторых до полусмерти прибили, и имущество их грабили»¹ (это Вульф описал уже известное нам нападение Василия Шило на Балту).

23 июня (4 июля) Румянцев направил ордер «господину атаману кошевому Сечи запорожской Калнишевскому с войсковою старшиною и товариством», в котором запрашивал, «от Кошали подлинно сии козаки посланы туда, и не дано-ль письменного какого приказания, или самовольно и злодейским образом такая шайка вышла», и требовал, чтоб «из ваших козаков, при нынешних обстоятельствах польских, не могли уходить в Польшу и производить там наглости и разорения»².

В тот же день Румянцев рапортовал Екатерине II, что «гайдамацкие толпы в Уманщине, Чигиринщине, Смолянщине и во всей тамошней околичности, не только весь тот край грабят и разоряют, но и самые свирепые тиранства над польскими шляхтичами, безчеловечно оных муча и умерщвляя, производят, и с отважностью по самой границе мимо форпостов разъезжая, стоящим при редутах командам грозят о невпущении польского шляхетства в границы под защиту Вашего Императорского Величества»³. Далее Румянцев сообщал, что Воейков направил в Польшу три гусарских эскадрона, а он, Румянцев, послал Московский карабинерный полк полковника Протасова и сто пятьдесят козаков

¹ Материалы для истории Колиивщины или резни 1768 г. // Киевская старина, № 8. 1882. С.311.

² Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года... С. 545-546.

³ Там же. С. 546.

малороссийских, чтоб они расположились в округах: каневском, белоцерковском, уманском, чигиринском и смелянском. Протасову Румянцев приказал, чтобы он «тамошним жителям обид и озлоблений ни малейших не чинил, под опасением военного суда, и старался бы и самые разбойнически партии брать без всякого кровопролития, паче увещаниями и способами искусств, разве они предприяли бы что-либо дерзкое, и тогда остается употребить силу»¹.

О налете на Балту и столкновении запорожцев с турками и татарами русские власти узнали поздно. 3 (14) июля Румянцев отослал императрице Екатерине II репорт «с приложением козловского пехотного полку от полковника Корфа, что сих гайдамак умножившееся число, под именем запорожских козаков, не только два польские местечка Умань и Палеево Озеро разорили, умертвив в оных до несколько тысяч поляков и жидов, но и турецкой области в местечке Балте нападением на оное ушедших от их мучений жидов и поляков убили, сражавшись с турками давшими им убежище...»². Главную опасность Румянцев видел в том, «что сии злодеи, как в Польше, так и в пограничных местах турецких, при таковых случаях объявляют, что они посланы и все делают по указу вашего императорского величества»³.

Репнин тоже был недоволен гайдамацким бунтом, а король Станислав дал явлению следующую характеристику: «Фанатизм греческий и рабский борется огнем и мечом против фанатизма католического и шляхетского»⁴.

Русские власти не стали потворствовать этим беспорядкам.

Железняк и Гонта были схвачены войсками генерал-майора Петра Никитича Кречетникова 6 (17) июля 1768 года. Железняк схватили казаки донского полка Михаила Поздеева. Сын командира, есаул Григорий Михайлович Поздеев, отметил в своем

¹ Там же. С. 547.

² Там же. С. 549.

³ Там же.

⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 248.

послужном списке – местечко Умань, «взятие в плен полковника Железняка»¹.

Анонимный польский источник приводит детали этой операции: «В самом разгаре увеселений сволочи, дано было знать Зализняку и Гонте, что Русский поручик, по фамилии Кривой, прибыл в город с 60 Донцами. Это сильно встревожило разбойников, и потому они решились быть осторожными и избегать Москалей; но благоразумный поручик сумел дать столько доказательств мнимой дружбы, что Зализняк и Гонта, убежденные в его непритворности, не только приглашали его к себе на общие пиры и посылали значительные подарки, но сверх того позволили ему поставить, вместо казаков, свои караулы в городе. Чтобы, притом, оправдать свои действия и более укрепить образовавшуюся связь с поручиком, они показали вымышленный Мельхиседеком указ Российской императрицы, уверяя, что они готовы, по приказанию императрицы, пролить кровь до последней капли, и что поэтому они единодушно решились отправиться в Бердичев для истребления находившихся там конфедератов». То есть, русское командование подослало к гайдамакам таких же казаков, только донских, которые мало отличались от запорожцев по стереотипу поведения и воспринимались последними как «свои». И общий враг сразу же был найден – конфедераты. Посмотрим дальше. «Поручик все это одобрил и обещал сам присоединиться к ним с своим войском, которое приближалось, состоя из целого полка карабинеров...». Конечно, поручик не мог командовать полком карабинеров, но, зная иерархию русской армии, где казачий полковник стоял «повыше капитана, пониже майора», запорожские казаки могли допустить и такое. Действительно, в документах, касающихся захвата Железняка и Гонты, указывается поручик Тверского карабинерного полка, и фамилия у него на «К» – Кологривов. Описываемый в документе поручик Кривой в первую очередь стал отделять «чистых» от «нечистых». Он «предварительно

¹ Корягин С.В. Поздеевы и другие... С.16.

требовал удаления крестьян, имевших хозяйство, жен и детей, потому что подобные люди, объяснял он, не захотят перенести военных трудов и лишений, а побуждаемые к бегству привязанностью к своей стране, женам и детям, ничего не сделают, кроме замешательства и беспорядка; сверх того страна разорится, лишившись людей, занимающихся земледелием. Это мнение было одобрено, и тотчас приказано объявить, чтобы все люди этого рода, а также те, которые не чувствуют в себе сил к перенесению всех случайностей, представляющихся обыкновенно солдату, особенно во время войны, вышли из войска и разошлись по домам. Действительно, много мужиков последовало этому мнению и выбыло, но несравненно больше осталось»¹. И далее поручик действовал, придерживаясь устоявшихся запорожских традиций. Известно, что перед походом они пропивали все, что имели. И поручик предложил перед походом «гульнуть». «Наконец, объявлено было в лагере, чтобы все готовились в поход, вместе с Русским войском, к Бердичеву. Будто с этою целью, поручик советовал, для возбуждения большого мужества, устроить в предпоследний день пир, на котором сволочь до такой степени напилась медом и водкой, что очень мало осталось таких, которые были в силах двинуться с места. Подстрекали их к этому и Москали, но сами сохраняли самую строгую воздержность». И это было в духе традиций. Сами донцы уже числились «в походе», а в походе за пьянку – смерть.

Ну, а потом наступила развязка. «Когда уже и Зализняк с Гонтой напились порядочно, поручик, также притворяясь пьяным, в сопровождении Гонты и Зализняка отправился в свою резиденцию, бывшую в городе. Прибыв сюда, он, после дружеских разговоров, уведомленный, что карабинеры находятся недалеко от лагеря, приказал Гонту, Зализняка и других, прибывших с ними, сейчас-же заковать крепко-на-крепко в кандалы. Остолбенели Зализняк с Гонтой, а подскочившие Донцы прежде всего

¹ Уманская беда // Основа, № 3. 1862. С. 22.

вставили им обоим замки в рот, чтоб они не произвели никакого шума и замешательства; потом, сильно ударяя их по лицу, окова-ли обоих железными цепями. Посаженные в одно место, они, качая друг к другу головами, оплакивали свою судьбу: приготовив ее себе вместе, вместе о ней и сожалели»¹. Позже мы увидим, что, по документам, поручиком Кологривовым было схвачено 25 запорожцев. Изолировав верхушку, взялись за остальных. «Когда это происходило с Гонтою и Зализняком, остальные Донцы с карабинерами окружили между тем со всех сторон лагерь. Это еще не встревожило сволочи, считавшей их своими друзьями, но когда со всех сторон раздались восклицания, чтобы она тотчас положила оружие, тогда есаул Хома, крикнув «измена», первый бросился к оружию и убил нескольких Донцов, но окруженный другими Донцами, вскоре и сам был убит. Бросились было защищаться и другие, но пораженные внезапным страхом и обессиленные пьянством, не имея предводителей, принуждены были положить оружие; прочие же, которых было гораздо больше, спали пьяные и даже не знали о своей гибели. Имея в готовности довольно веревок и колодок, Москали приказали мужикам, согнанным нарочно из имения Городецкого, близкого к Уманю, вязать и набивать колодки; так как это происходило ночью, то многие убегали, вы-ползая на животах под лошадьми, но и из них многих потом поймали. Когда веревок и колодок не достало для такого множества негодяев, остальных, окруженных со всех сторон и безоружных, карабинеры продержали до утра на месте под крепким караулом, а на другой день побросали в ямы и подвалы. Сначала отобрали лошадей, оружие, амуницию и всю добычу и доставили к Русскому полковнику, по фамилии Нолькину, который прибыл с карабинерами. Потом приводили к нему по несколько разбойников, и Задне-прянцев записывали на одном списке, а на другом, со всеми при-личными подробностями, Украинцев. Всех обдирали до нитки»².

¹ Там же. С. 22-23.

² Уманская беда // Основа, № 3. 1862. С. 23-24.

По версии еврейского источника, инициаторами поимки Железняка и Гонты выступили бродские евреи, а схватил их польский генерал Браницкий.

«Бродские евреи, узнав о несчастье, обрушившемся над украинскими евреями, отправились в Шарогород к генералу Браницкому и стали умолять его превратить злодейства и заступиться за несчастных евреев, обрекаемых на жестокие муки и страдания. Генерал внял мольбе евреев; утешал их и обещал воздать буянам по заслугам»¹. Ловчий коронный Ксаверий Браницкий якобы отправил в Умань несколько сот человек, которые дружелюбно отнеслось к гайдамакам и вместе с ними предавались «необыкновенному пьянству». Прибывшие обещали, что как только в город войдут остальные войска, они вместе начнут поголовную резню евреев. Еще раньше генерала Браницкого в город вошли еще несколько сотен человек «под предводительством одного полковника». Видимо, подразумевался полковник Каргопольского карабинерного полка Гурьев, который передавал позже в Киеве схваченных запорожцев в тюрьму. «При виде страшной картины опустошения и убедившись, что буяны намерены производить новые бесчинства и насилия над евреями, полковник вспылил и с негодованием крикнул на них: «Кто позволил вам так жестоко убивать несчастных евреев?!». Поняв, что полковник не шутит, буяны обратились было в бегство, но немедленно были задержаны и перевязаны. С ожесточением и лютой яростью полковник стал бить и терзать их. «Мало с вас было произведенного грабежа, вы хотели еще опустошить всю Польшу!» – гремел голос полковника. «Царь не облакал вас властью проливать столько невинной крови» (вообще-то в России в это время была царица – А.В.). Затем генерал Браницкий приказал своим донцам окружить буянов и никому не давать возможности исчезнуть. Донцы с обнаженными саблями обступили буянов. Потом принялись за Гонту и причиняли ему невероятные страдания»².

¹ К истории Уманской резни 1768 г. // Киевская старина, № 11. 1895. С. 228.

² К истории Уманской резни 1768 г. // Киевская старина, № 11. 1895. С. 228-229.

Ну и полковник Каргопольского карабинерного полка Гурьев рапортовал весьма прозаически, «что он, прибыв под местечко Гумань, нашел лагерь грабителей, к коим послал поручика Кологривова, с тем чтобы они отдались; но оные, не допустив его до себя, стали стрелять, почему он, увидя их сопротивление, тотчас атаковал и, не дав им оправиться, взял, коих нашлось: наших запорожцев 65 да здешних разных Козаков 780 человек, и при них взято 14 пушек и великое число ружей и прочего, и до тысячи лошадей»¹.

8 (19) июля 1768 года Железняк и его товарищей доставили в Киево-Печорскую крепость.

В постановлении киевской губернской канцелярии «о выдаче кормовых денег, по две копейки в день на человека, для содержания поименованных гайдамак» от 1768 года, июля 17, расписано, кто и когда схватил. Находящийся в Польше Каргопольского карабинерного полка полковник Гурьев в своем рапорте объявил, что был командирован с Каргопольским полком генерал-майором Кречетниковым к польскому местечку Умани для истребления оказавшихся там гайдамаков. Полком Гурьева поймано там запорожских козаков 48, да пред тем поймано 25 запорожских козаков поручиком Кологривовым Тверского карабинерского полка: итого 73 человека, между коими начальник разбойников – полковник Железняк². При рапорте прилагался список:

«Список приведенным за конвоем, взятым под местечком Гуманем, запорожским старшинам и козакам, а именно:

Называемые: атаман Павло Таран, полковник Максим Железняк.

Козаки: Влас Лаевской, Макар Черной, Амелко Чуб, Иван Белой, Степан Якубович, Михайло Моторный, Кондрат Верховойт,

¹ <https://ru.wikipedia.org/Колиивщина>

² Несколько данных о судьбе Железняка после его ареста в Умани // Киевская старина, № 12. 1882. С.567-568//http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivsina/Zheleznjak/nesk_dannych.htm

Андрей Калыболоцкий, Иван Зелепский, Иван Лысой, Андрей Белой, Лукьян Долгопалой, Ефим Прейма, Максимъ Рудь, Еким Жерлай, Гаврило Таран, Влас Сокур, Радко Марковщина, Иван Губа, Корней Червой, Давыд Вербенко, Степан Саганак, Семен Тарасенко, Андрей Майданник, Фома Дурной, Каленик Медведевский, Федор Волошин, Яков Щербитенко, Лытко (sic) Грива, Петр Бондуренко, Павло Столбовый, Иван Таран, Грицко Кочар, Мосей Неживенко, Евстух Бескуздый, Никита Таран, Корней Белой, Кирило Стирчак, Денис Кобиняк, Иван Заверуха, Харко Круглой, Михайло Белоус, Филип Безрукавый, Грицко Таран, Иван Шрам, Василей Гаенной, Демко Балаган, Иван Жулай, Федор Булка, Лецко Бурган, Алекса Смишко, Нестер Литвиненко, Кирило Мадсейчан, Гаврило Губа, Семен Иванович, Демъян Чернявской, Петр Таран, Михайло Черной, Федор Кулбаса, Василь Таран, Михайло Плохий, Василей Скулчан, Ничипор Лаштабей, Игнат Побошкородич, Федор Губа, Василей Морчук, Трофим Чуприна, Иван Байрицкий, Фома Сукур, Павло Лабазин, Мосей Павлов, Яков Безродной.

Итого семьдесят четыре человека»¹.

Позже выяснилось, что «из оных арестантов Павла Лабазина надлежит исключить, потому что он белевского полку беглой солдат и что настоящее его имя Андрей, а прозвание Кобызев»².

Сотник Власенко (Уласенко) был тоже схвачен русскими войсками, и есть приказ Киевского Генерал-губернатора Воейкова «Сотника же Власенка до дальнего ордера содержать под караулом в крепости, а вещи как Иванченка, так и Власенка оставить в смотрении вахмистра Бабки, не окажется ли иногда и впредь по какой либо улики, по которой тогда и дальнейшее следствие произведено быть может»³.

С Сечью, как считал Румянцев, дело было не чисто, поскольку «запорожский писарь Быстрицкий объявил, что от Сечи коман-

¹ Там же. С.567.

² Там же. С.568

³ Материалы для истории Колиивщины или резни 1768 г. // Киевская старина, № 8. 1882. С.318.

ды посланы в Умань», и Румянцев с курьером потребовал от кошевого атамана Калнишевского ответа: «как и для чего команда от Сечи послана в Умань? и чтоб он восприял строжайшие меры к истреблению разбойников, производящих наглости в Польше и по границе турецкой, и уведомил бы, с запорожских ли оные козаков»¹.

Вообще-то на запорожцев и украинское население Румянцев смотрел с настороженностью и свысока: «дикость сих народов нам пограничных заставляяют и в самом лучшем времени мирном взирать на их недреманным оком и мало надеяться на их благорассуждение»².

Румянцев командировал в Польшу полковника Протасьева с Московским карабинерным полком «для истребления шайки разбойничей». Протасьев выследил две шайки – одну в числе трехсот человек в селе Блошинцах, в пятнадцати верстах от Белой Церкви, другую вблизи Богуславля, также в несколько сот человек – и разбил их. Атаман первой шайки, Журба, исчез, а атаман второй – Швачка был схвачен. Гайдамаков убили 30, схватили 132, взято 6 знамен и 3 пушки. Швачка на допросах показал, «что они будто от запорожского полковника Максима Железняка с атаманом Неживым посланы по всей польской Украине для истребления поляков и жидов, которых они во многих местах и по-перебили; а Железняк сию же посылку чинил якобы по указу; в ватагу же их приставали польские разного звания люди и козаки». Третья же шайка, по показанию Швачки, с атаманом Неживым находилась в Чигиринщине, а сам полковник Железняк с большою партией в Умани. Полковник Протасьев 9 (20) июля доложил обо всем Румянцеву и двинулся к Умани. Все это показывает, что русские войска в Малороссии и на территории Польши действовали разрозненно. Протасьев как мы видим, выступает к Умани, когда Железняк с товарищами уже день, как сидят под караулом в Киеве.

¹ Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года... С. 550.

² Там же.

9 (20) июля, на следующий день после прибытия Железняка и других арестованных запорожцев в Киев, Екатерина II издала соответствующий манифест, в котором ситуацию охарактеризовала так: «...крестьяне, отвергнув должное повиновение как начальству, так и своим помещикам, затеяли в разных местах убийства и другие богопротивные насилия. Известно Нам, что восстав, по примеру Барской смуты, против законного начальства, грешат они по невежеству и еще более вследствие обмана шайки разбойников, которая, выдавая себя за отряд Нашего верного низового запорожского войска, будто командированный по Нашему приказу, не только сама в разных местах чинит грабежи, опустошения и убийства, но приводит еще в свое сообщество неповинных сельских обывателей, показывая ложные указы, якобы данные от Нашего имени. Поелику сия дерзость разбойничьей шайки достойна примерного наказания, Мы приказали неотложно всем начальникам войск Наших, находящимся как в Польше, так и на ее границах, дабы они приложили всякое тщание к поимке и искоренению сих разбойников и их сообщников, дабы они могли быть преданы должной каре». До сведения всех участников событий доводилось «нижеследующее»:

«1) Что никто Нами не посылался в Польшу для того, чтобы поднимать на бунт наших единоверцев против их сограждан других исповеданий.

2) Что, следовательно, лица, выдающие себя за отряд Нашего верного низового запорожского войска, будто отправленный Нами, в действительности суть разбойники, воры и нарушители общественного спокойствия.

3) Что все таковые разбойники от военных наших команд повсюду будут преследуемы в конец и, после поимки, будут представлены все без изъятия в надлежащий суд для понесения справедливой кары.

4) Что те, которые вошли с ними в сообщество, вследствие заблуждения или из чувства мести, могут еще снискать помилование и забвение прошлого, если немедленно возвратятся мирно

в дома свои и жилища, воздержатся совершенно от дальнейших беспорядков и беззаконий и возвратятся к обязанностям своего состояния и в совершенное повиновение своим помещикам и Речи Посполитой, как от Бога установленной верховной над ними власти.

5) Те, которые сами принимали участие в убийствах и насилиях, могут еще также снискать помилование, если, раскаявшись в своих преступлениях, сами помогут в поимке зачинщиков, и представят таковых ближайшим командам войск Наших.

6) Наконец, если мятежные крестьяне, не прекратят беспорядков немедленно после опубликования своего манифеста, то в таком случае, они окажутся противными Нашей воле и справедливости и навлекут на себя все тяжелые последствия Нашей немилости.

Понеже Мы, по сколько всегда полагали и будем полагать себе в долг заступничество и защиту наших единоверцев в их отечестве, доставив им ныне законное уравнение прав с их согражданами, исповедующими господствующую веру, по стольку же считаем необходимою принадлежностью Нашей монаршей власти оберегать справедливые пожелания Речи Посполитой, с которой Мы состоим в союзе, тесной дружбе и которой Мы дали вечное поручительство оберегать ее образ правления, спокойствие и ненарушимость прав, постановленных на последнем варшавском сейме, малейшее нарушение которых будем всегда считать наравне с обидою, причиненною государству Нам от Бога порученному: затем возлагаем надежду на рассудительность и чувства благодарности к Нам единоверных с Нами обывателей польских областей, и не сомневаемся, что они будут поступать согласно со словами сего манифеста, имеющего целью лишь их справедливую пользу и счастье; таким поведением они заявят себя истинными и послушными сынами православной церкви, достойными Нашего покровительства и в предбудущее время. Дан в Петергофе 9 июля 1768 года.

На подлинном подписано собственною Ее Императорского Величества рукою тако: Екатерина»¹.

К тому времени вернулся посланный в Сечь запорожскую курьер и привез от кошевого атамана ответ на вопросы Румянцева: «что они никаких команд в Польшу не отправляли, а и сами слышат, что из польских мужиков, назвавших себя запорожцами, производят грабленя, и он атаман все предосторожности употребил к пресечению свободы в Польшу прокрадываться своевольным козакам»².

29 июля (9 августа) Румянцев написал президенту коллегии иностранных дел, графу Никите Ивановичу Панину, что, «взыскавши от Коша запорожского ответы», он, Румянцев находит, «что там не ведомы о своих козаках, грабление производивших в Польше»³.

Но когда начались допросы пойманных среди гайдамаков запорожцев, мнение Румянцева несколько изменилось: «Говоря о запорожских козаках, должен объявить вашему сиятельству мои примечания, что не одна алчба, сродная сим людям к хищению, побудила их на своевольства, но в Сечи пронесенная вообще молва, что грабительствовать теперь в Польше есть благословенное дело. Можно думать без ошибки, что не без участия в сем были главные их старшины, ибо пойманные признаются, что строгости никакой не хранилось в удержании их выбегов в Польшу, и уверено, что сия польская страна достанется под начальство гетманское и кошевого»⁴.

¹ Манифест императрицы Екатерины II к православному населению Польши, выданный 9 июля 1768 года. // Киевская старина, № 5. 1882. С.309-312//

² http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivsina/Ekaterina_II/manifest_09_07_1768.htm

³ Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года // Киевская старина, № 10. 1882. С. 99.

⁴ Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года // Киевская старина, № 10. 1882. С. 97.

⁵ Там же. С. 108.

Кроме того Румянцев предполагал возможность новых выступлений, где вместе выступают запорожцы и казаки Правобережья Украины, «ибо запорожские и польские козаки союзом самого родства и преклонности так между собою сопряжены, что брат один в том селении, другой в другом жительствоуют и по произволению переменяют свое пребывание»¹.

Воейковым были составлены «Пункты, по которым допрашивать пойманных в Польши на разбое запорожцев:

1. Стараться выведать прямое начало заговора оных пойманных в Польше запорожцев, а особливо, кто из них подговорщик был сам, или же все от других научены были и где именно зборище их началось?

2. С ведома ли кошевого атамана и войсковой старшины отлучились в Польшу?

3. С каким намерением сделали нападение на слободу Балту и что кем где учинено?»².

Русские власти понимали возможные последствия налета на Балту, хотя он и был с польской территории. Киевский генерал-губернатор поручил пограничным чиновникам объяснять татарам, «что набегшая на Балту и Голту разбойническая шайка, состоявшая в немалом числе всякой сволочи, польских козаков, мужиков и других гайдамаков, разоряющих польскую Украину, нашими войсками большею частью разбита и переловлена, которой остаток уповательно также скоро истреблен быть имеет»³.

Между тем шайки были выловлены далеко не все. В конце августа Румянцев доносил царице, что близ Канева разбойничает вновь собравшаяся шайка под предводительством атамана Майбороды. Румянцев отправил для ее поимки секунд-майора Вурма с одним эскадром Ростовского карабинерного полка

¹ Там же. С. 113.

² Материалы для истории Колиивщины или резни 1768 г. // Киевская старина, № 8. 1882. С.321.

³ Материалы для истории Колиивщины или резни 1768 г. // Киевская старина, № 8. 1882. С. 318.

и двести козаков. Гайдамаков настигли в местечке Мошнах, где они заперлись в замке, оказали сопротивление и застрелили одного карабинера. Вурм атаковал их, взял 26 человек вместе с атаманом Майбородою живых. 6 убили, прочие же, якобы бросившись в реку, «в оной утопились». Пойманных прислали к Румянцеву в Переяслав. Запорожцев Румянцев предполагал отдать «в надлежащий суд», а «с польскими жителями, в сей же шайке нашедшимся, как поступать – прошу в реляцию себе высочайшего вашего императорского величества повеления», – написал Румянцев¹.

Как карать своих, было решено еще в июле. «Экстракт присланного в киевскую губернскую канцелярию из государственной коллегии иностранных дел указа от 24 июля 1768 года.

1. Тотчас по получению сего указа произвести над помянутыми запорожцами надлежащий суд, который однакож весьма скоро окончен быть должен.

2. В суде положив на мере формальный приговор на основании законов, – ибо колодники, будучи взяты с ружьем в руках противу войск ея имп-го в-ства, не могут конечно оправдаться ни в бунтовчичьем супротивлении воле и оружию Ея Величества, ни в разнообразных в Польше произведенных варварствах, когда они на самом деле пойманы и следовательно судимы быть должны, яко бунтовщики, нарушители общего покоя, разбойники и убийцы.

3. Когда по сим уважениям, вследствие всех на свете законов, определена будет смертная казнь, переменить ее, при самом исполнении, в телесное наказание кнутом, клеймом и вырванием ноздрей, ссылкой в Нерчинск, оковавши на месте в кандалы»².

Схваченные людьми Кречентникова после событий в Умани гайдамаки оказались подданными двух государств. Железняк

¹ Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года... С. 109-110.

² Материалы для истории Колиивщины или резни 1768 г. // Киевская старина, № 8. 1882. С.321-322.

и еще 65 его товарищей оказались российскими подданными. Остальных «разбойников» выдали полякам.

П.А. Румянцев писал русскому послу в Варшаве Н.В. Репнину: «хотя злые действия некоторых польских жителей по себе непростительны, но много однако же из них есть таких, которые впелись к мятежникам в лучшем намерении и надежде на выше писанные ложные предложения, которыми уловили их на счет нашего покровительства. Теперь все они предались отчаянию с опасности воображаемых мучений от своих властей». И Румянцев просил «изобрести... средства, чтоб не оставить их в жертву полного мщения их господ, но привести последних власть в умеренность»¹.

Железняк и еще нескольких предводителей привезли к Балте, на виду у турок били кнутом, вырвали ноздри, после чего всех пленных повстанцев (в разных местах собрали 130 запорожцев, участвовавших в мятеже) повезли на каторгу в Нерчинск.

Порка на глазах у турок была проведена согласно рескрипту. В нем предписывалось часть «разбойников» отвести к Балте, предварительно списавшись с начальником той слободы о дне и месте экзекуции, и сообщить ему, что учиненный в Балте разбой весьма раздражил двор Её Величества, и потому преступников приказано наказать самой жестокой казнью, которая только есть в Российской империи. Этим хотели смягчить и задобрить турок, представители которых за казнью наблюдали.

Другую часть виновных предписывалось наказать либо в самой Сечи, либо поблизости, чтоб запорожцы все это видели.

Семёна Неживого вместе с сорока восемью запорожцами били кнутом близ Мотронинского монастыря, откуда начиналось движение; Швачку и двадцать восемь других запорожцев – на Васильковщине. За казнью наблюдали подполковник Хорват и полковник Чорба, с которыми гайдамаки пытались завязать переписку во время восстания.

¹ Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года... С. 103.

Известно, что во время движения в Белгород партии из 71 человека колодников, Максим Железняк с товарищами бежал, «согласясь с прочими 51 человеком, во время ночлегу ахтырской провинции в слободе Котельве, ноября 1 дня сего 1768 году, ночью, разбив караул, и выломав двери, и отбив у солдат десять ружей и у козаков копья и ружья; из которых колодников 52-х человек Железняк с товарищи 33 человека, да в малороссийском полтавском полку два человека пойманы, а 16 человек за побегом их не пойманы»¹.

Пойманных отправили дальше по этапу.

«Остальных негодяев, – пишет польский аноним, – наказывали другими, сообразными с обычаем страны, способами, водя их подле границы Польской»².

Судьба польских подданных была иной. «Тех же, которые были жителями Польской стороны, отвели в деревню, называющуюся «Сербы» и лежащую недалеко от пограничного города Могилева, и отдали Браницкому, обозному, который там стоял все время со своею дивизией»³. То есть, Браницкий Гонтю не ловил, ему Гонтю выдали.

Ну и теперь уж поляки «оттянулись». «Поляки казнили всех мятежников самыми зверскими способами – сажали на кол, четвертовали, колесовали. Для Гонты персонально расписали казнь на 13 дней. В течение 10 дней сдирали полосы кожи, потом отрубили ноги, потом руки, а после этого вырвали сердце»⁴.

Вокруг казни Ивана Гонты впоследствии выросло несколько легенд.

В местечке Борщовке, Сквирского уезда, на берегу протекающей речки Рось, возле городского кладбища, расположены в громадном количестве большие камни. Среди них выделяется один

¹ Несколько данных о судьбе Железняка после его ареста в Умани // Киевская старина, № 12. 1882. С.569.

² Уманская беда // Основа, № 3. 1862. С. 24.

³ Уманская беда // Основа, № 3. 1862. С. 24.

⁴ Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 505.

камень, обращающий на себя всеобщее внимание. Предание об этом камне рассказывает следующее. Гонта завернул в Борщовку, намереваясь предать и ее огню и мечу. Вдруг взор его остановился на этом камне, и Гонта произнес: «Я попытаю свое счастье: если я камень этот сдвину с места и брошу его в речку, тогда вся Украина будет мною завоевана; если же силы мне изменят, то, значит, что моя звезда померкла». И вот он схватил камень, несколько потряс его, но сдвинуть его с места не мог. «Я устал, сказал Гонта, от дороги; пообедаю и отдохну, и тогда камень сдвинут будет». Проснувшись, он опять подошел к камню, и как был он поражен, увидевши, что у подошвы камня, откуда ни возьмись, вырос маленький клинообразный камень, который как бы поддерживал огромный камень. Гонта несколько раз пробовал свои силы сдвинуть камень с места, но труд его оказался напрасным. Тогда, обмочив свою саблю в речке, Гонта сказал: «Довольно! все для меня кончено» – в отошел от местечка. По дороге он был схвачен Браницким¹.

Еврейский источник приводит историю, напоминающую терновый венец и надпись «INRI» на кресте Господа Бога нашего. Только вместо венца здесь корона и венчание в польские короли. «Гонгу приказано было генералом не вешать: его сначала подвергали ужасным пыткам. Потом его заключили в подземелье, и генерал послал в Шарогород за палачом. Когда палач явился, созвали всех евреев смотреть на печальный конец Гонты. Прежде всего с него железными гребнями сдирали кожу. Затем сделали железную корону, сильно накалили и надели ее Гонте на голову, говоря при этом: сегодня мы коронуем тебя в польские короли. Палачу, для поддержания и усиления обуявшего его зверства, давали пить водку. По временам палач прибегал и вырывал каждый раз по куску мяса из тела Гонты. Затем Гонта был на части разрублен»².

¹ К истории Уманской резни 1768 г. // Киевская старина, № 11. 1895. С. 231.

² К истории Уманской резни 1768 г. // Киевская старина, № 11. 1895. С. 229-230.

Поляки несколько иначе описывают его конец: Гонта был казнен в Сербах. «Он был схвачен посредством хитрости россиянами и выдан вместе со многими другими ловчию коронному (Браницкому). Тогда повесили более тысячи гайдамаков, несколько сот отправили в Каменец, а 200 во Львов, где их подвергли новым допросам и следствию. Гонта приговорен был к тому, чтобы с его спины вырезать 3 полосы кожи и затем посадить его на кол. Он терпеливо перенес эти мучения, но не страдал долго, ибо кол пронзил ему шею и очень быстро причинил смерть»¹.

Шляхтичами-конфедератами были распушены слухи о том, что Гонте перед казнью отрезали язык и правую руку, чтобы он не выдал главных виновников восстания. Тем самым хотели бросить тень подозрения на короля и Браницкого, будто они способствовали крестьянскому восстанию для подавления барской конфедерации². Другие отрицали это и в качестве доказательства приводили насмешливый ответ Гонты одному из шляхтичей перед казнью: «Случилось это по следующему поводу. Не смотря на то, что Гонта был закован в тяжелые цепи и что сидел в надежной тюрьме, для большей безопасности поручено было одному из панцирных товарищей оставаться безотлучно днем и ночью в его темнице. После того, как накануне казни прочитан был ему приговор, товарищ этот сказал Гонте, пребывавшему в задумчивости: «Пан полковник! завтра все земное будет кончено для вас; не найдете-ли возможными оставить что-либо на память бедному воину, который проводит с вами последняя минуты?» – «Охотно, отвечал атаман, – напомните мне завтра, когда меня станут вести на место казни: я вам подарю один из своих поясов». Любостязательный офицер поблагодарил за обещанный подарок, пребывая в уверенности, что он получит богатый пояс из златоглава,

¹ Отрывок из записок анонима (1768 г.) : казнь Гонты и усмирение Коливищины // Киевская старина, № 11. 1882. С. 351// http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Koliivcina/Kazn_Gonty/text.htm

² Отрывок из записок анонима (1768 г.) : казнь Гонты и усмирение Коливищины // Киевская старина, № 11. 1882. С. 354...

вероятно, похищенный в каком либо шляхетском доме в Украине. На следующий день, когда Гонту вывели из тюрьмы, офицер обратился к нему: «Пан полковник! Позвольте вам напомнить обещанный пояс!» – «Я не забыл, ответил Гонта с презрительной улыбкой: первая полоса кожи, которую снимут у меня со спины, пусть служит вам поясом». Товарищ был сконфужен, и товарищи долго насмеялись над его унижением»¹.

У украинцев сохранилась другая легенда: когда у Гонты со спины сдирали полосы кожи, он говорил полякам: «От казали: буде боліти, а воно ні кіршки не болить, так наче блохи кусають»...

С началом войны царица помиловала Железняка. Но и его и его товарищей оставила в ссылке².

Возник вопрос о роли Мельхиседека. Князь Репнин, оценив поступки архиерея переяславского Гервасия Линцевского и игумена мотронинского монастыря Мельхиседека, признал их «давшими повод и участвующими в настоящих смятениях польских»³. Румянцев же видел в деятельности Мельхиседека нечто другое. Он вспоминал, что конфедераты, подойдя к берегу Днепра, чуть не забрали к себе всех польских козаков, чтобы с ними выступить против русских войск. Но коль скоро эти козаки узнали, что их ведут бороться за римскую веру, а узнали они от Мельхиседека, то они не только отложились от конфедератских вождей, но и восстали против них. Конфедерат Щенявскрй заставлял местные власти собрать всех пограничных козаков и поставить против русских; «токмо сии жители, сведавши, для чего сие делается, притеснили самого конфедерата столько, что он, с опасности лишиться жизни, выбежал в наши границы»⁴.

Румянцев считал, что с гайдамаками покончить трудно, поскольку местное украинское православное население не пере-

¹ Отрывок из записок анонима (1768 г.): казнь Гонты и усмирение Коливищины // Киевская старина, № 11. 1882. С. 352.

² Шамбаров В.Е. Указ. соч.. С. 506.

³ Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года... С. 113.

⁴ Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании в Украине 1768 года... С. 113.

стало признавать гайдамаков своими прямыми избавителями «от несносного им ига польского, в рассуждении принуждения веры, а жидовского, по тягостным их сборам, истощающим силы их и, как они говорят, самую из них выжатою кровью обогащавшихся»¹.

Дальнейшее подавление восстания охотно взяли на себя польские королевские войска. Схваченных с Железняком и гонтой польских подданных отправили по другим городам, где «губили и наказывали разными способами: то отсекали головы, то вешали, то отрубали левую ногу и правую руку, то драли розгами. Свидетелями этой казни были: Каменец, Львов, Кременец, Винница, Житомир, Латичев и другие города, где казнили по семи, пяти и восьми негодяев»².

Но очаги восстания оставались. Сохранились воспоминания, как польская конница отправилась во главе с региментарем Стемпковским налегке на Украину. Офицерам запрещалось брать с собою возы и разрешено иметь только вьючных лошадей с багажем. По дороге к королевскому войску присоединились отряды надворных козаков, присланные помещиками. Поскольку в собранном войске не было артиллерии, отцы кармелиты из Бердичева прислали четыре пушки и своих артиллеристов. Так что все это имело все признаки «крестового похода».

В Вязовке королевские войска застали крестьянскую свадьбу, на которой веселились 18 человек гайдамаков. Гайдамаки выгнали из хаты свадебную компанию, заперлись и отстреливались, пока их не сожгли заживо.

В Лысянке поляки нашли на одной виселице трупы: ксендза, шляхтича, еврея и собаки с надписью: «все одна віра».

В Кальниболоте были схвачены до двух десятков гайдамаков; Стемпковский приказал повесить всех на стропилах старого кирпичного завода. Перед казнью, подошел товарищ с докладом, что

¹ Там же.

² Уманская беда // Основа, № 3. 1862. С. 24.

один из пленных заявляет, что он шляхтич. «Как! шляхтич среди гайдамаков! – вскричал Стемпковский, – нужно отдать подобающую честь его званию. Повесить его крайним с правой стороны!»

«Таким образом, истребив по частям грабителей, восстановлено было спокойствие и некоторая безопасность в этой несчастной стороне. Хоругви народной кавалерии расположились по-прежнему в Украине, дабы сдерживать разнузданную чернь. Несколько сот человек, обвиненных в участии в резне, были арестованы и отправлены в Кодню, где пан региментарь основал главную квартиру и учредил военный суд; они почти все были казнены, в том числе и несколько духовных лиц, обвиненных в подстрекательстве к бунту»¹.

Сохранилась «Коденская книга», содержащая протоколы части судебных заседаний, состоявшихся в Кодне. В конце книги приведён реестр замученных всего лишь за один год работы комиссии, с лета 1769 до лета 1770 года: это список около 300 человек, которым рубили головы, вешали, сажали на кол, колесовали и четвертовали.

Список гайдамаков, казненных в 1768 г.

Вот казненные 16 сентября 1768 г. в г. Жидачеве. После имени каждого стоит, что он исповедался и приобщился, т.е. причастился.

1. Василий Крупский из Лисянки из Черкащины, женат, имеет 1 сына, 2 дочери.

2. Иван Zazylou из Краснополя с Уманщины, женат, бездетный.

3. Яким Шелест из Жаботина со Смелянщины, женат, 1 дочь.

4. Иван Бученко из Черкасс... , женат, 2 сына, и 1 дочь. «Все они повешены в том же городе, как значится в квитанции».

В городе Роздоле исповедались и причастились:

1. Петро Гавост (Gawost) из Ясенева Смелянщина, женат, 2 сына, на Woloszczyznie и 1 дочь, умер своею смертию и там же похоронен.

¹ Отрывок из записок анонима (1768 г.) : казнь Гонты и усмирение Коливищины // Киевская старина, № 11. 1882. С. 352-354.

2. Тимко Beucht (Бейкт) из Пастерки на Смелянщине, женат 2 сына, 3 дочери

3. Гринко Солоденко из Жаботина на Смелянщине, женат, бездетный.

4. Максим Гащенко из Журавки на Смелянщине, холост.

5. Протко Тихоненко из Вильшаны (Ольшаны) на Смелянщине женат, бездетный.

Все они повешены, отрублены под виселицей правая рука и левая нога.

1. Данилови Козаченкови из Журавки на Смелянщине, холост.

2. Тарасу Павленкови из Вильшаны (Ольшаны) на Смелянщине, холост.

«Согласно квитанции из города приведены к казни палачом Станиславовским».

В с. Ostwowie ясновельможного пана воеводы Подольского:

1. Иван Витенко из Nawkuwki на Уманщине (по-русски надпись Гарковки...), женат, бездетный.

2. Яким Бакляренко из Яновки на Смелянщине, жен. 1 сын, 2 дочери, исповедался и приобщился в Роздоле.

«Их всех напутствовал (dysponował) Kawmmelita из Роздола». Видимо, они были униаты. Впрочем, католическое духовенство исповедывало и причащало любого. Это православный поп не стал бы униатов причащать...

В м. Ходоров (в восточной Галиции):

1. Дмитрий Walachoczenko из Салоновки на Смелянщине, жена, 3 сына.

2. Семен Пилипчак из Gelejowa кн. маршалковны на Черкащине, холост.

3. Миколай Яценчин из Жаботина на Смелянщине, холст.

4. Петро Шабеляк из Торговицы на Уманщине, женат, 2 сына.

5. Денис Берушенко из Соколовки на Уманщине, холост.

6. Микита Beszwehenko из Торговицы на Уманщине.

Все они повешены, правые руки и левые ноги отрублены в том же месте.

В этом же городе отрублены правые руки и левые ноги:

1. Тимку Надольному с Spvoboszczynu..., холост.
2. Иван Гончар с Sahtynuwki (Сехтиновка) на Смелянщине, холост.

«Ci sa eheqnowane katom Станиславовки яких напутствовав (dysponowal) ксьондз кармелит Роздольский. Приговор над ними исполнял тот же палач».

В г. Княжичах tam sic spowiad y komunikowal:

1. Грицко Мамай из Соколовки на Уманщине, холост.
2. Димитрий Дынысенко из Куликовки на Смелянщине, женат, 1 сын, 1 дочь.
3. Иван Кравченко из Ясенова на Смелянщине, женат, 2 сына, 1 дочь.

«Все повешены палачем Станиславовским, которых напутствовал ксендз Кармелит из Раздола».

В г. Рогатыне, тут же исповедывались и приобщались, а напутствованы доминиканцами рогатинскими:

1. Лучка Захарков z Hurkuwki на Уманщине, холост.
2. Василь Руденко z Hurkuwki, холост.
3. Хведор Солоченко из Жаботинана Смелянщине, женат, бездетный.
4. Олехун Шевченко из Паланки на Уманщине, холост.
5. Павло Празныченко из Вербовки на Смелянщине, женат, 1 дочь.
6. Иван Колышченко z Osiady на Смелянщине (из Смелянской слободы), холост.
7. Микола Стопеленко из Журавки на Смелянщине, холост.
8. Иосиф Максмыенко из Винограда имен. Солтыка, женат 2 дочери.
9. Kornin (Корней) Шевченко из Жаботина на Смелянщине, холост.
10. Илько Zaszchenko из Камянки на Уманщине, холост.
11. Иван Чоповский из Лубенец из Жаботина на Смелянщине, женат, 1 дочь.

12. Панко Мищаненко из Тимошевки на Смелянщине, холост. В м. Fivlejewie повешены, принадлежит к Рогатынскому староству:

1. Яким Polowy из Вербки на Смелянщине женат, 1 дочь.
2. Миколай Гусачук из Соколовки на Уманщине, холост.

В м. Рогатине отрубано правую руку и левую ногу:

1. Степан Jwaczenko z Wovopochy на Уманщине, холост.
2. Самуил Щасливленко из Вербовки на Уманщине, женат, 2 сына.

3. Хведор Буднаренок из Торговицы на Уманщине, холост.

Приговор над ними исполнял палач Подгаецкий.

В г. Подгайцах повешены и приобщены:

1. Василь Анчуренко из Соколовки на Уманщине, холост.
2. Павло Деревянко из Соколовки со Смелянщины, женат, 1 дочь.
3. Федор Комубороденко z Kamenia на Уманщине, 3 сына, 1 дочь.
4. Иван Zyzenyuko z Swievzany на Смелянщине, холост.
5. Семен Meczeyko из Любинец на Смелянщине, женат, 1 сын, 1 дочь.
6. Яцко Шаповаленко, из Жаботина на Смелянщине, женат, 1 сын.
7. Денис Козак из Пятихи на Черкащине, холост.
8. Гаврило Царук из Palek на Уманщине, холост. «Все они повешены и отрубаны руки и ноги».

1. Иван Костенко из Вербовки на Смелянщине, женат, 3 сына, 1 дочь.

2. Иван Дяченко из Орловой на Уманщине, женат, бездетный.

3. Федор Zabuskin из Балтихи на Смелянщине, холост.

Приговор исполнял тот же палач Подгаецкий.

В м. Микулинцах, исповедались и приобщились:

1. Иван Петренко из Лесек на Черкащине, женат, 2 сына.
2. Данило Семенко из Скороковки з Жаботина на Смелянщине, холост.

Ci sa obwieszeni:

1. Степан Ткач из Вирловца (возм Орловца) на Смелянщине, холост.

2. Яким Шевченко из Болтышки на Смелянщине вдовец, 2 дочери.

3. Мушененко из Holukowki на Смелянщине, 1 сын, 1 дочь.
Rese у nogi uciete.

12 сентября в г Терце (Щерце) повешены:

1. Василь Bodnarenko из с. Яблоновки на Смелянщине, женат, 1 сын, 2 дочери.

2. Роман Частокольник из с. Грушки на Уманщине, холост.

3. Хведор Бондаренко из Лесек Черкащине, холост.

4. Пилип Воевочинко из Джулинок на Уманщине, холост.

О последних двух не сказано, что исповедались и причастились. Возможно, они православные. А может быть просто отказались от исповеди.

В м. Комарне повешены:

1. Максим (без прозв.) из с. Preszczakowki на Смелянщине, холост.

2. Сава из с. Солоновки на Смелянщине, холост.

3. Хведор Коваленко из Журавки на Смелянщине, женат, 2 сына.

4. Иван Андрушиков из с. Buzukiewicz (Buzukiv) на Смелянщине, женат, бездетный.

Об этих тоже не сказано, что исповедались и причастились.

15 сентября в г. Гродке казнены:

1. Василь Швец из Вербки на Смелянщине, женат, 2 сына.

2. Ocyi Nadleczyzenko (Авсей Надлечиценко) из с. Вязовка на Смелянщине, женат, 1 сын.

3. Степан Берлячук из Wilczana на Смелянщине, холост.

4. Артем Скупенко из Телепина на Смелянщине, женат, 1 сын, 4 дочери.

И эти – то же самое.

В miescie Jawogowie (Яворово) 17 сентября казнены:

1. Семен Хривенко из Русской Поляны на Черкащине, женат, 1 дочь.

2. Андрей Марченко из Вязовка, служил у казака Херемка на Смелянщине.

3. Микита Негеда из Яблоновки, на Смелянщине, женат, 2 сына 2 дочь.

4. Петро Коломык из Жураки на Смелянщине, женат 4 сына 1 дочь.

И эти последние четверо остались без причастия.

Всего 73 человека¹.

Мы видим, что это обычные крестьяне из Смелянщины, Уманщины и Черкащины, приставшие к казакам. Казнены они для устрашения почти в одно и то же время, с 12 по 17 сентября 1768 года.

Турок все эти события трогали мало. Им нужен был повод к войне. Они его получили и начали «раскручивать». 11 (22) июля турки потребовали отвода русских войск от границы и очищения Подолии.

Репнин извинялся и обещал переловить гайдамаков. За ними действительно началась охота. Отряд полковника Вейсмана преследовал их. Причем Репнин писал туркам, что Вейсман, недоглядевший за гайдамаками, разжалован.

Как видим, все эти казаки, чьи действия предельно обострили международную обстановку, были либо запорожцами, либо польскими подданными, а верные императрице донцы их ловили. Но на турок это не подействовало.

25 августа (5 сентября) в Турции был сменен великий визирь. На его место явился кутаисский паша, человек наглый и грубый. «Прикормленные люди» (заграничная агентура) доносили, что войны Турции с Россией желает султан и простой народ, а министры и духовенство против войны.

25 сентября (6 октября) война была объявлена, русский посол в Турции Обрезков арестован.

¹ По материалам собранным краеведом Г.Ю. Храбаном// beket.com.ua/baza_znaniij/reestry...machchine/

Дальнейшие попытки усмирения

На события в Польше война поначалу не оказала какого-либо влияния.

Русские власти знали, что если отступить от диссидентов, волнения польской шляхты прекратятся, но отступить принципиально не желали. 11 (22) сентября Екатерина II опубликовала свою декларацию, что русские войска остаются в Польше как гарант польской государственности.

В ответ 1(12) октября в Данковцах конфедераты распространили свой манифест, обращенный к европейским странам, в котором говорили, что ими движет «необходимость отвратить печальные следствия, кои всей Европе быть могут чувствительны, если предприятия россиян будут продолжаться в Польше»¹.

Новая конфедерация образовалась в Бресте и Ковне.

В Бресте в сентябре она была разбита полковником Гротенгельмом и капитаном Анрепом.

Ковенские конфедераты рассыпались по Жмуди, их начальники Медекша, Косаковский и Швейковский уехали в Тильзит, говорили, что домой.

Генерал-майор Измайлов подошел к Несвижу. Князь Радзивил, местный владетель, направил ему ультиматум, чтоб не нападал на конфедератов. Сам Радзивил пытался объединить их в Несвиже и принял у себя повстанцев Ошмянского повета.

Литовские конфедераты в благодарность избрали князя Радзивилла своим маршалком. Тот действительно собрал 4000 конфедератов и заперся в Несвижском замке. Подошел русский батальон (600 солдат) и заставил их разбежаться. Радзивилл сбежал, поляки сдались.

¹ Петров А. Указ. соч. Т.1. С. 45.

В Великой Польше ситуация сложилась посерьезнее. Разбитого и бежавшего гусарского полковника Рыздинского сменил другой гусарский полковник (pułkownik znaku husarskiego) – Игнаций Скарбек-Малчевский, староста пловский.

27 сентября (8 октября) 1768 года в Калише Игнаций Скарбек-Мальчевский был избран в штаб-квартире конфедерации Великой Польши региментарем (командующим войсками) и сразу же после выборов объявил посполитое рушение (сбор ополчения) шляхты. В связи с этим 4 (15) октября на улицах города произошли первые бои с российскими войсками.

Затем Малчевский столкнулся с русскими в бое с сомнительным исходом при Велене, через два дня выиграл схватку под Львувеком, но 19 (30) ноября был разбит под Вронками. Он пытался продвинуться на восток, стал обходить Познань с севера, но 23 ноября (4 декабря) 1768 года был разгромлен отрядом Древица возле Лобшеницы. Из 600 конфедератов было убито 200, Древиц взял 9 пушек. Малчевский бежал в Конин и там «пошел на повышение», был избран маршалком конфедератов Великой Польши.

Так что в Литве и в этнической Польше дела конфедератов развивались не очень успешно. Да и на Юге не все было гладко.

Военные контакты между турками и конфедератами не были пока установлены. 17 (28) октября визирь обратился к конфедератам и объявил, что война Турции против России началась. Якобы русских войск в Польше мало – 6 тысяч конных и 1 тысяча казаков (на самом деле русских войск там было около 25 тысяч). Визирь обещал конфедератам выгнать из Польши русских и избрать нового короля. Но единого плана войны у турок не было. Польский король им войну не объявлял, и веского повода для вторжения турецких и татарских войск в Польшу все еще не было. Конфедераты обещали сдать туркам Каменец и вести совместную борьбу с русскими. Чтобы собрать достаточно сил, они предложили Репнину перемирие на зиму. Репнин на перемирие не пошел.

И все же русские войска в Польше из-за войны с Турцией были значительно ослаблены. В 1-ю армию, которой была поставлена задача действовать против Хотина, из Польши направили 6 карабинерных полков, 4 гусарских, 3 пехотных, 8 мушкетерских и 200 донских казаков, а также и Чугуевский казачий полк¹. Из всей пехоты в Великой Польше оставили Углицкий пехотный полк.

Из России в Вильно выступил дополнительно «польский корпус» генерал-поручика Веймарна – 3 карабинерных, 4 пехотных полка и 10 орудий. 2 пехотных полка сразу направились в Варшаву. Генерал Веймарн расположился в Великой Польше, имея 3 карабинерных полка, 4 пехотных полка, 10 орудий и 2 тысячи донских казаков. Казаков, как видим, из Польши на турецкий театр военных действий не послали. Они одни были достаточно пригодны для контрпартизанской войны.

В Варшаву Веймарн отправил Санкт-Петербургский карабинерный и Казанский пехотный полки; в Вильне расположил Нарвский и Новгородский карабинерные полки, Нарвский и Нотебургский пехотные. С отрядом Веймарна в Польшу из Новой Ладogi отправился Суздальский полк А.В. Суворова.

Что касается казаков, главного предмета нашего исследования, то в Польше их оставалось ограниченное количество. По донской войсковой документации на 19 марта 1768 года «в расходе» в Польше числились 2196 казаков². Потом, с началом войны с турками, из Польши, как мы помним, 200 казаков направили под Хотин. Всего в Войске Донском в это время числилось около 19 тысяч служилых казаков, но почти все они, как только началась война, отправились на фронт против турок и татар. Таким образом, в военных действиях, закончившихся разделом Польши, участвовало очень ограниченное количество донских казаков. Запорожцы и значительная часть малороссийских горо-

¹ Петров А. Указ. соч. Т.1. С. 120.

² Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов-на-Дону. Ростовское кн. изд-во. 1992. С. 173.

довых и кампанейских тоже были посланы на османов, ногайцев и крымчаков.

Таким образом, сил, способных профессионально вести контрпартизанскую войну против польских конфедератов, было явно недостаточно. Ситуация компенсировалась низким профессионализмом самих «партизан».

Князь Репнин, утомленный этими событиями, 9 декабря писал: «...я бы лучше хотел с ротую гусар быть первым против всей армии турецкой, нежели здесь в моем месте со всеми сими шананами»¹.

Осознавая всю сложность контрпартизанской войны, «князь Репнин требовал прислать в Польшу донских казаков; но как они еще были далеко от Днепра, то требование это осталось неисполненным»².

Силы конфедератов располагались следующим образом. В воеводстве Плоцком находился отряд Улейского в 500 сабель, и люди еще собирались. В районе Познани стоял отряд Малчевского.

Главные силы собрались на юге, около Каменца, в Жванце и Окопах – 2500 человек под командованием графа Гаддика, австрийского генерала. Князь Потоцкий стоял в Данковцах. Значительные силы прятались за Днестром – против Кисниц 100 всадников, у Рыбницы – 200, князь Четвертинский возле Балты собрал 500.

Эти отряды имели связь с турками. Потоцкий открыто получал от них деньги. Турецкий чиновник Ресми-эфенди писал, что Потоцкому за все это время было выдано 110 мешков денег³. Это не так уж и много. 1 мешок (кошель) турецких денег равнялся

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. М. Мысль 1965. С. 240.

² Петров А. Указ. соч. Т.1. С.128.

³ Рассказ Ресми-эфенди, оттоманского министра иностранных дел о семилетней борьбе Турции с Россией (1769-1776). СПб. 1854 //war2 175x.narod.ru/doc/mmr_resm01.html

приблизительно 27 ½ рублям серебром. Из лидеров конфедератов Красинский находился в Яссах, Пулавский – в Хотине. Красинский с полученными от турок деньгами выехал в Венгрию и далее в воеводство Краковское – вербовать сторонников.

Естественно, из-за объявления войны Турцией России в Польше «поднялись головы и фантазия разыгралась»¹.

С другой стороны, война России с Турцией предопределила раздел Польши. Совет при императрице, собранный 6 (17) ноября, на поставленный вопрос «Чем закончить войну?» высказался за свободу мореплавания в Черном море, право строить на побережье порт и крепости, «а со стороны Польши установить такие границы, которые бы никогда не нарушали спокойствие»².

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV... С. 319.

² Там же. С. 283.

Начало военных действий на русско-турецком фронте

Первыми военные действия начали крымские татары. Ресми-эфенди писал, что татары всегда становились причиной разрыва мира между Турцией и Россией¹. И как только русские войска вступили на территорию Польши, крымский хан обратился к султану, что русские нарушили имеющиеся договоры между Россией и Турцией. Естественно, татары хотели разрыва мира с Россией, что позволило бы им грабить русское и польское пограничье и вновь заняться работорговлей.

7(18) января крымский хан Крым-Гирей с 60-тысячным войском подошел к Балте, где его ждали 500 конфедератов. Ресми-эфенди писал, что Крым-Гирей был «древний богатырь, страшный человек, последний из татар», и цель его была набегом на Польшу расстроить московские войска «уничтожением всех средств к продовольствию»².

15 (26) января Крым-Гирей с 70 тысячами перешел границу у Орла (поселок на Буге). У Тугула татары разделились. Большая часть свернула на восток. Всего лишь 8 тысяч пошли на Польшу, к Лодыжину, где их ждали конфедераты, возглавляемые Потоцким – 2 тысячи. В ожидании татар Потоцкий хотел поднять на восстание Брацлавское воеводство.

На Лодыжин татары шли двумя колоннами. Одну вел в качестве проводника князь Четвертинский, другую – некто Снятынский. В Лодыжине татары провели своеобразную мобилизацию вместо Потоцкого. Татарский военачальник «взял много пленных, которых, переодев в турецкое платье, поставил в турецкие ряды»³.

¹ Рассказ Ресми-эфенди, ... //war2 175x.narod.ru/doc/mmr_resm00.html

² Там же//war2 175x.narod.ru/doc/mmr_resm02.html.

³ Петров А. Указ. соч. Т.1. С. 131.

Русские войска сразу же постарались блокировать вошедших на территорию Польши татар. В Малой Польше русскими войсками в это время командовал генерал Олиц. К январю 1769 года он стоял в Дубно. Его авангард под командованием Прозоровского – в Ляховицах.

Отряд Прозоровского из Ляховцов, оставив там 1 батальон, прошел на Константинов, чтоб зайти татарам с тыла. 19 января он сосредоточил там 12 эскадронов гусар, 300 егерей, 4 роты гренадер и 1 карабинерный полк, которые контролировали территорию от Базалии до Любара. На Горыни Измайлов и Подгоричани развернули 2 карабинерных и 2 гусарских полка. Бутырский полк встал в Заславле. Легкие войска Бринка выбросили разъезды до Балты, к Бринку на помощь выступили 2 карабинерных полка из Буйнова и Демонтова и 1 пехотный полк из Киева.

Одновременно Прозоровский начал формировать команды «из бродивших по Польше вооруженных украинских казаков, которые за деньги охотно вступали на службу и к нам и к конфедератам»¹.

После 25 января (5 февраля) от Елисаветграда (ныне Кировоград) на Уманщину вступили 20 тысяч ногайцев, которые ходили в набег на российскую территорию. Проводниками у них были ротмистры Темберский и Стамбовский. По дороге ногайцы разоряли «польские» деревни. То же самое делали гайдамаки, которые «расплодилось» в этих краях. В Вензувке – 300, в Ольшане – 100, в Крыловке – 120, в Богуславе – 900.

Русские войска двинулись следом за ногайцами от Елисаветграда на Новомиргород, кавалерия дошла до селения Архангельское.

С приходом татар конфедераты оживились. 28 января (8 февраля) у Залещика они напали на команду Сербского гусарского полка поручика Кусовцова. Гусары отошли к Гусятину. Еще одно нападение было на местечко Толстое, где стояли 30 гусар прапорщика Ключеровского.

¹ Там же. С.132.

В Гусятине с командой из Желтого и Харьковского гусарских полков стоял капитан Ангелов. Там же находился подполковник Попов с казаками и эскадроном гусар. 29 января (9 февраля) Ангелов и Попов выступили на Ягольницы, стремясь отрезать пришедший в Толстое отряд Пулавского (400 пеших и 4 орудия). Конфедераты отступили на другую сторону реки, вслед за ними перешел реку Попов и вел с ними перестрелку до вечера, затем вернулся на свой берег.

Князь Четвертинский, один из вождей конфедератов, 30 января (10 февраля) издал манифест, что татары вступили в Польшу помогать конфедератам. Однако хан, трезво оценив, что русский командующий князь Голицын стягивает вокруг него войска, через три дня после соединения с конфедератами повернул назад. 1 (12) февраля он отступил к Бугу.

Преследуя татар, 1(12) февраля полковник Бринк с 100 егерями, 1 орудием и 400 казаками атаковал в селении Крупы 2-тысячный отряд Потоцкого, в состав которого входили 600 турок и 200 татар. Погибли 50 турок. Потоцкий засел в Крупах, но вокруг были одни лишь казаки, и турки продолжили отступление. 2(13) февраля их догнали и положили еще 44 османа. Капитан Павлов и поручики Тотович и Маргажич еще два дня преследовали турок, убили 94, в плен взяли 80. У русских 1 был ранен, 1 пропал без вести. Уцелевшие турки и конфедераты ушли на Брацлав.

300 турок были оставлены с ушедшими вслед за ханом конфедератами, которые остановились в селении Герматно. Иногда они с турками делали набеги за Днестр с целью грабежа.

Русские войска вслед за татарами вышли к Днестру. Прозоровский приказал сжечь Балту. Он сформировал отряд из казаков польской Украины для разъездов и разорения деревень по Днестру. Русские в лучших традициях степной войны уничтожали инфраструктуру, чтоб ее не использовал враг.

18 февраля Прозоровский переправился через Днестр, посланная им команда капитана Павлова (300 донских казаков) атаковала селение Сороки и разбила там спагов. Было захвачено

26 пленных, с ними 2 польских полковника и 2 ротмистра, 83 лошади. Местечко казаки сожгли.

100 казаков под командой капитана Титовича напали на селение Атаки, расположенное напротив Могилева, селение зажгли и стали рубить заметавшихся по улицам турок. 28 человек положили на улицах, 8 конфедератов взяли в плен.

Конфедераты на польской стороне Днестра укрепились в Жванце и Окопах против Хотина (юг Подолии). Здесь их якобы собралось до 10 000, но обещали собрать 80000.

Когда лед тронулся, и поляки оказались отрезанными от турок, отряд Измайлова их атаковал. 25 февраля (8 марта) в местечке Орынь русские разбили разъезд из Жванца, в плен попал один из Пулавских. Оба селения атаковали одновременно и в конце февраля взяли (в бою участвовал М.И. Кутузов)¹. Уцелевшие конфедераты бежали за Днестр.

В польской историографии этот бой 8 марта 1769 года значится как оборона Окопов Святой Троицы (Окору Świątej Trójcy). Казимеж Пулавский защищался здесь от русских. После трехчасовой защиты, которая стоила жизни 200 защитникам, Пулавский покинул крепость со своими солдатами и пересек Днестр, спасая свою жизнь. Некоторые из солдат были убиты в руинах сгоревшей церкви, защищая себя до конца, а некоторые попали в плен.

Как видим, попытки конфедератов сражаться вместе с турками и татарами против русских войск закончились для них разгромом.

Пока русские войска отбивали последний татарский набег, на севере занесенной снегами Польши Игнаций Малчевский готовил новые силы Конфедерации.

1(12) января он помог вооружить конфедератов в Ленчице, 4 (15) января восстановил их власть в Серадзе 15(26) января и 17(28) января в Гостыне. К концу января 1769 года он собрал более 4000 бойцов в Маланове под Калишем. Тем самым были

¹ Бантыш-Камеский Дм. Указ. соч. Часть 3. С.29.

взяты под контроль оба берега верхнего течения Варты. После отвлекающей перестрелки с отрядом русских войск под селением Турек, 29 января (9 февраля) 1769 года Малчевский обманым путем захватил крепость Ясна Гура. 31 января (11 февраля) он пытался удержаться в ней и сражался в Ченстохове более 10 часов. Не смирившись с потерей этой символической крепости, 3 (14) февраля он организовал восстание в Сохачеве, вблизи Варшавы. Чуть позже, 23 и 24 февраля (8 и 9 марта), Малчевский казнил 5 диссидентских (протестантских) вождей, пытавшихся отстаивать свои права в Сквежине. А это уже было далеко за Познанью, но все на той же Варте. Как видим, отряды конфедератов метались на территории к западу и юго-западу от Варшавы, захватывая все больше пространства.

Развернуться во всю ширь Малчевскому мешал Древиц...

Кампания 1769 года в Польше

В России после начала войны с Турцией внутренняя обстановка обострилась, и это тоже сказалось на проводимой в Польше политике. Усилилась оппозиция против канцлера Панина, но Екатерина его поддержала. Из Польши отозвали Репнина, заменили его более мягким Волконским. Возможно, это была ошибка. Поляки Репнина ненавидели, но уважали.

Чтобы турки не соединились с конфедератами, надо было занять две важнейшие крепости – Замосць и Каменец-Подольский. Этого от Репнина требовал командующий 1-й русской армией князь Голицын. Замосць (Замостье) прикрывала дорогу от Варшавы через Люблин на Львов, а Каменец считался сильнейшей крепостью на турецко-польской границе. В крепостях стояли польские гарнизоны. Де Витт, польский комендант крепости Каменец, втайне сочувствовал конфедератам. Соответственно приказ Прозоровскому и Салтыкову звучал так: взять Каменец, но не начинать формальную осаду.

Крепость Замосць находилась в частном владении у Замоиского. Репнин обратился с просьбой передать крепость русским к королю, король собрал министров и сообщил, что русские хотят занять Замосць. Министры заволновались, и в целом ответ был отрицательным. Затем Репнин потребовал у короля – если не хотите татарских набегов на свою территорию, отдайте нам Кременец. И тут ответ был неопределенным.

Король и его окружение хотели распустить по квартирам польское войско, чтоб турки не восприняли, что Польша воюет против них вместе с Россией. В конце концов, решили, что польское и русское войско вместе будут воевать только против бунтующих крестьян.

31 марта (11 апреля) 1769 года Екатерина написала инструкцию сменившему Репнина Волконскому, чтоб поддерживал короля и утихомиривал Польшу. Но главное – не дал полякам соединиться с турками.

Пока Волконский добирался до Варшавы, русские войска готовились воевать с турками за Хотин.

Около 20 (31) марта 1-я армия развернулась на польской территории между Константиновом и Полонным. Главная квартира расположилась в Лубани.

1 (12) апреля армия стояла между Бугом и Днестром. Авангард Прозоровского – в Баре. Для прикрытия магазинов в Польше дополнительно выделили Пермский карабинерный полк и 300 малороссийских казаков бригады Баннера.

С приближением турецких войск польские конфедераты оживились. Пулавский, подкрепленный 3000 арнаутов, опять выдвинулся к Жванцу. Потоцкий с 6 тысячами готовился выступить от Рыбницы на Балту.

Турки медлили, молдаване сочувствовали русским, и это чувствовалось.

Русские не теряли времени даром и перед боями начали зачистку тыла – в первую очередь от уцелевших гайдамаков (во всех справочниках окончание восстания гайдамаков – «колиивщины» – датируется первой половиной 1769 года). В Смелянске была обнаружена шайка некоего Мирона Губы в 700 человек. Прапорщик Ларнев собрал неподалеку в Комаргроде казачий отряд из 200 человек и предложил Губе присоединиться. Губа ответил: «Ляхов мне нечего бить, я с москалями буду резаться» и абсолютно нелогично стал резать всех, кто не православный¹. Еще одна банда в 40 человек под главенством некоего Василия Шостака пыталась нападать на русские магазины. Местные жители просили русское командование «злодеев истребить»².

¹ Петров А. Указ. соч. Т.1. С. 154.

² Там же. С. 155.

Голицын направил майора Вуича с 2 тысячами донских казаков, 60 егерями и 1 орудием разобратся с разбойниками. 3 (14) апреля при Рахмановке донские казаки истребили банду Шостака, 6 (17) апреля – банду Губы. Оба главаря были убиты.

С 15 по 24 апреля (с 26 апреля по 5 мая) русские войска, основные силы 1-й армии, ходили в поход за Днестр, пытались взять Хотин. Пока они были за Днестром, отряды конфедератов Пулавского и Твардовского вместе с турками переправились через Днестр у Куты и 17 (28) апреля напали на отряд капитана Тотовича. Тотович был ранен, русские потеряли 4 гусар и 1 казака, но конфедератов и турок убили 40, 18 взяли в плен.

Партия из отряда генерал-майора Вуича продолжала гонять гайдамаков, полковник Сулин обнаружил гайдамаков в лесах у местечка Лысянки и атаковал их. Гайдамаков убили 40, в плен взяли 24. У казаков погиб полковник Туроверов и 1 рядовой казак, 2 казака были ранены.

Куда донские казаки отправили пленных гайдамаков – вопрос. Скорее всего, передали местным властям. По крайней мере, и Мирон Губа и Василий Шостак, убитые донцами, проходят в польских архивах, как гайдамацкие вожаки¹. А местные польские королевские власти уже в августе 1769 года составляют

«Реестр 12 обвиняемых в гайдамаччине, кражах и дезертирстве 11.08. 1769 г.»

1. Степан Хоменко из Синявы Белой Церкви, был казаком в Белой Церкви 17.04.1769

2. Василь Кучурина из Гунчи под Грановом.

3. Грицко Павлюченко из Хмелевки.

4. Остап Мотыль из Сорокотяги.

5. Павло Андрущенко из Цыбулева.

6. Кондрат Пилипенко из Шендеровки.

7. Грицко Кравец из Балановки Немировской.

8. Михайло Леонтиль из с. Пищана и отец Леонтий.

¹ beket.com.ua/baza_znanij/spisok – ... okumentax/

9. Трохим Коломийченко из Городища на Смелянщине был в Лысянке.

10. Иосиф Вовченко из Городища на Смелянщине.

11. Василь Сиченко.

12. Михайло Молодецкий шляхтич, дезертир»¹.

Как видим, по крайней мере, один из привлеченных – Трохим Коломийченко – участвовал в событиях в Лысянке, где погиб полковник Туроверов.

На севере страны особо активных действий конфедератов не было. За март и апрель лишь одна серьезная стычка имела место – 8 (19) марта в Пакосце, в 40 верстах южнее Быдгоща.

Зато весной 1769 года оживились конфедераты во главе с Юзефом Бержинским, которые скрывались в горах юго-восточнее Кракова, на венгерской территории. Они безуспешно пытались захватить замок в Старой Любовли, принадлежащий Казимежу Понятовскому. Надеясь на помощь австрийцев, они подбивали их захватить Спишское староство на польской земле.

Выход конфедератов с венгерской территории на родную землю сопровождался рядом боев. Между подкарпатской деревней Роги, расположенной на реке Люботовке и славной своими ярмарками, и деревней Мейсе 26 марта (6 апреля) 1769 года произошел бой между конфедератами, идущими из Дуклы, и русскими, атакующими из Ивонича. Русские отрезали конфедератов от венгерской границы и погнали на север. Поляки стали уходить на Гловенку и Кросно, генерал Казимеж Пулавский был ранен. Погибшие конфедераты были похоронены в двух братских могилах в Роги и в Мейсе, рядом с усадьбой Тржесецкого у часовни.

Повсеместное расположение русских войск, которые одновременно прикрывали от конфедератов тылы и склады 1-й русской армии и уничтожали, где только могли, конфедератов по всей территории Речи Посполитой, препятствовало организации конфедератов в крупное соединение, и максимальное чис-

¹ beket.com.ua/baza_znanij/reestry ... machchine/

ло одновременно сражавшихся конфедератов достигало лишь 20 000 человек. Тем не менее, 27 марта (7 апреля) 1769 года у деревни Барвинек собрались конфедеративные войска под командой князя Ежи Марцина Любомирского, несчастного защитника Кракова. Туда же приехал из Подолии Казимеж Пулавский снискавший, несмотря на молодой возраст (24 года) авторитет лучшего военного вождя войск конфедерации. Были проведены переговоры и организован один из крупнейших конфедеративных лагерей. Любомирский доверил Пулавскому пост региментаря Краковско-Санокского и Сандомирского. В Барвинке был подписан универсал Пулавского, призывающий к оружию шляхту Подкарпатья. Здесь же в апреле 1769 года при Ивле, в долине реки Ивелька, притоке реки Вислока, у дороги Дукла – Новы-Жмигруд и на склонах холма Ивли, было выбрано место для боя против русских войск Елчанинова и 28 марта (8 апреля) 1769 года этот бой выиграли (Елчанинов был всего лишь подполковником Воронежского драгунского полка).

В мае вышедшие с территории Венгрии конфедераты численностью до 5 тысяч под командованием Пулавского, Бержинского и других двинулись на восток, в Малую Польшу, в район Львова. Прозоровский, опасаясь, что так далеко проникли конфедераты Потоцкого, имеющие связь с турками, послал туда полковника Жандра с легкими войсками. 15 (26) мая конфедераты атаковали Львов, но были отбиты. Подошедший Жандр обнаружил под Львовом 5 тысяч войска двух Пулавских, но «меж ими не находится однако ж ни одного турка», – доносил Жандр 27 мая (7 июня)¹. Конфедераты отошли от Львова на север до Жолквы и до Христианополя, дождались подкреплений в несколько сотен «домашней пехоты», драгун и улан киевского воеводы Потоцкого и снова пошли на Львов. Веймарн послал во Львов дополнительно 2 роты. Но очередного штурма Львова не случилось.

¹ «Журнал военных действий армии Ея Императорского Величества 1769 года. Печатан в Санкт-Петербурге при государственной военной коллегии» // <https://www.runivers.ru/bookreader/book476669/#page/47/mode/1up>.

Отряд полковника Древица, стремительно подошедший с севера, из Великой Польши, 28 мая (8 июня) разбил конфедератов при Христианополе. Потери поляков – 200 убитых и 50 пленных. 29 мая (9 июня), преследуя отступающих, Древиц еще убил 40 конфедератов и пленил 60.

У Красностава конфедераты еще присоединили к себе 30 хоругвей компутового войска и 2 полка польских драгун и двинулись на Люблин. Древиц продолжал преследовать их, и они разбежались. Тогда же, 28 мая (8 июня) в Русском воеводстве у Новари конфедераты напали на отряд капитана Ангелова, на прапорщика Раковского, их встретили гусары и казаки, 15 конфедератов они убили, 2 взяли в плен, сами потеряли 3 казачьи лошади ранеными. Бои под Люблином так повлияли на конфедератов, придали такое ускорение их движению, что последующие бои с Пулавским и Бержинским велись уже где-то в Литве, точнее – на территории современной Белоруссии.

В польской историографии эти бои, выигранные лихим гусаром немецкого происхождения (Древицем), игнорируются, но упоминается битва при Бжезанах (укр. Бережани) 16 (27 мая) 1769 года. Бережани – современный украинский город, лежащий к юго-востоку от Львова.

К тому времени, 22 мая (2 июня), Волконский уже прибыл в Варшаву. Он потребовал от поляков заявления, что они будут защищать Каменец от турок.

Все это время поляки стягивались к Варшаве, отрезали ее от польских королевских и русских войск. Игнаций Малчевский 26 апреля (7 мая) организовал в Калише смотр войск конфедерации.

Волконский, выяснив это, вызвал Апраксина из Познани и генерал-майора Чарторыйского из Торна. В Варшаве собралось 4000 русских войск.

Поляки, сидевшие в столице, обещали созвать конфедерацию в пользу России, но чтоб не было диссидентского вопроса. Требовали Бессарабию и Молдавию, если русские отберут их у турок.

Браницкий во главе коронных войск выступил против конфедератов Биржинского, дошел до Бреста-Литовского и получил приказ вернуться в Варшаву. Польские войска не хотели драться с конфедератами. Король не мог их заставить. У самого короля не было денег. У русских – Волконского и Репнина – он взял взаймы 18 тысяч червонных.

Русские были согласны отдать полякам Молдавию (православную) и тем самым увеличить количество православного населения в Польше, но чтоб поляки разрешили им занять Каменец.

4 (15) июня турки численностью до 200 тысяч остановились на Пруте, в 12 милях от Ясс, у Рябой Могилы, у деревни Табор.

К визирю приехал вождь конфедератов Потоцкий со свитой в 150 человек на 12 колясках.

Потоцкий просил у визиря защиты: «вся нация повергает себя под защиту лучезарного, непобедимого и святейшего магометова знамени, страшного всем христианам, которому да пошлет Бог на русских совершенную победу»¹. Поляки предлагали договор между Польшей и Турцией оборонительный и наступательный. Польша выставит 100 тысяч солдат, Турция – 200 тысяч. Граница будет по Карловацкому миру, но Польша уступает Турции Киевскую область, зато берет у России Смоленск, Стародуб, Чернигов и Ливонию.

Визирь ответил, что конфедераты по сути своей беглецы, и он может дать им убежище, но королевские польские войска сейчас стоят вместе с русскими, поэтому Польша – враг. Сами же конфедераты – «несчастные жертвы раздора, безрассудства и слабости нации подлой и непостоянной»². Что касается свободы, за которую воюют конфедераты, то визирь объяснил своему окружению, что «свобода это право жить без всякого закона».

Встреча великого визиря и Иоахима Потоцкого реальных результатов не принесла. Турки заявили, что им нет дела до польских вольностей. Пусть поляки примут ислам, тогда турки им помогут.

¹ Петров А. Указ. соч. Т.1. С. 183.

² Там же. С. 184.

Хотя визирь и сравнивал себя с Александром Македонским, в военном деле он разбирался плохо. Не лучше он разбирался и в политике. Переводчик визиря передал послу Франции, что визирь хочет собрать 300-400 тысяч войск и разорить вконец всю Польшу. Франции это было невыгодно. В разоренной Польше турки долго удержаться не могли, а после их ухода развалины Речи Посполитой гарантированно оказывались под контролем России и Пруссии. И вообще французы подбивали турок воевать с русскими, а не с поляками...

Все же соглашение было подписано, как того предлагали конфедераты – оборонительный и наступательный союз, совместный поход 100 тысяч поляков и 200 тысяч турок, уступка Польшей Турции Киевского воеводства, оставление за Польшей Смоленска, Стародуба, Чернигова и Ливонии (которых на тот момент Польша не имела). Особо договорились, что Польша уступит туркам всех враждебных конфедерации крестьян, но оставит себе главарей этих крестьян для наказания¹.

По этим статьям соглашения турки могли угнать в рабство половину населения Польши.

Опомнившиеся конфедераты теперь сами боялись вступления турок на польскую территорию. Потоцкий советовал визирю начать поход с Новороссии.

Советы Потоцкого визиря мало трогали. Султан прислал ему приказ к 15 (26) июня осадить и взять Каменец.

9 (20) июня Магомет-паша и Потоцкий подошли к Хотину, имея при себе 15 орт и 100 боераков войска. Учитывая, что численность орты колебалась от 60 до 150 человек, а боерака – от 50 до 300 человек, к Хотину подошли примерно 15 тысяч турок. С ними были несколько сотен спагов и 12 орудий. В Хотине уже находился Абаз-паша, приведший туда 100 конных боераков и несколько тысяч янычар.

Прибытию новых войск к Хотину предшествовали сильный ветер и иные неблагоприятные природные явления. Но Ма-

¹ Там же. С. 187.

гомет-паша (он был назначен Сераскером Валахии) не обращал на них внимания, звал конфедератов к Каменцу и хвастал в обращениях к ним своими силами. Но конфедераты пришли не с севера, а с юга – от Ясс подошли 2 тысячи конфедератов Морозовицкого.

Узнав, что с турками подписано соглашение, и теперь предстоит выставить 100-тысячное войско, конфедераты в Тильзите постановили выбрать единого вождя восстания, общего предводителя. 7 маршалков выбрали некого Бенклевского. Последовала новая попытка распространить конфедерацию по всей стране. Княгиня Сангушко в Данциге собирала деньги для повстанцев, господарь Валахии прислал им 4000 ружей. Вдохновленные мятежники уже спорили, кого выбрать новым королем.

Боевые действия под Хотином шли с переменным успехом. И в тылу вокруг русских складов (магазинов) боевые действия тоже не прекращались.

29 июня (10 июля) из Венгрии на Станиславов вышел отряд конфедератов Твардовского, но был разбит у местечка Надворного в полумиле от города отрядом капитана Тотовича, который шел в Станиславский магазин за продовольствием. 15 конфедератов погибли, Твардовский с двумя товарищами попал в плен. Русские захватили 25 лошадей¹.

Видимо, конфедератов «накрыли» врасплох и порубили пешими.

1(12) июля 1769 года произошел бой под Слонимом. Войска конфедератов под предводительством Казимежа Пулавского встретили русский отряд Вахмейстера на правом берегу Щары. Казаки, входившие в состав войск Вахмейстера, переправились через реку вброд и навели мост. Другие части отряда перешли мост и равернулись в боевой порядок – пехота в центре и конница на крыльях.

¹ Журнал военных действий армии Ея Императорского Величества 1769 года...

Конфедераты противопоставили русским большую часть своих сил, но оставили часть конницы за лесом в качестве засады. Проводя атаку, русские подставили свое левое крыло под удар польского подразделения, спрятанного в лесу. Атака этого засадного отряда привела к поражению русской конницы на левом фланге. Конница на правом фланге русского построения также была разбита. В этой ситуации русская пехота, которую польская конница не решилась атаковать, отступила с поля боя.

На следующий день, 2 (13) июля, разыгралась «Белостокская битва», также известная как «битва при Олмонте».

Войско конфедератов под командованием Юзефа Бержинского – примерно 4000 добровольцев и дезертиров из регулярной королевской армии с 18 орудиями – столкнулось с отрядом Александра Голицына (примерно 800 солдат с 3–4 орудиями). Бой шел целый день, польская артиллерия принимала в нем самое активное участие и вела огонь до истощения боеприпасов. Русские отеснили силы Конфедерации и успешно отразили их контратаки.

В проигрыше поляки винили не только плохую подготовку и снаряжение польских войск, но и устаревшую тактику – польская кавалерия в этом сражении вместо атак караколировала, то есть ряд за рядом выезжала и стреляла (кстати, для применения такого приема нужны длительные тренировки и хорошо обьеженные лошади). Поляки потеряли 110 убитых и 170 раненых, русские потеряли больше – 120 убитых и 200 раненых (почти половину состава). Но они удержали позицию и отеснили поляков. В результате проигрыша битвы, помимо убитых и раненых, около 1000 конфедератов дезертировали, покинули поле битвы и были взяты в плен. Таким образом, Бержинский и Пулавский, прошедшие от венгерской границы до Великого княжества Литовского, потерпели в вожделенной Литве поражение. Поляки считали, что в 1769 году они потерпели два крупных поражения, и бой под Белостоком – одно из них.

В общем, середина июля была богата на драки. Отряд полковника Ширкова прикрывал магазин русской армии в Станис-

лавове, 15 (26) июля он произвел набег на конфедератов под Львовом. Конфедераты хотели перехватить обозы от Станиславова до Окопа. От Станиславова 2 команды капитана Петровича и поручика Герсиванова выступили к Самбору. Там стоял со своим отрядом Любомирский. Русские отбили обоз Любомирского. Поляки хотели спрятаться в Жулкве, но их и там атаквали, они потеряли 30 убитых, 13 плененных, 50 лошадей. Русские отбили 1 донского казака.

Когда турецкая армия в конце июля – начале августа повторно подошла к Хотину, сидевший там ранее в осаде Потоцкий требовал форсировать Днестр, захватить селение Окопы и мосты, по которым русская армия переходила Днестр, тем самым русские оказались бы отрезанными. «С нетерпением взирают народы, желая видеть, что столь сильные державы, как турки и татары, сделают с Россией; а может быть, что увидя их успех, вступят с ними в союз», – вещал Потоцкий.

Прагматичные турки сразу же задали вопрос: где обещанное 100-тысячное войско конфедератов? Потоцкий объяснил, что объединению союзных войск – турок и конфедератов – мешают русские, и потребовал, чтобы татары освободили захваченных ими зимой польских граждан.

Во время боев под Хотинном имели место несколько стычек в Малой Польше и Прикарпатье. Здешние конфедераты старались отвлечь на себя хотя бы часть русских сил.

28 июля (8 августа) 1769 года произошла «битва» при Хошуве (Hoszów). Здесь, в Прикарпатье, у Перемышля, на русинской земле, разыгрался бой конфедератов против отряда вездесущего Древица, и здесь был ранен ротмистр Франтишек Пулавский, двоюродный брат Казимира Пулавского. Беднягу привезли в замок Кмитов в Леско, где он и умер.

В это же время остатки войск Любомирского соединились с Радзиминским у Львова при Ржешове. 29 июля (9 августа) их разогнали русские карабинеры майоров Куроедова и Салемана. Из 1000 конфедератов погибли 100, 5 попали в плен. Русские за-

хватили 2 орудия. Конфедераты укрылись в замке Ржешов, подошедшие русские войска осадили его. В осаде приняли участие 3000 человек, среди них три сотни казаков. Конфедераты отбивались там 31 июля – 1 августа (11-12 августа), потеряли 42 конфедератов и одного крестьянина из соседней деревни Слочина, но из-за отсутствия продовольствия вышли из замка и двинулись на север, на Колбушев. Карабинеры их догнали и разгромили. Конфедераты потеряли 200 человек убитыми, 300 пленными и бросили 9 орудий. Любомирский и Радзиминский бежали. Потери карабинеров – 2 раненых. После боя тела погибших были похоронены, и над могилой поляков был насыпан курган.

Утром 4(15) августа в Стшижуве отряды Казимежа Пулавского и Франтишека Тржесицкого принесли клятву перед чудотворным изображением Непорочной Девы (это изображение было на знамени конфедерации). После мессы они отправились в Ржешов и на окраинах города у деревни Повитно начали новый бой. И еще один курган был насыпан над убитыми поляками...

Главным страдающим лицом стало местное мирное население. «Войска наши (легкие) во время обеих экспедиций к Хотину забрали в окрестностях Каменец-Подольска не только все до последнего зерна из закромов и истребили засеянное на полях, но даже ограбили храмы Божьи»¹.

Местные королевские власти продолжали вылавливать и карать гайдамаков, уцелевших после событий 1768 года и недавно объявившихся.

«Реестр арестованных, обвиняемых в гайдамаччине 9.09.1769 г.:

1. Зинько Пасишник из Цыбулева.
2. Хведько Микитенко из Цыбулева, словил с подельниками двух шляхтянок Рыльскую и Букевичеву.
3. Федор и Петр, братья.

¹ Петров А. Указ. соч. Т.2. С. 9.

4. Федько Крыша, Петро Микитенко, Андрушко Гайдаев сын из Цыбулева, убили шляхтича.
5. Яцко Рябоконт из Цыбулева.
6. Яцко Панасенко.
7. Самуйло Шиманский, пасечник из Княжей Криницы.
8. Иван Чуйко и Хвесько Кривой из с. Gechlina, обвинены в убийстве п. Важинского.
9. Иван Дяк из Смелянщины.
10. Тимко казак Тетиевский.
11. Панас Биркового зять из Цыбулева.
12. Антин Соломченко из Белой Церкви.
13. Ян Вишнеvский, служил у отамана Швачки.

Перечень 16 гайдамаков 14.09.1769 г.:

1. Лесько Кривошия из с. Кутов на Уманщине.
2. Мартин Швец из Теплика на Уманщине.
3. Грицко Яценко из Тального, дяк.
4. Середа Остап из Камянечого на Уманщине.
5. Хведир Гусак из Медведовки Чигиринской.
6. Хвесько [Головщан].
7. Сухонос Лукьян, запорожец.
8. Грицко Литвин из Новоселицы.
9. Cheydko Дубина из Китайгорода.
10. Кирилл из Карпихи, поп.
11. Андрей Марченко из Войтовец Паволоцких.
12. Стефан Энджейовский, шляхтич из Дашева.
13. Панько Белоус из с. Гунчи.
14. Петро Максименко из Жерденовки Немировской, плотник.
15. Игнат Демченко из Димера.
16. Йосип Гончаренко из Димера.

Реестр 7 гайдамаков 11.10.1769 г.:

1. Василий Попович из Яланца.
2. Иван Присяженный и Хведор Кислица, оба из Дзюноква.

3. Хведир Дяченко из Ходорова.
4. Илько Дудников, зять из Рубчинок Володарских.
5. Грицко Левченко, дезертир русский.
6. Николай Руденко из Подвысокого села Балабановки.
7. Николай Скрипник из Горошкова (Тетиев)». Привозили с Умани недавно пойманных, не смирившихся участников прошлогоднего восстания, пышащих ненавистью.

«Арестованные, привезенные с Умани (1769 г.):

1. Василий Бобачек из Соколовки. В с. Волошиновке на Уманщине забил панну, подколол Пшемьстского, сказав ему: «А знаешь ты о том, проклятый ляше, что вас проклятых ляхов сука в море на острове родит, и вы оттуда происходите все и начало оттуда имееете».
2. Петр Таран из Соколовки.
3. Семен из Ропотухи.
4. Лупул Еременко.
5. Василий Паламаренко из Кочержинец в с. Громы убил шляхтянку Чаплинскую, добил дрючком и мозг собакам выкинул. Покарание: живого четвертовали.
6. Василий Левченко из Лозоватки на Уманщине, пристал к сотне Лупула. Наказание: 500 розг у столба.
7. Максим Дрижанов. Наказание: 300 розг.
8. Михаил Таран. Наказание: 500 розг.
9. Иван Яремченко убил своего пана.
10. Иван Лапка.
11. Демко Куроченко». Трое выпоротых, как видим, исключение...

Гайдамаки, бравшие участие в загоне атамана Василия Шелеста, и другие лица, обвиненные в гайдамаччине (1769 г.):

1. Андрей Дубина.
2. Иван Слюсаренко.
3. Насар Куспикова зятя сын.

4. Иван Реутенко.
5. Демко Писаренко из Черкасс.
6. Трохим Сакатенко из Дементова.
7. Иван Хмаренко из Пшеничников.
8. Данило Шаповал из Мартыновки.
9. Макар Виновченко из Мошен.
10. Николай Чоповский из Межирича, был у атамана Савки, спалил двор п. Бевинского.
11. Василий Сарана из Скриловки.
12. Иван Критича из с. Скреглевки.
13. Герасим Гладен..ий из Фастовщины.
14. Савка Плиханенко.
15. Федир Базарный.
16. Левко Малый, запорожец.
17. Стефан Пиотровский.
18. Василий Письменко.
19. Давид Шпаченко из-за Днепра.
20. Олехвир Забоенко.
21. Мусий Сенчек.
22. Карпо Жабокрик (Жабокрицкий) из с. Македоны на Каневщине.
23. Чернец Ларион.
24. Федир Mirny из с. Квитки на Каневщине.
25. Федир Ловчий.
26. Савка Юренко из Медведовки на Чигиринщине.
27. Герасим Рыщенко.
28. Петро Немой.
29. Остап Винник из с. Толстая на Смелянщине, умер.
30. Василий Чирненко из с. Савинцы.
31. Василий Ковальчук из Майдановки.
32. Василий Вечеченко, умер.
33. Петр Коновальчук, умер.
34. Василий Прокопенко из Киева.
35. Федор Трифунченко

36. Яким Сиканенко из Бараньего Поля (Богуславщина) и его брат Панас, забили шляхтича.
37. Михайло Воробец из Черной Каменки.
38. Мусий Черный.
39. Яким Черевко.
40. Михаил Малаховчук.
41. Кондрат Гурбенко, дьяк слободы Антоновка.
42. Степан Хоменко.
43. Лозинский, писарчук Поволоцкий.
44. Василий Белодуб из Полонного.
45. Максим Швец, запорожец.
46. Степан Космачук из Винограда.
47. Антон Полищук из Уланова.
48. Федор Юрков сын из Стадницы.
49. Кость Мариничев, сын швеца из Райгородка.
50. Пилип Стадник из Шпиченец, вместе с Мартином Лободой везли шляхтянку Марианну Бабкевичеву на побитие к гайдамакам.
51. Илько Семенович Кожумьяка, швец из с. Снятинки (Снитинки).
52. Николай Москаленко из Бузовки Тетиевской.
53. Василий Марченко из с. Волошовки, агитировал людей идти в гайдамаки.
54. Василий Сидоренко из предместья Умани.
55. Панас Галайковский прислан из Соколовки п. Зебровским.
56. Михайло Сокового зять из Шарниполя ключа Конельского.
57. Йосип дьяк Митинский. Наказание: сперва два ремня содрано, а потом четвертован живой. Родился в Красилове, отец Данило Митинский.
58. Лабунченко Николай из Вовнянки.
59. Лабунченко Андрей, во время резни был в Умани.
60. Хведир Швец и Петро Кривой из Верещак на Уманщине.
61. Дмитрий Колимчук из Осиевки.
62. Илько Синюшко из Соколовки на Уманщине.
63. Завалюха Грицко из м. Липовца.

64. Василий Тимищенко из с. Закутинцы.
65. Луцко Полищенко из Обозовки на Уманщине.
66. Федир Береговой из м. Дмитрушек.
67. Степан Панасенко из Хижин и Хведор Щупка из Хижинец на Уманщине, казаки.
68. Андрей Шишковенка зять из Бачкурина».¹

В 20-х числах августа русские разъезды, ходившие за Прут, поймали некоего Кохановского, дворецкого князя Потоцкого, который вез деньги жене князя в Венгрию. Денежная подпитка конфедератов из Турции временно прекратилась.

Пока шли эти стычки по окраинам страны, силы конфедератов усиливались вокруг Варшавы. Уцелевший в боях Игнаций Малчевский собрал около 10 000 человек возле Ленчицы и Ловича. Он стремился объединить конфедератов Королевской Пруссии, форсировал создание Поморской конфедерации 5(16) августа. 20 (31) августа в Калише состоялась встреча маршалков конфедераций нескольких провинций, и Малчевский представлял там Великую Польшу как маршал Великопольской Конфедерации.

Дабы пресечь эти действия, тогда же, в августе, из Минска на Варшаву двинулись войска генерала Нумерса – 4 пехотных и 2 кавалерийских полка.

Авангардом корпуса генерал-поручика Нумерса, которого вскоре сменил генерал Веймарн, командовал А.В. Суворов. Он получил приказ идти к Варшаве с Суздальским полком и 2 эскадронами, разделил свои войска на 2 колонны, за 12 дней прошел 600 верст («без умерших и больных, с подмогою обывательских подвод»²) и в ночь с 20 на 21 августа (31 августа-1 сентября) появился под Прагой. Без пролития крови он отделил от конфедератов 2 уланских полка, Пелиаки и Корсинского, и разбил после этого близ Варшавы отряд Котелуповского. «...Оттуда разогнал я не-

¹ [beket.com.ua/baza_znanij/reestry ... machchine/](http://beket.com.ua/baza_znanij/reestry...machchine/)

² Суворов А. Наука побеждать. СПб. Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 256 с. С. 14

знатную партию под варшавским маршалком Котлубовским»¹, – скромно упомянул об этом бое в автобиографии Суворов.

В рапорте А.В. Суворова Веймарну говорится, что Суворов вышел на поиски мятежников к северу от Варшавы «с одним эскадроном драгун, одною гранодерскою, одною мушкатерскою ротами и при каждой по пушке и стами казаками», «отправляя наперед казачьи разъезды». Конфедераты бежали при одном появлении русского отряда. Указанный в автобиографии начальник партии назван «Закроцинским маршалком Карлбовским», в отряде его было «менее ста человек, все на конях», которых оный «Карлбовский» «более месяца вербовал». Суворов их не преследовал. «Более мятежников действительно в той стороне не было, и за теми мне гнатца показалось далеко. Я шел без отдыху, они были свежи, ибо лишь начали бежать и то стремглав, а рассудил лучше, возвращаясь сюда, обойти Завислскую сторону». Пойман был один мятежник, и с собой отряд привез «взятого одного улана, которой в Закроцине выскочил из-за избы на одного казака с двумя заряженными пистолетами в руках, пешей»². Как видим, в Закроцине стояли верные правительству уланы, и здесь же «Карлбовский» вербовал конфедератов.

Сведения, что 8 тысяч конфедератов приближается к Варшаве, в результате разведки Суворова не подтвердились, и – вспоминал Суворов: «Чрезвычайный посол, князь Михайла Никитич Волконский, отправил меня в Литву для усмирения мятежей»³.

На самом деле 8 тысяч конфедератов Казимира Пулавского (сына основателя конфедерации) и Бержинского, вышедшие из Литвы, а вернее спугнутые оттуда во время марша Нумерса, в конце августа показались у Люблина. Они заняли Замостье и направили разъезды к Бродам.

Русские войска подступили к Замостью. Конфедераты разделились. Бержинский пошел на Сандомир. Пулавский с братом

¹ Суворов А. Указ. соч. С. 14.

² А.В.Суворов. Документы. Т.1. М. С. 173-174.

³ Суворов А. Наука побеждать... С. 14.

Францем Ксаверием – в Литву, на Брест, Слоним, Белосток. Русская кавалерия устремилась за ними.

Полковник Карл Август фон Ренне погнался за Пулавским, подполковник Древиц – за Бержинским.

У Ренне было 4 эскадрона Каргапольского карабинерного полка и 1 эскадрон Вятского полка, «разной пехоты до пятисот с семью пушками и до трех сот казаков от большей части мало-российских польских»¹.

Во время преследования Ренне, двигавшийся с юга, 26 августа (6 сентября) вышел на Сосновку (Сосновица), 100 пехотинцев посадил на подводы и с кавалерией дошел до Ломазы. Пулавский сманеврировал, свернул к стоянке уланского полка Беляка. Официальное название этого полка было «4-й полк Литовской передовой стражи». Беляк спешно отступил к Мезеричу, ближе к Варшаве, и там встретил Суворова, который 27 августа (7 сентября) получил приказ идти на Пулавского.

«Я послал наперед в Мезерич офицера уведомить Беляка, что я чрез Мезерич пойду. В соответствии прибыли от него ко мне от его и Корицкого полку два ротмистра, коих я отпущу, в Мезерич вчера пришел ночью перед светом», – рапортовал Суворов 31 августа (11 сентября)². Видимо, польские уланы явились к Суворову засвидетельствовать почтение и нейтралитет.

Вообще-то это были не поляки. Перед нами 4-й полк Литовской передовой стражи, которым командовал литовский татарин, полковник Юзеф Беляк. «Полк был сформирован в 1733 году из надворной татарской хоругви киевского воеводы Потоцкого. Можно предположить, что большую часть личного состава полка составляли волынские и подольские татары. Предшественником Беляка на посту командира полка был генерал-майор Чимбай Мурза Рудницкий. Полк принимал активное участие в Семилетней войне, в которой ротмистр Беляк обратил на себя внимание

¹ А.В.Суворов. Документы С. 175.

² Там же. С. 174.

мужеством и талантом командира»¹. Большой вопрос, с кем они воевали в Семилетнюю войну?.. Второй вопрос, почему этих литовских татар называли в обиходе и в официальной документации «уланами»? Уланы – по-тюркски означает «дети». Так назывались воины крымского хана, его ближайшее окружение. Так же, по такому же принципу, впрочем, назывались и русские боярские дружинники – «дети боярские».

Все полки Литовской передовой стражи имели свою особенную форму, больше похожую на ту, которая была принята в Османской империи или Крымском ханстве.

Но в Речи Посполитой ситуация была несколько иной. «Если говорить более точно, то название «уланы» произошло от имени полковника Александра Улана (Aleksander Ulan) – представителя татарской знати, отряд легкой конницы которого служил саксонским кurfюрстам и польским королям Августу II Сильному (1697-1704, 1709-1733) и Августу III (1734-1764). Полк особенно отличился в польской гражданской войне 1715-1716, за что его перевели на службу в саксонскую армию в 1717. После смерти Александра (ранее 1740) его полк получил кличку «Улановы дети» (Ulanowe dzieci польск.) или «Уланово войско» (Ulanowe wojsko польск.), откуда и произошло название «уланов». Уже во время Войны за австрийское наследство (1740-1748) и в Семилетнюю войну (1756-1763) все татарские полки Великого княжества Литовского стали именовать «уланами». В XVIII в. в Речи Посполитой было 5 регулярных полков татарских уланов, имевших, впрочем, польскую военную организацию»². Идея оказалась заразной. В 1740 году в прусской армии был создан польский эскадрон, солдаты которого назывались «уланами». В 1741 году эскадрон развернули в полк. Он был набран из валашских татар и мелкой польской шляхты. «Поскольку они не были приучены обращаться с таким сложным оружием, как пика, в следую-

¹ <https://islam.in.ua/ru/istoriya/musulmanskie-ulany-na-sluzhbe-korolya-stanislava-ponyatovskogo>

² <https://synchasvetlana.livejournal.com/43029.html>

щем году их преобразовали в 4-й гусарский полк»¹. Действительно, отличительной чертой улан было их вооружение пикой.

Что касается Юзефа Беляка, то он командовал интересующим нас полком с 1764 года, через год после того, как получил звание полковника. В полку предусматривалась численность в 500 всадников, но в разные годы она колебалась от 400 до 600 человек. А полк Корицкого тоже состоял из татар. «В 1733 году в польской армии формируется другая войсковая единица, состоящая из татар – полк легкой кавалерии под командованием Александра Муштафы Корицкого»².

В разгоравшейся войне между русскими и поляками литовские татары, видимо, охотно держали нейтралитет.

Пулавчикам в это время приходилось туго. Ротмистр Миллер следил за Пулавским, а Ренне сразу пошел на Брест и захватил там 30 поляков. Не найдя в Бресте Пулавского, Ренне повернул на юг и двинулся вдоль Буга. У местечка Словатич Ренне встретил 200 пинских конфедератов, 30 из них убил, 15 ранил.

Миллер, в свою очередь, у Вишнице, на полдороги между местечком Ломазы и Славатычем, столкнулся с луцкими конфедератами генерала Понеонского, генерал был убит, и 15 конфедератов взяты в плен.

Пулавский между тем, не доходя до Бреста, где его поджидал Ренне, свернул в Киевцы и перешел Буг, затем вошел в Чернавчицы и в Кобрин, захватил 300 возов, русский гарнизон понес потери в 100 убитых и 30 пленных, после чего Пулавский опять свернул к Бугу.

Ренне ждал в Бресте, ротмистр граф Кастелли из его отряда с 1 эскадром и казаками наблюдал за маневрами конфедератов, а ротмистр Миллер с 100 казаками и 60 драгунами вошел

¹ Функен Ф. Европа XVIII век: Франция – Великобритания – Пруссия: Кавалерия – Артиллерия. Армии европейских стран. М. Аст, 2003. С. 74.

² Гришин Я.. Польско-литовские татары.(Наследники Золотой Орды). – Казань: Татарское книжное изд-во, 1995.-195 с.// <http://www.ethnos.ru/node/610>

в Каменец на речке Левая Лесная, преградив Пулавскому путь из Кобрина на север. 31 августа в Брест прибыл Суворов, который привел с собой 700 солдат.

Суворов оставил в Бресте большую часть своего отряда и, взяв с собой 60 суздальских гренадеров, 100 мушкетеров, более 100 стрелков при 2 пушках и 36 драгун Воронежского полка, пошел по дороге на Кобрин, куда, по данным разведки двигался Пулавский. Ему подчинили наличных казаков и 1 эскадрон Вятского полка под командованием ротмистра графа Кастелли. «... Повстречался я с графом Кастелли при 30 карабинерах и толиком числе казаков и взял его с собою», – вспоминал Суворов¹.

Антоний Пулавский, Франциск Ксаверий Пулавский и Казимеж Пулавский, услышав о приближении к ним Суворова с запада и Карла Августа фон Ренне с юго-запада, начали отступление на юг.

Их отряд уходил к Влодаве. Ренне с 3 эскадронами и 50 казаками шел туда левым берегом, Суворов – правым. Конфедераты, не осознавая слабости суворовских сил, уходили почти без сопротивления, прикрывали свое отступление с помощью пехотного огня, использовали местность, богатую лесами и болотами.

В полдень 1 (12) сентября Суворов догнал Пулавского и разбил при Орехове.

В рапорте по горячим следам Суворов написал: «Из Брестца пошел я с ротою гранодер, егарями, тридцатью шестью драгунами и двумя пушками. На дороге взял я с собою Каргопольского ротмистра графа Кастели с пятидесятью карабинерами и казаков до тридцати, которой за сутки пред тем малою его силою Пулавских довольно пощипал; их 20 человек из ариергарду в полон взял. Господин полковник Ренн с его деташаментом шел другой дорогой. С сими пошел я на Пулавских внутрь их лесов и, отошед близ десяти миль, встретил их среди дня за тремя мостами под сею деревнею, на выгодном месте»². В частном письме А.В. Суво-

¹ Суворов А. Наука побеждать... С.14.

² А.В. Суворов Документы... С. 177.

ров дал схожую характеристику позиции: «Вообразите деревню Орехов – своего рода цитадель: фланги прикрыты болотистыми лесами, тыл большим прудом, а фронт длинным дефиле, через кое перекинута три моста. Последний длиннее прочих, шел через болото и защищался пушкой на огневой позиции на холме»¹.

Впрочем, отношение к позиции противника у Суворова со временем изменилось.

В своей автобиографии Суворов так описал те события: «Маршировавши ночь, против полден, повстречались мы с мятежниками под Ореховым; их число возвышалось близ 10000, что была неправда; я их полагал от 2000 до 3000; начальники из были маршалки и иные – достойный Ксавиер Пулавский, который здесь убит, брат его Казимир, пинский – Орешко, Мальчевский, Заремба – числом девять. **Я их ведал быть беспечными, в худой позиции**, то есть стесненными на лугу, в лесу, под деревней»². Да и мосты конфедераты не сожгли и не сломали. Вполне возможно, что они заманивали русских по этим мостам за болото.

Невзирая на соотношение сил – «у м. Орехово русский отряд (320 чел. при 2 орудиях) столкнулся с главными силами Пулавских (2500 всадников при 3 пушках)»³, – Суворов повел войска в наступление.

«Гранодеры, под их храбрым предводителем господином поручиком Сахаровым, шли колонною впереди и, перешед третьей длинной, лежащей через болото мост, защищаемы были егарями с обеих крыл», – рапортовал Суворов⁴. За пехотой через гать перешли карабинеры под началом «весьма достойного и храброго господина Каstellли»⁵ и драгуны; казаки остались за болотом для

¹ <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000224/st005.shtml>

² Суворов А. Наука побеждать... С. 14.

³ Полководцы Екатерины II Румянцев Петр Александрович, Суворов Александр Васильевич, граф Орлов Алексей Григорьевич, Потемкин Григорий Александрович. М. ИД «Комсомольская правда», 2014. – 96 с. С. 19.

⁴ А.В.Суворов. Документы. С. 177.

⁵ Там же. С. 178.

обеспечения русской позиции с тыла и наблюдения за выходами из леса¹. В своей автобиографии А.В. Суворов бой описал кратко и почти без деталей: «как скоро мы маршировали три тесные дефилеи, где терпели малый урон, началась атака, но продолжалась от четырех до пяти часов»².

В ходе этого часа произошел ряд событий. «Так как неприятельские орудия наносили нам довольно значительный вред, то Суворов, став во главе кавалерии, атаковал батарею. Конфедераты, боясь потерять орудия, сняли их с позиции, увезли за линию и вслед за тем атаковали гренадер с фронта, но были встречены метким залпом. «Отбитые эскадроны были заменены, однако, новыми, атака возобновилась, но опять не имела успеха. Четыре раза атаковали конфедераты и всякий раз свежими эскадронами, но все четыре раза безуспешно. Они понесли при этом большой урон, потому что, кроме хорошо направленного ружейного огня, каждая их атака была встречаема картечью, и отбитые эскадроны преследовал граф Каstellли, рубя бегущих». Во время одной из этих схваток погиб старший Пулавский, убитый графом Каstellли³. Старший Пулавский прикрыл собой младшего Казимира Пулавского, в которого Каstellли выстрелил из пистолета. Впрочем, ниже мы встретим еще один вариант гибели старшего из братьев Пулавских...

В частном письме Суворов, как истинный полководец учитывает все факторы своей победы (утомленность противника, его голод), но ничего не пишет о четырех конных атаках противника. «Они защищались храбро в трехчасовой перестрелке и даже вознамерились сами двинуться вперед, дабы меня атаковать и окружить, покуда я понемногу выстраивал свои линии на равнине,

¹ Штабс-капитан Плестерер. Суворов. Поход в Польшу и бой при Орехове (1768–1769гг.) (По документам Московского Архива главного штаба)// <http://adjutant.ru/suvorov/suvorov013.htm>

² Суворов А. Наука побеждать... С. 14.

³ Штабс-капитан Плестерер. Суворов. Поход в Польшу и бой при Орехове...

пройдя чрез их леса и болота туда, где они сосредоточили основные силы. В сем-то месте стремительно атаковал я их тремя небольшими отрядами с флангов и в центр, штыком и саблей. Они худо сопротивлялись, не евши и оставаясь в деле более 4 часов»¹.

С наступлением вечера Суворов нанес конфедератам решительный удар. «Он приказал квартирмейстеру Суздальского полка, Васильеву, распорядившемуся артиллерией, зажечь гранатами Орехово, находившееся в тылу польской позиции. Приказание было исполнено и деревня зажжена. Пожар на пути отступления деморализовал окончательно плохо дисциплинированную банду. Этим моментом воспользовался Суворов для общей атаки. «Сахаров с гренадерами бросился в штыки, а карабинеры на палашах с чрезвычайной стремительностью – и все сшиблись». Опрокинутые конфедераты обратились в бегство через пылавшее селенье. За ними устремилась русская кавалерия. Во главе казаков стал адъютант Суздальского полка Парфентьев. При преследовании он захватил у корчмы Козий Брод шесть конфедератов, в том числе одного хорунжего»².

Суворов в своем рапорте отметил рукопашную и атаку своей пехоты на польскую конницу, но действий казаков вообще не заметил – «кратко сказать, бросились на штыках, как и карабинеры, подлинно на палашах на всю Пулавских силу и все сшибли пулавских. Артиллерия ускакала наперед, драгуны отрезывали их хвост, **казаков не было**, что можно иначе делать»³.

Во время преследования поляки «потеряли несколько сот человек убитыми и 43 пленными, но орудия успели ускакать. Суворов гнался за конфедератами версты три; они были так потрясены, что только раз во время отступления решились дать отпор и стали выстраиваться, но скоро повернули опять назад и понеслись далее, хотя перед ними было всего человек десять»⁴. Во гла-

¹ <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000224/st005.shtml>

² Штабс-капитан Плестерер. Суворов. Поход в Польшу и бой при Орехове...

³ А.В.Суворов. Документы. С. 178

⁴ Штабс-капитан Плестерер. Суворов. Поход в Польшу и бой при Орехове...

ве этих десяти кавалеристов был сам Суворов. «Я гнался еще за ними с человеками десятью кавалеристов с полмили, встретил Пулавских на поле, где было они опять построились, при мне поворотили вправо, уповаю к Хелму, и ушли»¹, – рапортовал Суворов.

В своей автобиографии Суворов так описал те события: «деревня позади их зажжена гранатою; кратко сказать, мы их побили; они стремительно бежали, урон их был знатен; в числе пленных обретался Пинский драгунский полк с его офицерами, но очень малосильный...»².

О казаках в письме Суворова Набокову сказано мало, на поле боя их «не было», «казаки плохи, едва видел ли их одного»³. Естественно. Влезть в деревню, окруженную болотистыми лесами и прудом (сам Суворов назвал эту деревню – «своего рода цитадель»), для казаков было противоестественно.

Поляки потеряли 500 убитых и 130 пленных. Видимо, все пленные состояли из драгун упомянутого Суворовым Пинского полка. Их полковник Лерзак и подполковник Орешко «колебались в обороне» и даже были «задержаны» Казимиром Пулавским⁴. Драгуны, видно, сдались в плен организованно. Что касается остальных, то во время боя Суворов «не велел никому давать пардону»⁵. У него не было достаточно людей, чтобы охранять пленных.

И через две недели, 14 (25) сентября, Суворов сожалел, что у него было мало конницы и писал Веймарну: «До ныне все то происшествие еще воспоминаю, не спасся бы ни один человек, ежели б было со мною войска побольше. Они сами себя заперли»⁶.

¹ А.В.Суворов. Документы. С. 178.

² Суворов А. Наука побеждать... С.14-15

³ Богданов А.П. Наука побеждать. Генералиссимус Суворов. М. Вече. 2017. 352 с. С. 133.

⁴ Там же. С. 134.

⁵ Там же. С. 135.

⁶ А.В.Суворов. Документы. С. 184.

Через семь часов марша потерпевшие поражение поляки все же оторвались от войск Суворова. Во время переправы через Буг они узнали о приближении отряда Ренне и, стараясь избежать нового боя, пошли на север к Влодаве.

Пробравшись с уцелевшими людьми сквозь болотистые леса, Пулавский все же попал под Владавой под удар полковника Ренне.

Основную часть своего уцелевшего отряда Пулавский остановил на отдых в самой Влодаве, а авангард под командованием Франциска Ксаверия Пулавского пошел на запад к Ломазу. Неожиданное нападение русской кавалерии под командованием Карла Августа фон Рённе с севера привело к разгрому тех, кто оставался во Влодаве. Рённе отбил у поляков обоз и 3 пушки и порубил конфедератов не меньше, чем под Ореховым. Казимеж Пулавский и Юзеф Мощинский пытались организовать оборону Влодавы, но вскоре стали уходить вслед за авангардом к Ломазу и далее на Люблин. У Пулавского оставалось 200 конфедератов.

«Из под Владавы господин Рен пошел на Люблин, господин полковник Траунберх из Владимирза был уже около Хельма, куда разбитые Пулавцы побежали. Граф Кастели с двумя эскадронами карабинер и казаками до пятидесяти пошел за ними по пятам, так ежели сии господа голову имеют, то пулавцам нигде прорватца неможно», – рапортовал Суворов¹.

Беглецы из Влодавы, из главных сил отряда Пулавского, догнали свой авангард и сообщили Франтишеку Пулавскому, что его брат, Казимеж Пулавский, попал к русским в плен. Франтишек Пулавский повернул вверенных ему людей и пошел выручать брата. 4(15) сентября, рано утром, Франтишек и Казимеж Пулавские после неоднократного изменения направления ночного марша встретились и объединили свои силы. Сразу же на полях между Ломазами, Студзянкой и Лубенкой произошел новый бой. Во время него конфедераты были атакованы с тыла отрядом русских карабинеров под командованием Кастелли. В этом бою,

¹ Там же. С. 176.

по польской версии, Франтишек Пулавский напал на Кастелли, но тот успел выстрелить по нему из пистолета.

За два дня боев, 1-2 (12-13) сентября, потери у Ренне и Суворова составили 5 убитых (4 карабинера и 1 казак), 16 раненых (все карабинеры), 25 лошадей убито, 37 ранено¹.

Согласно рапорту А.В.Суворова: «Во время сражения при деревне Ореховой

убито:

Каргопольского карабинерного карабинер – 2, Суздальского пехотного егарской команды – 2, Малороссийской казак – 1, Суздальского артиллерийских лошадей – 2, Каргопольского строевых лошадей – 6, драгунская лошадь – 1;

ранено:

Каргопольского карабинер – 5, Суздальского егарской команды – 4, канонир – 1, который и показан в числе больных, Суздальского порутчик Дитмарн².

Таким образом, становится ясно, что казаки, столь хулимые Суворовым, – малороссийские из отряда Кастелли. Других казаков в его отряде к этому моменту не было. «От г. Рена вятской эскадрон более ста коней и до 50 казаков соединился со мною рано, на другой день после сражения»³.

Бой под Ореховым – второе крупнейшее поражение конфедератов в 1769 году.

Суворов после боя остался вылавливать рассеявшихся конфедератов. В рапорте генералу Веймарну он писал, что «около здешнева места рассеянных пулавцов довольно», и «по той причине казакам моим довольно расход». Суворов просил прислать ему казаков лучшего в армии Чугуевского полка. «Велика бы была от вашего высокопревосходительства мне милость, ежели б шквадрона два карабинер для всякой всячины прислать из-

¹ «Журнал военных действий армии Ея Императорского Величества 1769 года...».

² А.В. Суворов. Документы. С. 178.

³ Там же. С. 177.

волили, да только человек пятьдесят чугуевцов, с коими господ мятежников всегда атаковать мог бы, ибо не только на иных, но и на донцов я никакой надежды, кроме грабежа, не кладу, а граф Вахтмейстер от меня далековат; пехоты у меня и этой довольно»¹.

Затем он вернулся в Брест со своим отрядом и «с прибывшими от графа Вахтмейстера казаками»². Прибывшие казаки в рапорте Суворова от 6 сентября названы «донскими». Числом их 40 «в том числе один есаул... Сверх вышеписанного числа состоит при донских казаках Нарвского карабинерного полку карнет 1»³.

Интересен перечень убитых и плененных повстанческих командиров, маршалков.

«Еще не знаю подлинно, где теперь Каетан Сапега, – сожалеет Суворов. – ...Господин Беляк и Корицкий перешли в Ломаз и протчие их квартиры». То есть, проправительственные уланские полки все равно отслеживаются, как потенциальный противник. А вот противник определившийся: «Под Ореховым на атаке чрез большой мост ранены так называемой Прибора, которой в полу у господина Рена, полковник партии Борейшиной, Лопатинской, их кригс-комиссар, что землю грабил. У Радзивила полковника лошадь убита и сказывают – сам. Только думаю, что неправда, как и то, что старшей Пулавской убит, а вернее, что Борейша погиб в лесах, во время шармицеля. Против третьего мосту были почти все их маршалки: Прилуцкий – черниговский, Заранек, не знаю какой; Парис – сандомирской, Миончинский – сирадский и Пулавский, Ланчинский, двое было в линии; Орешка был с Каетаном Сапегой; Лерзак с подполковником пинским Орешкою колебались во обороне и на то старший Пулавский велел их задержать. Сказывают, что они спаслись под Владавой»⁴. Как видим, здесь не упоминаются Малчевский и Заремба, о которых говорилось в предыдущем документе. Видимо, ситуация прояс-

¹ Там же. С. 176.

² Там же. С. 176.

³ Там же. С. 178.

⁴ Там же. С. 177.

нилась. Естественно, Малчевский и Заремба были далеко от этого места. О последнем мы еще поговорим попозже.

После такого славного дела, согласно рапорта Суворова от 7 (18) сентября 1769 года, «ныне в Литве, слава Богу, кажется тихо», и позже, 12 (23) сентября, он рапортовал, что «вся провинция чиста». Но в том же документе рассказывается, что отправленной к Суворову курьером солдат Суздальского полка Сафон Демин в 4 милях от Слонима «был нападён от Буховича, Седлица, Волховиского да шляхтича Хлевимского, которые его били, совсем разграбили, вешали троекратно и пр., однако, что он спасся и теперь есть в Слониме»¹.

6 (17) сентября русские войска, преследуя бегущих конфедератов, которые уже традиционно помчались к венгерской границе, вступили в Люблин. 9 (20) сентября Веймарн приказал Суворову двигаться туда же. Суворов радостно откликнулся: «мне здесь делать нечего. Боже, даруй счастье вперед! А здешняя провинция вовсе очищена»². Он вернул в Гродно дополнительно присланных ему 30 донцов и эскадрон Нарвского полка. Предыдущая команда в 40 казаков осталась с Суворовым. Видимо, они ему понравились, поскольку в рапорте о выступлении он писал: «с казаками столько у меня войска, что я лутчую мятежничью армию атаковать и с помощью божией разбить в состоянии»³.

Вообще в это время Суворов отдавал предпочтение егерям, «кои также легки как драгуны и лутче казаков»⁴.

17 (28) сентября Суворов прибыл в Люблин. «...Потом с отрядом прибыл я в Люблин, где по важности поста, учинил мой капитал», – вспоминал Суворов⁵.

Пока Суворов и Рённе гонялись за Пулавским на границах Литвы и Польши, другой отряд конфедератов под командова-

¹ Там же.. С. 181-182.

² Там же. С. 184.

³ Там же С. 184.

⁴ Там же С. 185.

⁵ Суворов А. Наука побеждать... С.15.

нием полковника Антония Моравского напал на русские войска Волконского в деревне Радомин, лежащей к востоку от Торуня. 3 (14) сентября поляки атаковали русских, стоявших в деревне. Перестрелка длилась несколько часов. По польским данным, русские потеряли 350 человек. Что касается польских потерь, то смутно говорится, что русские убили несколько человек (*moskale wymordowali szereg osób*), и местный приходской священник был убит российским пушечным ядром на пороге церкви. Ну и, естественно, русские ограбили двор и пресвитерию, сгорел ряд зданий, в том числе и приходские архивы. Все это – в отместку за уведомление местными жителями конфедератов, дислоцированных в соседнем селении Голуб-Добжинь.

В тот же день, 3(14) сентября, пруссаки совершили налет на польские границы. Прусские гусары под командованием Штернберга приехали из Прабута в селение Тарпно для вербовки добровольцев в прусскую армию. В результате такой «вербовки» 20 человек были убиты или серьезно ранены, а местный храм осквернен. Несмотря на создание польско-прусской комиссии, виновные не понесли ответственности, а событие осталось в исторической памяти как «бойня в Вельком Тарпне» (*Masakra w Wielkim Tarpnie*).

Малчевский, не сумевший организовать поход на Варшаву с севера, уехал еще дальше и формировал силы конфедератов в Хелмно 19 (30) сентября и в Мальборке (в тот же день).

Все эти события имели второстепенное значение. В результате ухода турок из Хотина 11 (22) сентября 1769 года и резкой активизации конфедератов в районе Кракова главный узел борьбы, «ключ позиции» переместился в Люблин.

Люблинское воеводство, расположенное между Брестом, Львовом, Краковом и Варшавой, отрезало литовских повстанцев от польских. И вступление туда Суворова было связано с тем, что 2 (13) сентября конфедераты Красинского заняли Краков. В начале сентября в Глинянах произошло общее собрание всех конфедератов. Непосредственно в Кракове главнокомандующим

стал маршал Дзиржановский. Большого войска конфедераты собрать не могли. «Едва кто-нибудь из них собирал небольшой отряд кавалерии, даже без пехоты, то тотчас отделялся от других и пускался на поиски, в надежде нанести противнику блестящий удар»¹.

В Кракове конфедераты насчитывали 5 тысяч, да при маршале Бержинском в предместьях – 3500. Фактически это были 2 враждебных лагеря. Причем Любомирский с пехотой и Пулавский не спешили соединиться с краковским гарнизоном.

Русские готовили войска для наступления. Суворов, предполагая возможность растянуть войска, готов был заменить казаков егерями: «но буде занимать Хелм, то надобно еще мушкетерская рота, маловато будет драгун, особливо казаков, то по нужде заменят егери»². Если же предполагалась маневренная война, нужны были дополнительные силы казаков. «Но как предбудущего точно угадать не можно и для рассуждений летучего неприятеля мне нечаянно надлежать будет нападательно поступать... казаков маловато, особливо для погони, то не более как бы 50 чугуевцов, а уже по нужде хотя 50 донских». С такими силами он готов был встретить 4 или 5 тысяч мятежников «и с гарматами»³ их⁴.

Пока готовились войска, казаки вели насыщенную приключениями жизнь. Именно они, согласно рапортам постоянно соприкасались с мятежниками и конвоировали курьеров.

Казачья команда, посланная в Дерезин для препровождения раненых, там их не застала, но, возвращаясь назад, «была нападена ночью на дворе изменническим образом, хотя хозяин дворянин, кажетца, что тому не виноват, ибо их унимал, тотчас застрелили одного казака, однако другой брата того гайдамака-шляхтича сколол, а его самого полонили и сюда привели, который по наказании здесь при мещанине жиде и шляхтиче казачьими

¹ Петров А. Указ. соч. Т.1. С. 270.

² А.В. Суворов. Документы. С. 185.

³ Гармата – пушка.

⁴ А.В. Суворов. Документы. С. 186.

кнутьями отдан в команду г. Ренна для дальнего препровождения»¹. То есть, казаки нападавшего «гайдамака-шляхтича» поймали, а его брата убили. Причем за своего убитого казаки отомстили убийце сами – наказали «казачьими кнутьями», не обращаясь к русской военной власти, что нарушало воинский устав. Но Суворов лишь констатировал этот факт. К рапорту Суворова в сборнике документов прилагался комментарий: «Слово «жид» в XVIII веке не имело того оскорбительно-шовинистического значения, которое оно приобрело позже...»².

Еще три казака подверглись нападению под Селцем, «из таких застрелили одного и связали было двух, как на них гораздо сильнее напали из лесу и отбили у них лошадей, но те казаки, справясь пешие, отбили опять у них лошадей, да еще двух лишних, однако как то было ночью, то один казак по ныне еще без ведома пропадает»³.

Еще отряд в 15 казаков под командой поручика Кушника гонялся за партией конфедератов, оказавшейся в 6 милях от Люблина, «и напал на нее в корчмах за Вислою в местечке Зволине. Было днем, стали стрелять из окошек, ранили одного казака смертельно, которой и умер, протчие крылья попустили. Они ушли, а только казаки у них отбили три лошади, обыватели их весьма таили и выпустили задними выходами»⁴. То есть, драться днем, когда по тебе стреляют из окон, казаки не стали, уклонились, но лошадей у конфедератов отбили.

25 сентября (6 октября) 2-я русская армия потянулась за реку Синюху в Польшу. Подкрепить с тыла 1-ю, подчистить ее тылы. Да и зима приближалась. Главная квартира расположилась в Покатилово. По мокрой осенней погоде войска начали становиться на квартиры. Походя русские части стали выдавливать шайки конфедератов из мест своего расположения.

¹ Там же. С. 188.

² Там же. С. 189.

³ Там же. С. 188-189.

⁴ Там же.. С. 189.

По докладу Ширкова из Станиславова, поручик Куроедов в походе на Перемышль столкнулся с 250 всадниками Менцицкого, 60 убил, 20 взял в плен, захватил 2 орудия. Русские потеряли убитыми 3 карабинеров и 1 казака. После этой стычки пришел приказ занять войсками Премышль, Львов, Броды, Луцк и Олык. После взятия русскими этих городов, конфедераты оказались практически отрезанными от территории современной Правобережной Украины.

В Малой Польше ситуация для них складывалась не менее тяжелая. Как только появился слух о приближении легких войск Древица, Дзержановский и Бержинский ушли из Кракова. 29 октября (9 ноября) поляки оставили город. 31 октября (11 ноября) Древиц занял его.

Конфедераты собрались в Ченстохове. Древиц атаковал эту легендарную крепость и был отбит с уроном. Тогда он обратился на другую часть конфедератов, которая не смогла пробраться в Ченстохову и остановилась у Затора. Они бежали от Древица, «после месячного странствия по лесам» 29 ноября (10 декабря) вышли к деревне Рояна в 3 милях от Пиотркова и уже здесь были рассеяны. Как видим, Древицу сопутствует удача.

Под Люблином в начале ноября отряд Суворова гонялся за конфедератами ротмистров Мошинского и Гадзевича, у коих было около 100 коней. Пленных было мало – два товарища и четыре шеренговых. И потеряли одного. «Из команды поручика Кушника отлучался пред тем казак один, которой ранен и взят в полон партией Мошинского на мародировании, за что я жестоко наказываю»¹. Казак отлучился, чтоб пограбить, и попался.

Затем Суворов переключился на партии графа Тарнавского под командованием Высоцкого, Буковского, Кохановского и Микловского (более 500 человек и 2 пушки), которые напали на отряд ротмистра Миллера из отряда полковника Ренна, и выступил на Завихвост.

¹ Там же. С. 195.

В конце ноября боевые действия утихли. «Партии мои мятежников нигде не встречали и подлинного о них ничего не слышали, а гонятца за ними от меня приказано не было», – доносил Суворов. Войска становились на зимние квартиры, кормились за счет населения. Ордером за № 1824 от 14 (25) ноября Веймарн разрешал Суворову брать бесплатно провиант и фураж с конфедератских деревень. «Скот и хлеб продан будет... те деньги буду употреблять на заплату провианта и фуража здешней части моего деташемента, – сообщал Суворов, но при этом жаловался. – Все-го не много по притчине, что прежде разными иными командами выбираемо было... – хлеба молоченого было всюду мало – скот тощ, стар или нынешнего лета»¹.

К зиме движение конфедератов стало стихать по всей Речи Посполитой. Потоцкий, на которого они надеялись, оставался с турецкой армией, при нем находился турецкий конвой, но не было сухарей. Турецкая армия после поражения под Хотинском ушла за Дунай, всего 20 тысяч турок оставались в Исакче. Конфедератов у Потоцкого осталось 300, они сидели в монастыре в 1 миле от Исакчи.

Можно сказать, что в это время на смену туркам пришли французы. Это компенсировало отсутствие турецкой помощи. Кроме того, под влиянием французов руководство конфедератов все же создало единый орган управления – «Генеральство» – в Бяле, около венгерской границы. Все лагеря повстанцев, располагавшиеся к востоку и юго-востоку от Кракова, регулярно громилась русскими войсками, а налеты из этих лагерей в район Львова отбивались. Теперь центр конфедератов расположился к западу от Кракова, подальше от русских войск, выведенных на зимние квартиры с турецкого театра военных действий. И русские подтвердили реальность опасений польского командования.

Предпоследняя зафиксированная русскими крупная стычка произошла 26 октября (6 ноября). Майор Куроедов из отряда

¹ Там же. С. 197.

полковника Ширкова из Станиславова налетел на Пршемысль, где находились конфедераты маршалка и старосты Леницкого (Мницкого), каштеляна Менщицкого. Итогом стали 60 убитых конфедератов, 20 пленных, среди них 1 майор. Русские потеряли 4 убитых.

Пресекая распространение конфедератов в Галиции, Румянцев с войсками своей армии, воюющей против турок, занял Львов и Перемышль, Луцк, Броды и Олыку.

В октябре конфедераты были рассеяны в Литве, часть коронных войск во главе с Чарторыйским вступила туда вместе с русскими.

Французское правительство, заметно оживившееся после того, как стало известно, что турки уже не смогут повлиять на ситуацию в Польше, готовилось оказывать конфедератам самую существенную помощь. Министр иностранных дел Франции Этьен Франсуа де Шуазель, сделавший карьеру при мадам де Помпадур, проанализировал обстановку и констатировал – медленность в Познани, рассеяние в Литве, беспорядки и распри в Великой Польше и странствующее положение барских конфедератов «представляют неутешительную картину»¹. Фридрих Великий обращался к конфедератам с увещанием: «Грустно для интересов королевства и республики Польской видеть, что такая большая часть граждан так мало понимает их интересы и интересы своего отечества»².

Представители короля Станислава вели переговоры с Екатериной, требуя вывода русских войск с польской территории, но ясно было, что Екатерина ответит отказом.

20 (31) октября конфедераты издали очередной манифест, призывающий народ на защиту отечества. Генеральным маршалом конфедерации в этот раз был избран Красинский.

Мелкие стычки все это время не утихали. В декабре отряд Суворова опять был потревожен и пытался зажать конфедера-

¹ Петров А. Указ. соч. Т.2. С. 223.

² Там же.

тов в замке Уезд, но неудачно. 12 (23) декабря Суворов просил Веймарна: «В награждение наших трудов нижайше прошу вашего высокопревосходительства сделать высокую милость и приказать к нам прислать еще сотню казаков, ибо клянусь Богом, что нам весьма трудно содержать переправы от Пулавы до Кракова, за речкою Саном, которая ныне замерзла, сторону Ярославля к Львову: истинно разъездов почти иметь не можно»¹. 25 декабря (5 января) Суворов снова просил прислать ему еще 100 казаков, так как «за недостатком легкой конницы, конца Мощинскому ни Гадзевичу учинить было не можно»².

Ну и 30 декабря (10 января) майор Елчанинов при Грабе около венгерской границы разбил еще одну партию Пулавского. Поляки потеряли 100 убитых и 3 орудия. Русские захватили 100 лошадей, 8 пленных, среди них ротмистра Хривинского. Убитым они потеряли 1 казака, ранеными капитана и 4 казаков.

Всего в 1769 году в Польше несли службу донские казаки полков майора Янова, Михаила Поздеева, Бориса Луковкина и Ивана Сулина. Последний участвовал в боях под Краковом и Ченстоховой в отряде Древица. Кроме того в Польше с 22 июня 1769 находилась команда есаула Наполова. Но отряды казаков, непосредственно дерущиеся с конфедератами, остаются для нас анонимными. Гораздо чаще в документах встречаются имена вожакон конфедератов, а не казачьих командиров. Да и командуют казаками поручики русских полков. Это понятно. У казаков, наряду с назначениями, часть командного состава оставалась выборной. Выбранный на полковом кругу сотник волей-неволей отвечал за целостность выбравшей его сотни перед всеми родственниками казаков, а в сотне, за редким исключением, служили казаки одной станицы, и меж собой они были друзьями и родственниками. А русский офицер (да еще и с немецкой фамилией) в первую очередь думал о выполнении приказа, а потом уже о сохранности личного состава.

¹ Петров А. Указ. соч. Т.2. С. 200.

² Там же. С. 201.

Кампания 1770 года

Кампания 1770 года отличалась тем, что резко увеличился уровень вмешательства соседних с Польшей и достаточно отдаленных от нее государств в польские дела. Турки, втянутые в войну с Россией и сами желающие втянуть в нее своих неверных союзников, 24 марта 1770 года предложили Австрии разделить Польшу¹. Это была своего рода первая ласточка. Русские и пруссаки заговорили о возможности раздела Польши в конце 1770 года. Еще до этих разговоров пруссаки ввели в Польшу свои войска под предлогом содержания карантина от Познани до Великой Польши, потом от западного берега Вислы до Нетцы и Варты.

Конфедераты в большинстве своем провели зиму в венгерских горах. Весной они должны были активизироваться, и русским надо было прикрыть от них магазины и тыл 1-й армии. С этой целью Румянцев оставил у себя в тылу отряд генерала Эссена.

В распоряжении Эссена в Польше находились 4 кавалерийских полка (Рижский, Вятский, Пермский, Ингерманландский) – 3568 сабель, 3 пехотных полка (Троицкий, Невский, Сибирский) – до 1500 штыков, 20 рот из Киева – 2000 штыков, 230 донских казаков, 500 чугуевских и 2000 малороссийских казаков. Всего около 10 тысяч и 33 орудия². Войска были небольшими партиями распределены в Пржемысль, Самбор, Станиславов, Слатина, Львов, Броды, Олык, Меджибож, Бердичев, Полонное, Белую церковь, Браилов, Гусятин, Залещики.

В Станиславове командовал русскими войсками полковник Ширков, Львов и Броды удерживал бригадир Кречетников. Главным для них было – охранять тыл армии и магазины от Киева до Венгрии.

¹ Там же. С. 186.

² Там же. С. 220.

Войска во Львове поддерживали связь с Люблином, где стоял отряд Суворова, который принадлежал не входящему в состав 1-й армии корпусу Веймарна.

Начиная наступление против турок, Румянцев решил оставить в Польше часть казаков 1-й армии.

Это были следующие силы:

у полковника Ширкова в Перемышле стояли «навербованные из польских жителей казаки»; фактически это был один полк, «навербованный из польских жителей в казацкие полки»¹;

отряд бригадира Кречетникова во Львове имел 300 малороссийских казаков, в Бродах стояли 200 малороссийских казаков, в Олыках расположилась команда донских казаков – 150 сабель².

Как видим, перед решающей схваткой с турками Румянцев забрал с собой почти всех донских казаков, в Польше оставил малороссийских и местных вербованных.

Румянцев от оставляемых в Польше войск требовал дисциплины и совместных действий с верными королю поляками. И во исполнение его воли русская команда в Бердичеве поддерживала связь с полком коронных войск в Кодне.

Название этого места – «Кодня» – стало нарицательным. Именно там польские королевские войска и королевские власти карали гайдамаков. И новый 1770-й год был отмечен новыми казнями.

8 человек из Шарнополя Конельского

1. Яким Зарудный – сотник, обвинен в убийстве 22 человек.
2. Кирило Романюк.
3. Панас Тетерив зять.
4. Хведир Дворок.
5. Иван Гуцал (Гучала) – асаул.
6. Грицко Швец.
7. Роман Ткач Лысый.

¹ Петров А. Указ. соч. Т.2. Приложения.

² Там же.

За участие в гайдамаччине 7 человек 19.01.1770 г. покараны на горло, только сына Ткача Никиту, который не виновен, отпустили.

Реестр 23 гайдамаков от 27.01.1770 г., казненных на горло

1. Василий Постоленко из Бухачевки.
2. Яцко Ряботенко из Бухач (Богач), был проводником у отамана Носа, забирал котлы в Казацкой Долине.
3. Хведир Еднокош из Богачевки на Звенигородщине.
4. Матвей Кривой из Слободы Залевского на Лысянщине, умер в яме (сам умер).
5. Савка Малый из Богачев.
6. Хведир Доброволенко.
7. Дацко Марченко из Козацкой.
8. Хведир Семера, делал порох для гайдамаков.
9. Степан Пидлисенко был в Лысянке.
10. 11. Корней Швец и Трохим, сыновья пасечника из Лысянки.
12. Карп Настиченко из Юрковки на Звенигородщине.
13. Иван Крыжаненко из Козацкой Долины.
14. Йосип Дзедзеренко из Зализняков, грабил на дороге незнакомцев.
15. Грицко Абраменко из Зализняков и Степан Полищученко из Гули в Лысянке.
16. Лукьян Шапошник из Богуслава, был в Умани во время резни.
17. Кондрат Микитенко, осавул Богуславский.
18. Яцко Карпенков зять из Городища на Смелянщине.
19. Каленик Винник Вдовиченко из Клювак Мошенских.
20. Кирило Вовк из Медведовки Чигиринской.
21. Мартин Веднигора из Млиева на Смелянщине.
22. Василий Ворченко (Марченко) играл на бандуре.
23. Иван Щербина из Рыневец (Проскуров)¹.

¹ [beket.com.ua/baza_znaniy/reestry ... machchine/](http://beket.com.ua/baza_znaniy/reestry...machchine/)

Интересный термин – «покараны на горло». «Карать горлом» – так называли тогда смертный приговор. Очевидно, в связи с тем, что наиболее популярным видом казни было обезглавливание. Кроме этого, часто применялись такие ужасные виды умерщвления, как четвертование, колесование, сожжение заживо, подвешивание за ребро, посадка на кол. Это по суду. На практике же «пан» и по собственному произволу мог подвергнуть своего холопа самой изощренной казни»¹.

Несколько человек, как мы видим, подобрали (и казнили) за прошлогодние деяния в Лысянке, а одного – уму непостижимо – за то, что играл на бандуре.

Что касается военных действий, то, как считали военные специалисты, «военные действия в Польше в эту кампанию не представляют ничего важного в смысле науки»². Конфедераты пытались с территории Венгрии вступить в Галицию и собственно Польшу, а русские их выбивали обратно в Венгрию или уничтожали на месте. Естественно, русское командование старалось уничтожить базы конфедератов в предгорьях.

Одна такая операция была проведена против деревни Граб, в окрестностях которой находился лагерь барских конфедератов, и откуда Казимеж Пулавский совершал свои налеты на Пильзно и Львов. Деревня Граб была связующим звеном между отрядами Пулавского и Завадского, чьи укрепленные лагеря находились в этом районе. 2 (13) января 1770 года в бою конфедераты потерпели поражение, Пулавский был ранен, а его лагерь практически разрушен русскими войсками. Остатки лагерного имущества из Граба были перенесены в окрестности селений Конечны и Избы.

Жестокое сражение разгорелось 12 (23) января при Добре. Отряд войск конфедерации под командованием люблинского

¹ История TUT. Смертная казнь в Гомеле: «покаранье горлом», смертельный забег и виселица с шоколадом//<http://news.21.by/society/2014/12/11/1033073.html>

² Петров А. Указ. соч. Т.2. С. 222.

маршалка Адама Тадеуша Шанявского – 6000 человек при 18 орудиях – пытался прорваться в Великую Польшу. Дорогу ему преградил «деташемент» русской армии полковника Ивана Древица силой до 3000 человек. В «деташемент» входил отряд полковника Карла Густава фон Рённе. Русские укрепились в пригороде. Поляки, понадеясь на свое численное превосходство, серьезной разведки не провели и смело атаковали сильно защищенное правое крыло русского отряда. Русские в то же время атаковали правое крыло отряда конфедератов и рассеяли его. Попытки конфедератов перестроиться и укрепить свое правое крыло в конечном итоге привели к тому, что русские обошли их левое крыло, что привело к полному поражению сил конфедератов. Только убитыми они потеряли 1500 человек. Сам Шанявский был тяжело ранен, и многие конфедератские командиры попали в плен. Все их пушки достались в трофей русским. В общем, два немца словно в шахматы играли, простейшим маневром разгромили польский отряд. В итоге часть конфедератских отрядов пришлось расформировать, а часть конфедератов бежала в Цешинскую Силезию.

Полковник Иван Древиц особенно отличился в бою под Доброй, за что 3 февраля 1770 года был награжден орденом св. Георгия III-й степени № 3 по кавалерским спискам: «За разбитие 12-го января 1770 года с полковником Ренне в Польше при местечке Добре весьма многолюдной неприятельской партии и отбитие 15-ти пушек»

Вообще конфедератам этим январем не везло. 18 (29) января 1770 года под Ксинией произошел бой между войсками конфедератов под командованием Антония Моравского, Владислава Мазовецкого, Павла Скоржевского и Михала Владислава Лниского в составе около 2500 человек и русским отрядом генерала Петра Черторыйского (поляка).

Русские разбили конфедератов, положив на месте около 150 человек. После этого боя резко снизилась активность конфедератов в Поморье (Померании).

Той же зимой, 15 (26) января 1770 года, отряд капитана Набокова из войск А.В. Суворова ходил в поиск за Вислу и разбил отряд конфедератов в 150 сабель в местечке Козеницы. Во время поиска поручик Шипулин с казаками захватил «великий мятежничьей обоз», 19 (30) января столкнулись отряд конфедератов Неведомского в 100 всадников и «порутчики Воронежского драгунского эскадрона Китаев и Суздальского пехотного полку Шипулин, имевшей при себе конницы и пехоты восемьдесят человек» при 1 чугунной пушке. «Офицеры, построив пехоту егарей и конницу поставив на крыльях, выстреля из пушки картечами, пошли на штыках и по довольном супротивлении грудь на грудь Неведомского партию сломили и при том случае его самого, во фронте на лошади сидящего, и около его несколько шляхтичей и других возмутителей штыком закололи. Мятежники начали ретироватца, наша конница и егари их крылья сжимали; побежали они в такой густой лес, что и пехотою пройти трудно. Гранодеры за ими шли на штыках, мушктеры закрылись в резерве с пушкою, казаки и драгуны поступали с совершенною отличною неустрашимостию и отдохнуть им не дали; офицеры с своею командою, преследуя, гнали их более мили и били наповал, раздробляя сию партию в мелкие части, доколе оных никого видеть не стало»¹. Как видим, пехота штыками атакует конницу, а казаки действуют с «отличной неустрашимостью».

К местному населению русские старались относиться помягче, особенно предупредительно относились к королевским войскам и их офицерам. Офицеры и солдаты компутовых хоругвей, ушедшие из конфедераций, отдавались на поруки местным чиновникам, им оставлялись лошади, но отбирались оружие и амуниция.

Познанский епископ Анджей Станислав Млодзейовский под влиянием русского посла в Польше издал пастырские письма 22 января (2 февраля) и 6 (17) февраля 1770 года по случаю юбилея папы Римского, в которых объявил предателями религии и от-

¹ А.В.Суворов. Документы. С. 210.

чизны всех тех, кто осмелился бы сомневаться в добрых и святых намерениях короля и разделить мнение Барских конфедератов.

Но беспокойно было в самой Варшаве. Игнаций Малчевский, обладая 6000 воинов и большим доверием большинства маршалков провинции Великая Польша, решил осуществить план захвата Варшавы. Он подошел к столице с гостынскими, куявскими, сохачевскими и частью познанско-калишских конфедератов общей численностью около 4000 человек и с 13 пушками. Около Блоне, 31 января (11 февраля) 1770 года, он разбил отряд русских в 200 человек, но на следующий день потерпел поражение под Завадами.

И все же конфедератов трудно было «угомонить». 18 февраля (1 марта) Суворов рапортует, что они перехватывают курьеров, и опять гибнут казаки конвойных команд. У повстанцев был «отбит от господина полковника Ширкова курьер г. подполковнику Ренну до местечка Радома, Троицкого п[ехотного] п[олку] обозной Щученков и четыре казака. Они были взяты в полон тою конфедератскою партией: три в деревне Меревичи, а два казака изрублены, да... взятых в Сохачеве... Чугуевских два казака»¹. Да «в команде подпрапорщика Татарина из конвоя его из Варшавы без ведома казаков четыре человека отлучились, которые ныне по верным известиям, якобы мятежниками убиты»².

20 февраля (3 марта) под Опатовом солдаты из войск Суворова (100 человек с единорогом) разбили отряд полковника Мошинского из 800 конфедератов с пушкой. Поляки потеряли около ста человек, русские отделались двумя ранеными (один из них – казак). И снова Суворов жаловался: «Особливо за недостатком опять конницы ни пушки, ни пленных взять, ни далее гнать и за наступлением ночи было невозможно»³. Эту мысль он повторял постоянно – «по состоянию моих постов и по положению зем-

¹ А.В.Суворов. Документы. С. 219.

² Там же. С. 220.

³ Там же.

ли казаков было у меня весьма мало, хотя господа Древич и Рен имели их со излишеством»¹.

Недовольство Суворова отчасти компенсировалось тем, что он, наконец, получил патент на чин генерал-майора. Произведен он был 1 (12) января 1770 г., а подписывается впервые этим чином стал 19 (30) марта. Но и будучи генералом, Суворов оставался недоволен Древицем. Много позже он писал, что председатель Военной Коллегии откомандировал его из-под Смоленска, от генерала Нумерса, с тем, конечно, чтоб Суворов не сидел здесь сложа руки. Он писал, что после боев в Литве (под Ореховом) он доказал, что с немногочисленным отрядом может разбивать столько же бунтовщиков, сколько заманил их в Великую Польшу вышеупомянутый Древиц. «Говорю откровенно: если б Ваше Высокопревосходительство не обещали мне тогда назначить меня в Великую Польшу, где было жарко, я уже тогда выпросился бы в Главную армию. Но мысленно полный надежд, я бездельничая целый год, как какой-нибудь чугуевский ротмистр. Ваше Высокопревосходительство в своем милостивом представлении изволите говорить, что, по моему мнению, у меня нет случая для отличия. Это правда, так как я лишь гарнизонный командир. Но, по крайней мере, я достаточно здоров, чтобы доказать свое усердие к полевой службе соответственно своему чину, – а известный Древиц в это время командует в поле в ранге генерала! Кто может этому поверить после того, что он командовал только летучим отрядом?»². Убийственным доказательством суворовского преимущества была фраза: «Mr. Drewiz prahlet bey die Preu en gedient zu haben ich prahle aber daß ich sie allemahl geschlagen habe («Месье Древиц хвастает, что служил у пруссаков, а я хвастаю, что всегда колотил их»)³.

Что касается Древица и Рённе, то они не менее Суворова гонялись за конфедератами. В марте 1770 года русские войска под

¹ Там же. С. 225.

² <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000224/st006.shtml>

³ <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000224/st006.shtml>

командованием Карла Рённе захватили Познань, ранее удерживаемую конфедератами. Еще раньше казачий авангард во главе с бароном Шлиппенбахом разбил отряд конфедератов в бою под Тарнувов-Подгурным.

Потеря города Познань считалась конфедератами великим поражением. Рённе же, заняв город, укрепил оборонительные сооружения, наложил на мещан контрибуцию и призвал некоторых из них на земляные работы по защите города. Познань стала отправной точкой для боев с конфедеративными войсками, действующими в Великой Польше. Рённе, судя по всему, прекрасно разбирался в военном деле – он предоставил конфедератам мечтать о возврате города, штурмовать его укрепления и нести соответствующие потери.

Второй удар в это время был нанесен конфедератам в Прикарпатье. Здесь центром столкновения стал город Едличе, расположенный на исторической земле Малой Польши. До рассматриваемых нами событий селение Едличе имело статус деревни и было собственностью семьи Карницких, но благодаря Карницким это селение в 1768 году получило права города. Станислав Август Понятовский подтвердил предоставление этих прав, в том числе право организовывать пять ярмарок в год. В апреле 1769 года на Земле Кросно близ Едличе состоялся съезд дворян, образующих конфедерацию. Шляхта выбрала маршалком конфедерации Адама Париса (около 1740-1817). Официальные выборы маршалка Сандомирской конфедерации состоялись в Пильзно. Казалось Малая Польша подхватит покачнувшееся в Великой Польше знамя конфедератов, но 25 марта (5 апреля) 1770 года произошел бой при Едличе между конфедератами под командованием Мошиньского и русскими войсками Елчанинова.

После боя конфедераты из Едличе и Нового Жмигруда отступили за Вислоку и через Ясло стали уходить на запад по берегу речки Ропы. У деревни Сепетнице они пытались сопротивляться, но оценив численное превосходство русского отряда (2000 солдат) и потеряв несколько десятков конфедератов убитыми, отступили к Бечу.

В погоне за конфедератами русский отряд разграбил Беч, который часто называют жемчужиной Подкарпатя или маленьким Краковом, особенно досталось францисканской церкви и монастырю, где было убито несколько монахов.

Однако, конфедераты ускользнули от погони, потому чтоazole перевала Дукла они ушли на холм на словацкой стороне, называемый сегодня Сзанице, где они расположили свой укрепленный лагерь. Их командующие находились в Прешове, в Словакии. В целом пограничный пояс Низких Бескид стал удобной зоной для действий конфедератов.

В марте же, в контексте этой операции, Суворов получил приказ выйти к Висле и занять Сандомир и Опатов. Необходимость этого маневра он прекрасно понимал. «Без занятия же сих двух мест по нынешним и должным быть впредь обстоятельствам, доношу, что вся сия земля ненадежна, сам по себе Сендоми́р открывает горы, где мятежничьи норы суть. Занятие же Сендоми́ра ныне нужно...»¹.

Для выполнения приказа он просил дополнительно артиллерию (хотя бы две захваченные у конфедератов пушки) и казаков. Сандомир и Опатов обещал занять, «когда обещанные мне от вашего высокопревосходительства сто казаков к команде моей прибудут»². И выступая 22 марта (2 апреля) на Сандомир, Суворов просил поскорее прислать еще роту пехоты «да сто казаков; понеже без того Сендоми́ра долго держать не можно»³.

Сандомир был занят карабинерами Каргопольского полка 25 марта (5 апреля). Казаков еще не прислали. Суворов опять их просил: «ибо хотя бы разбить [противника] и случилось, но искоренить и перехватать способу без них нет»⁴.

Конфедераты с Суворовым связываться не решились. В окрестности восьми миль от Сендоми́ра «возмутителей» не ока-

¹ А.В.Суворов. Документы. С. 224.

² Там же.

³ Там же. С. 228.

⁴ Там же. С. 229.

залось, хотя всего 24-го марта (4 апреля) от маршалка Пулавского в близлежащее местечко Опатово были присланы три конфедерата со строгим повелением приготовить к 29-му числу на команду его тысячу хлебов, четыре бочки сельдей, пива и вина. Но как только Пулавский прослышал, что русские войска появились в Сендомире, то со всей своей командой потянулся к Краковской стороне. Кроме Пулавского у Сандомира «засветился» генерал Чапской, который, будучи больным, оставался в Опатове пять дней, и за это время был от команды отрешен. Где он мог находиться, и куда пошла его оставшаяся без командира команда в 800 коней при трех чугунных пушках, четких сведений не было. Однако Суворов предполагал, что отряд Чапского «шатается» к Кракову, к Пинчову, Вислице. А что касается Пулавского, то он, по мысли Суворова, стоял в Горлицах, «где их заводитца обоз», а в сторону Кракова и обратно одновременно бродят разные партии под именем команд или дивизий Пулавского.

Сообщив все это начальству, Суворов 5 (16) апреля в рапорте Веймарну вновь повторяет: «Батюшка, сто казаков»¹.

Казаки в это время были нужны Древицу, который в очередной раз гнал конфедератов в Венгрию.

7 (18) апреля 1770 года маршалок Ломжинский Казимеж Пулавский прибыл на новосудетские земли для переговоров с Томашем Вильковским, маршалком княжества Освенцимского и Заторского, переговоры касались еще и помощи подразделениям конфедератов, развернутым между Чарным Дунайцом и Конечной. В обоз под Избами прибыла «дивизия» Михала Держановского, маршалка гостинского, а чуть позже «дивизии» Варшавская и Сохачевская. Прикрывая их движение, конфедератские передовые части устроили многочасовой бой в районе Старого Сонча.

В апреле сам Суворов переправился через Вислу с 2 ротами и 3 эскадронами и 2 пушками и 8 (19) апреля около Сандоми-

¹ Там же. С. 232.

ра встретился у леса с Мошинским, у которого был отряд около 1000 конницы и 6 орудий.

Это был встречный бой. После вступления в Сандомир и 10-часового отдыха, Суворов выступил на Кривницы, Шашево и неподалеку от местечка Климентова при деревне Новидиски встретил мятежников, «кои шли сами для нападения на Сендомир». Командовали конфедератами «все изрядные люди, под предводительством Мошинского, Микловского, Гадзевича, Коровецкого и Матовидла»¹. Русские и «напали на них, закрытых в густом лесу. По положению места нашей кавалерии, почти всей, кроме резерва, что за пехотою, досталось быть направо, а пехоте налево, егери по крыльям. Мятежники же построили по-шахматному»².

Русский резерв состоял всего из пятидесяти человек пехоты с небольшим числом конницы.

Атаку начали егеря Суздальского полка, обходя поляков слева, а поручик Сахаров с гренадерами «ударил на штыках на их батарею и сорвал оную в миг»³. Рота гренадер поручика Михаила Сахарова захватила 4 орудия, за что поручик вскоре был награжден орденом Георгия 4-й степени⁴. В то же самое время на правом фланге поручик Китаев с драгунами Воронежского полка «врубился в их шквадрон, как и Суздальского адъютант Парфентьев с конными егерями из драгун и казаками на них вообще ударил, и с подкреплением карабинер все переломали. Но они, после первой атаки будучи выбиты, в поле строились против нашей кавалерии еще три раза, особливо под покровительством одной оставшей у них пушки, токмо как последний раз наша кавалерия бросилась на них чрез болотной ручей на гору, снова их сшибла на излом, под предводительством адъютанта Парфентьева пушку отбила, то более они уже держатца не стали

¹ Там же.

² Там же. С. 231.

³ Там же..

⁴ <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000224/st006.shtml>

и ударились в совершенное бегство. Сражение продолжалось только часа два-три»¹.

Таким образом, Суворов опрокинул поляков штыками и конными атаками, а затем преследовал конницей. «Уповательно, что их погибла половина, в том числе лучшая часть их офицеров», докладывал Суворов².

Число убитых неприятелей достигало трехсот человек «или больше, в числе которых находился их известной и храброй хорунжей Грабковской, вкупе и славной разбойник, как и разные их офицеры»³. Суворов особо отметил, что «образ его Ченстоховской богоматери, что носил вместо лат на груди, пикою проколотою, как то его крусификс, что носил на шее, достался нашим в руки»⁴. Отметим, что пиками были вооружены казаки.

Сам Мошинский был ранен в голову карабинером Путинцевым. «Сказывают, что после упал мертв, а был в полону, только выручил его хорунжей, которой зато от того карабинера изрублен наповал; так и с протчими»⁵.

Пленных было очень мало. «За бегущими небольшое число нашей кавалерии гнались мили на полторы в лесах и топких местах, что и было притчиною, что оных в плен взято не больше как один капрал и три рядовых гусар, товарищей три и казаков три»⁶ (в том числе 2 казака были взяты «прежде сражения»)⁷.

В отряде Мошинского были казаки под командой некоего Матовидла, «последний командовал казаками из украинских, со всем нашим подобные»⁸. И о них упоминал Суворов: «Гусары их и казаки очень хорошо стояли, и все почти пропали, а как в плен

¹ А.В. Суворов. Документы. С. 231-232.

² Богданов А.П. Наука побеждать. Генералиссимус Суворов... С. 164.

³ А.В. Суворов. Документы. С. 239

⁴ Там же. С. 241.

⁵ Там же. С. 232.

⁶ Там же. С. 239-240.

⁷ Там же.. С. 241.

⁸ Там же. С. 239.

брат? С одной стороны, не сдаются, а с другой сами изволите знать число наше и их. Другая же половина рассеялась, изранена довольно. Гнали их по мягкому грунту больше мили. Так они разбиты в клочки... Пушек взято пять, ящиков – два, их хоругвь и иной добычи довольно... Это кровавое сражение стало мне с ранеными человек меньше десяти»¹ (ранение получил 1 казак).

О своих казаках Суворов почти ничего не пишет, разве что упоминает об атаке «с конными егерями из драгун и казаками».

Казакам, кстати, досталась добыча – «вещи кроме пушек, зарядов и пороху, сколько оных годными быть нашлось, розданы казакам и офицерским денщикам, сражавшимся с немалым усердием с протчими-ж нарядом». И казаки «как платьем, так и оружейными вещами весьма исправилась»². Из 100 захваченных лошадей, «по выборе лутчих, вместо убитых карабинерных и драгунских лошадей и в артиллерийские остаточные, отданы казакам и офицерским денщикам, а затем уже вставшие до тридцати, ни к чему годные, и в мятежничьем обозе бывшие лошади розданы крестьянам»³. А.В. Суворов, как и все русские командиры, знал о праве солдат и казаков на добычу. Добычей, согласно Воинскому уставу Петра Великого, считалось все, «что неприятель 24 часа или сутки в своем владении имел». Но из всего, захваченного в качестве добычи, оружие, боеприпасы, амуниция и провиант отдавались государю, в данном случае – командованию на военные нужды. Захватившим оставалось все остальное, за исключением десятой доли. Захваченных лошадей полагалось «определять в службу», то есть распределять меж своими конниками. Если захваченные у конфедератов деньги принадлежали конфедератской казне, то их приравнивали к оружию и боеприпасам, если это были чьи-то личные средства, то их делили «по всей команде», то есть раздавали своим бойцам⁴. Таким обра-

¹ Богданов А.П. Наука побеждать. Генералиссимус Суворов... С. 164.

² А.В. Суворов. Документы. С. 242.

³ Там же. С. 240.

⁴ Богданов А.П. Наука побеждать. Генералиссимус Суворов. 7. С. 146-147.

зом, за счет добычи были компенсированы потери. Известно, что в бою были убиты или ранены 11 драгунских и карабинерских лошадей и 3 казачьих лошади. И офицерские денщики тоже, как и казаки, имели право на добычу. О них говорилось, что они «по гусарскому одеты и изрядно шармицируют»¹.

Еще раньше, 4 (15) апреля, майор Елчанинов с казаками напал у Конечного на 2 польских эскадрона гусар. Бой шел без видимого перевеса, но подошла русская пехота, и поляки ушли в Венгрию.

Проигрывая в чистом поле, поляки стали, как могли, укреплять места своих стоянок. Они, как и раньше располагались к востоку и юго-востоку от Кракова, в горах, вблизи границы.

20 апреля (1 мая), по данным русской разведки, в местечке Горлец расположился маршалок Пулавской с тысячью человек, в местечке Конечно маршалок Меончинский с двумя тысячами человек, в местечке Новой Соснец и Старой Соснец маршалок Пац Черный и Грабий Тарнавский, «а где оные возмутители найдутся, в тех местах вместо рогаток более полумили поставлены бороны. Тож самое объявил посланной... в те места шпион»².

21 апреля (2 мая) русские разбили 2 партии конфедератов у Ляшки и Новокрапивицы, как только те спустились с гор в долину реки Сан.

22 апреля (3 мая) на другом конце Польши конфедераты пришли в местечко Грудек, где стоял польский драгунский полк Дрозда (200 драгун), и все там разграбили на глазах у драгун.

30 апреля (11 мая) Суворов сообщал, что выходил из Сандомира до Поланца и Пацанова, за Пинчовым встретил отряд Гадзевича «конях во сте» и «по обыкновенному, имея только при себе казаков десятка два-три, угонятца за ними и отдалитца от моих постов мне было невозможно». Он имел всего лишь сборную сотню казаков и потому жаловался: «Ежели бы я... для истребления возмутителей более казаков имел, как я вашему

¹ А.В.Суворов. Документы. С. 241.

² Там же. С. 243

высокопревосходительству неоднократно представлял, то бы не токмо при последнем 8 ч[исла] апреля происшествии под Климентовым, но давно прежде всем бы Мощинским, Гадзевичам, Миколовским, Трессенберцам, Жулковским, Локатовичам, Баховским, Ставскому, Бореку, Дербицкому, Вербовскому конец бы учинил!»¹.

Как на достижение, он указывал на сохранение относительно спокойствия на подконтрольной территории путем дробления войск и создания постов – «раздробляя горсть препорученного мне войска на мелкие части по постам, соблюл ту коммуникацию без прорыву, как и довольное пространство земли в тишине»². Он научился быстро перебрасывать пехоту с участка на участок, но это не могло компенсировать отсутствие казаков. «...Сплошь скачет пехота на лошадиных и воловьих повозках для одного только почти страху, чтоб больше не разводились, но искоренить их не можно, ныне же не зима»³.

За казаков шла настоящая борьба. Суворов остерегался ком-путовых войск некоего Беринского, у которого под командой были королевские драгуны и собственные Беринского драгуны, и предлагал «большую часть распустить домой на покой, по их желаниям... Беринского же сделать камергером и подкоморим, да посадить отдыхать в Краков или Варшаву, например, и пусть он пишет против, и уговаривает бунтовников»⁴.

Для этого Суворов просил хотя бы сто казаков, Веймарн послал о том ордер Древицу, но Суворов получил от Древица «учтливой, но лукавой отказ, для которого предлогов тьму всегда обрести можно»⁵. Известно, что Древиц написал Суворову рапорт с описанием победы над конфедератами 18 (29) апреля 1770 г. у австрийской границы и сообщал, что не находит возможным

¹ Там же. С. 245.

² Там же. С. 245.

³ Там же. С. 248.

⁴ Там же. С. 246.

⁵ Там же. С. 245-246.

до получения резолюции Веймарна из Варшавы, выслать Суворову просимых им 100 казаков.

Суворов написал Веймарну про Древица: «Когда он нерадиво, роскошно и великолепно в Кракове отправляет празднества, тогда я с горстью людей по гайдамацкому принужден дратца по лесам с какими то разбойниками Мощинским, Коровецким, Грабковским и иными и рождать для Варшавы площадные при-баски»¹. И вновь он потребовал: «Отказанные мне от господина Древица и обещанные мне ордером вашего высокопревосходительства под № 607-м повеленные 100 казаков нижайше прошу приказать прислать, ибо без того я не в состоянии соблюсти землю в тишине, мои посты в спокойствии и охранить себя по нынешней траве и времени года от набегов»².

Суворов ожидал, что войска главной армии, наступая от «Премышля, Ярославля и частию из Львова, выжмут Пулавского и иных с товарищи из гор на меня, то мне надлежит для принятия их в готовности быть и иметь на сие хотя малой, но особенной деташемент, к которому и к прочим по постам разверстаниям часто упоминаемых ста казаков только и весьма недостает»³.

И 1(12) мая Суворов пугал Веймарна, что «устремление Пулавского всегда клонитца к прорыву в Литву... Для сего вашего высокопревосходительства прошу приказать прислать мне в прибавок повеленные вами сто казаков наипоскорее... а драгунам за возмутителями возможно ли угонятца? о карабинерах и упоминать нечего – лошади же и без того уже весьма устали»⁴.

В мае у конфедератов в Великой Польше шла смена командования. Верхи конфедератов – Генеральный совет Конфедерации – 3(14) мая назначили командующим местными войсками Юзефа Зарембу, богатого дворянина из Серадза, который ранее служил в саксонской армии и воевал с гайдамаки на Украине.

¹ Там же. С. 246.

² Там же. С. 247.

³ Там же. С. 247.

⁴ Там же. С. 248.

Юзеф Заремба участвовал в конфедерации с 4(15) января 1769 года. В том же году он был поставлен на пост серадзского региментаря. В этой должности он отличился в бою под Пётркувом (декабрь 1769 года). Заремба стал командующим войсками воеводств Великой Польши, Ленчицы, Равы и прусской провинции. Упорный, но невезучий Игнаций Малчевский сдал командование и 4 июля 1770 года прибыл в Прешов. Оставшись в Силезии, он безуспешно пытался повлиять на состав Великопольских властей Барской конфедерации. Что поделаешь, верхи конфедератов не отличались взаимной терпимостью.

Все это время русские войска укрепляли свои посты и заставляли местных крестьян, старост и подстарост делать для кордонов «маяки и рвы». Конфедераты же пытались эти работы сорвать и, по возможности, брали местных представителей власти под арест¹.

3(14) мая 1770 года у деревни Демборзин, на северо-восточном склоне близлежащей горы Домброва, у Дембицы, произошло столкновение отряда конфедератов под командованием Казимежа Пулавского с русскими войсками. Бой был проигран Пулавским. Конфедераты повернули и стали уходить на юг, в горы.

4 (15) мая у Пильзно Пулавский хотел соединиться с отрядом конфедератов Трессенберга (вместе их силы могли составить 1200 человек), но Елчанинов перехватил их и разбил. В бою были взяты Трессенберг, адъютант Пулавского – Залуский, 2 офицера и 26 конфедератов. По русским данным, поляки потеряли 200 убитых, остальные разбежались. У русских был убит 1, ранено 13. В свою очередь Суворов, через которого тыловые части 1-й армии поддерживали связь с русскими войсками в Польше, 16 (27) мая доложил о том Веймарну: «Господин подполковник Елчанинов из Решова от 7-го мая рапортом меня уведомляет, что он маршалков Пулавского и Трезенберха, бывших в тысячи четырех стах человек и более, не взирая на выгодные их места, на коем

¹ Там же. С. 328

они стояли, разбил с уроном с их стороны с убитыми и разбежавшимися гораздо более четырех сот человек, в плен взял Трезенберха, маршалка варшавского, майора одного, адъютанта Пулавского и корнета, рядовых двадцать шесть человек и две пушки – одна трех, а другая двух фунтов, кои с ними были»¹.

5 (16) мая, выступая против конфедератов к Грубешову, Суворов неожиданно закончил рапорт Веймарну словами: «С казаками действительно не знаю что делать...»

В комментарии сказано: «Последние полторы строки документа зашифрованы. Расшифровки нет»².

10 (21) мая Суворов доложил: «Подлинно известно, что Главной армии команды 2 числа сего месяца Пулавского под Пильзною пощелкали; всю его пехоту человек 80 взяли в полон и 2 пушки, кавалерия ж его разбежалась, но отчаяние, ежели не захочет покоритца, от голоду заставит его и протчих гденибудь итак в здешних местах искать прорыву»³.

11(22) мая Веймарн ордером сообщил Суворову об отправлении к тому единорожных зарядов, пороху и свинцу и «ста казаков от господина подполковника и кавалера Древица», на что Суворов 16 (27) мая ответил, что казаки к нему еще не прибыли.

В лагере конфедератов обстановка складывалась нездоровая. В мае 1770 года в Кракове недавний соратник Пулавского Юзеф Бержинский сдал русским 300 солдат и около двадцати офицеров конфедерации. За это он был заочно лишен своих постов и приговорен к смертной казни «Генеральностью» – высшим органом власти конфедератов.

Но отчаянные полковники конфедератов не теряли надежды поднять на восстание Великое княжество Литовское. 4(15) июня отряд конфедератов полковника Новицкого в 300 всадников пытался прорваться сквозь Люблинское воеводство в Литву, но у деревни Старой Соли был остановлен русским отрядом капи-

¹ Там же. С. 255.

² Там же. С. 253.

³ Там же. С. 254.

тана Голяшева и стал возвращаться к главным силам Пулавского. «Велено им было от Пулавского пробиратца в Литву для поборов, сколько и очистить ему самому туда же дорогу. Зашедши далеко, они шли назад обратно в горы, как они сведали». Проходя мимо Фрамполя («сие местечко отстоит от Соколя 7, от Рубишева 8, от Красностава 8 же миль»), поляки заметили отряд поручика С. Веденяпина, который вступил в селение «толь нерадиво, что возмутители, шедшие другою дорогою, близко от него его усмотрели». Отряд Веденяпина состоял из 70 человек с 1 орудием. Бой протекал, по версии А.В. Суворова, так: «По вступлении в местечко, Веденяпин получил известие о них чрез своих казаков с пикета, подхватя несколько драгун, кои ему первые в руки попались, бросился на них на палашах, подскакавши, опустил палаш и, выстреля из пистолета, поскакал назад. Следственно бунтовщики за ним и погнались и насккали на выбежавшую его, мало что в поле расстройную, оставшую команду...»¹. Русские драгуны не успели сесть на лошадей и были окружены меж огородов и стодолов. «Возмутители» ссадили своих карабинер в ближний огород, и из-за забора те стреляли в спину драгунам. Драгуны только отстреливались. Путь отступления был отрезан польскими гусарами, стодолы конфедераты зажгли. Прорваться никто не пытался. «... Так долго они беспутно стреляли, что будучи сами перестреляны, остальные с Веденяпиным сдались в полон. Сих считают около двадцати... Суздальского полку подпоруччик Лаптев сдаватца не хотел и убит с товарищами, Воронежского эскадрона поручик Кузьмин спасся, израненной смертельно»².

Конфедераты, по сведениям, «потеряли под Франполем только от двадцати до тридцати человек» и столько же раненых увезли с собой.

Суворов узнал о происшествии 5 (16) июня из рапорта капитана Дитмарна, который 4 (15) июня с 10 казаками имел стол-

¹ Суворов. Документы. С. 259-260

² Суворов. Документы. С. 260.

кновение с этой польской «шайкой» под местечком Яновым. Затем были получены 3 рапорта капитана Голяшева от 4(15) и 5(16) июня: 1) о поражении им конфедератов в д. Старой Соли, 2) об окружении противником местечка Фрамполь и 3) о посылке в помощь Веденяпину капитана Китаева, сообщившего по возвращении о поражении Веденяпина.

Взяв с собой 200 человек и пушку, Суворов погнался за поляками. Выяснилось, что «возмутительской командир Новицкой погреб убитых при себе человеколюбиво, тако-ж содержал пленных ласково, а раненых велел отвезть в Люблин, еще им дал на дорогу два червонца, их было тринадцать и уже человека три умерло». Суворов, «посаждая пехоту по большей части верхами», гнался за ними 24 мили (150 км), но смог взять в плен только 7 человек. Поляков догнали за Вислой. «Санкт-Петербургского карабинерного полку ротмистр Делаво сего июня 6-го числа, переправясь реку Вислу с командою на мятежников, бывших в 400 конях, делал сильный удар грудью, причем господа – подпоручик Шипулин и прапорщик Сергеев с казаками храбро на них ударили, а потом уже бросясь все и гнали две мили, после чего вторичное имели сражение на Климантовском поле, где и побили мятежников 40 человек и ротмистра Ставского, трех хоронжих и взяли в полон 3 хоронгвы и двух гусар»¹.

Суворов предложил полякам разменять пленных, а за Веденяпина отдать полякам их поручика Кононовича.

Поляки пленных разменяли, и распоряжением ген. Веймарна от 2 (13) июля 1770 года поручик Веденяпин был отдан под суд.

По итогам столкновения Суворов издал 15 (26) июня приказ, в котором содержалась подробная инструкция, как бороться с конфедератами. Во-первых, малым партиям не отходить от своего поста далее суточного марша. Во-вторых, малым партиям летом не останавливаться в местечках, но лучше в лесах, по-партизанскому. В-третьих, «сделавши удар, на том месте ни минуты

¹ Там же. С. 266.

не останавливатца, а ийти на свой пост назад и лутче другой дорогой». В-четвертых, если, вопреки данным разведки, неприятель оказался гораздо сильнее, «пройти просто назад, а на пост наипоспешнейше дать знать». В-пятых, «когда казаки чрез какое селение едут, то отпускать надлежит пики и сверх того, каковым образом из них двое едут не весьма скоро вперед, обыкновенную улицу насквозь селение и на выезде занимают форпост, чтоб не было мятежникам вестовщиков, коих ловят». Вот это требование для конницы проходить разведываемое селение «насквозь» господствовало в российских кавалерийских уставах до Первой мировой войны включительно. В-шестых, в бою кавалерии не спешиваться и не отстреливаться, но только атаковать холодным оружием; раз и навсегда запомнить, «что больше потребно времени зарядить, нежели выстрелить». Далее описывались обязанности, что кому делать: «стрелять есть егерское дело»; «просто же мушкетеры, почти как гранодеры, только что более служат всего резервом»; стрелять разрешалось в погоне – «в погоне же всякому, кому случитца достреливать может, но и тут напрасно весьма пули не терять, лутче и тут холодное ружье»; задача кавалерии «только смело врубатца не испорченным фронтом»; кавалерии лишь на фланкировке разрешалось стрелять из пистолетов, «но цельно», а драгунам, что были в бою за конных егерей, надлежало стрелять из карабинов, «и того ради оные имеют на крюку». Здесь же Суворов не рекомендовал кавалерии съезжаться на поединки – «токмо не шармуцировать, как и казакам, ибо мятежники сами до того охотники»¹. Что касается преследования, то «казаки же лутчие люди для погони». Относительно добычи казакам разрешалось «разве оторвать какой-нибудь лоскуток, но для добычей с коней никому не слезать под шпицрутенным наказанием, как и пехоте отнюдь не останавлятца»².

При том, что русская регулярная кавалерия рубить умела плохо, – «прошлый раз из всех тех, кого карабинеры рубили, большая

¹ Там же. С. 263.

² Там же. С. 263-264.

часть усакала раненые»¹ – Суворов не рекомендовал бросать в атаку казаков. «Казакам же, в каком бы то ни было генеральном деле, никогда не атаковать, но карабинерам – в поле, пехоте – в лесу и местах суровых и тесных; но пика их, по легкости лошади, служит только бегущему в крестец. Иное если схватить малую партию»². То есть, Суворов подтвердил сложившийся у казаков прием при преследовании (да и во встречном столкновении) бить противника пикой ниже пояса. В районе груди, плечевого пояса, противник, сидящий на лошади, может уклониться от колющего удара, но от удара ниже пояса, «под ремень», всаднику уклониться невозможно, разве что с лошади падать.

В тот же день, 15 (26) июня, Суворов запретил войскам останавливаться на панских дворах. «Вообще от шляхтичей, так и от протчих, никаких приманок не принимать». Подчиненным он рекомендовал «трудолюбие, неутомленность и покорность всюду, ибо и Веденяпин не от чего иного сокрушение претерпел, как от его роскошных ндравов»³.

24 июня (5 июля) к Суворову, видимо, прибыла новая команда казаков, и сразу же был отдан приказ: «Доходят до меня жалобы, что казаки новоприбывшие чинят обывателям обиды и грабежи, и для чего сим строго запрещаетца, чтоб отнюдь никто обывателям обид не чинил, что им на всех постах постовым командам подтвердить. Ежели впредь услышаны будут какие жалобы, то винные жестоко будут штрафованы шпицрутеном. А будучи в сражении, с лошадей для грабежа отнюдь не слезать»⁴.

Как видим, находившиеся в Польше казаки не отличались крепкой дисциплиной. Так, А.П. Богданов указывает на «170 недисциплинированных казаков, постоянно создававших ему (Суворову) головную боль»⁵.

¹ Богданов А.П. Наука побеждать. Генералиссимус Суворов... С. 160.

² Там же. С. 161.

³ А.В. Суворов. Документы. С. 264.

⁴ Богданов А.П. Наука побеждать. Генералиссимус Суворов... С. 148.

⁵ Там же. С. 140.

Тогда же, в июне, Суворов отдал еще один приказ о тактике действий против конфедератов и о боевых свойствах их отрядов. Суворов требовал в свободное время обучать на постах команды действиям в несколько линий, эволюциям и атакам в разных местах – «равных, низких и высоких, перерезанных, лесистых, болотных», «полагая за единственное правило, что хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, токмо тщетны они, ежели не будут истекать от искусства, которое возрастает от испытанней при внушениях и затверждениях каждому должности его»¹.

«По многократным опытам явно» было, что конфедераты, кроме стычек и шармицелей, других видов боя не выдерживают, «чего ради по их легким разбегам и пушечная стрельба мало действия имеет, тем меньше ружейная». Стрелять надлежит только егерям, но только прицельно. До мушкетеров дело может не дойти, но лучше и тем, «как и гранодерам, елико возможно... ломать возмутителей штыками». Кавалерии же «стрелять вовсе не годится, а несравненно лучше палаш и копье, разве паче чаяния случилось бы достреливать в погоне, но и при сем лучше холодное оружие»².

Пехоту все равно надо приучать к скорому зарядению и «плутоножной» (повзводной) пальбе. В бою надо «весьма скоро заряжать, но скоро стрелять отнюдь не надлежит, а верно целить, в лутчих стрелять, что называется в утку, и пули напрасно не терять, паче егерям, коим должность только в том и состоит».

Артиллеристов надо обучать скорому заряданию и пальбе, «но паче того знанию батарейного места, которое состоит в привычном сведении равнины, разве малого полевого возвышения, расстояние натверживать в память артиллеристам непрестанно, чтоб в истинном действии стреляли редко, но весьма цельно, знали бы качество их орудий и заряду напрасно не стреляли»³.

¹ Суворов. Документы. С. 271.

² Там же.

³ Там же. С. 272.

В боях с «возмутителями», пушечная пальба долго продолжаться не может, так как они с самого начала бывают сломлены, и «по их скорому бегству останеца тогда почти только их докончат одной кавалерии, следственно артиллерия останеца назади при пехоте или резерве». Если конфедераты сами имеют артиллерию, то ее надлежит пехотою или кавалериею атаковать, «отчего, как доказано при всех случаях, она в робость впадает и предаетца несказанному бегству»¹.

Военные способности местных вождей конфедератов Суворов ценил невысоко: «Вербовской, Ставской, Кохановской, Дербичкой и Сендомирской бедные люди суть. Я бы их и по клочкам разбил и в кучу согнал, да недосуг»².

О войсках конфедератов Суворов был также самого невысокого мнения. «Их пехота, когда бывает, и малолюдна и ничего не стоит, кавалерия какая бы то ни была ее должна изрубить или пригнать полною в резерв (взять в плен)».

Их драгуны или карабинеры являются таковыми «только по платью и вооружению, в протчем один зброд». Кавалеристов, «подобных кавалерии нашей», – королевских драгун и «радивилских» – «уже у них почти нет». Метод борьбы один – «их надлежит немедленно фронтом ломать и сильно рубить, а казакам, ежели случитца, то с тылу и крыльев их колоть или разбирать в полон и отдавать в резерв». Что касается польских гусар и венгерских (последние служили в австрийской армии и считались лучшей кавалерией Европы), то Суворов приказывал затвердить русским кавалеристам, «что гусары их еще слабее иных, ибо зброд их еще своеволит и пьянее протчих, мало что есть у них и венгров, только в них дезертиров австрийских почти нет и принимать не смеют, а отчасти то беглые венгерские крестьяне, кои знакомо, что к одежде гусарской привыкли, ибо и крестьянская их таковая ж»³. Что касается венгерского народа вообще, то «чрезвычайно оной

¹ Там же.

² Там же. С. 235.

³ Там же. С. 272.

никогда еще не прославлялся». Суворов признавал, что среди шляхты «в товариществе их есть наездники как и в гусарах», но русским «охотникам» «отнюдь в шармицировании с мятежниками не вступать и как людей, так и время напрасно не терять, но делать скорой и сильной удар, то тех наездников могут стрелять егери, и без того они всегда жертвой палаша и пик бывают»¹.

Да, у поляков хорошие лошади, лучше русских, конские заводы в России только зарождались. Даже через сто пятьдесят лет Бабель описывал, как эскадроны скакали в пыли «на высоких, золотистых, узкогрудых польских конях». Польская шляхта с детства училась владеть оружием, и Суворов, как мы видим, запрещает выезжать и драться с ними «один на один». Но шляхта – индивидуалисты. Каждый из них – яркая индивидуальность. «Каждый за себя, и Бог за всех» – вот их принцип. А русские – армия смертников. Когда их провожали на службу, одного из двадцати, достигших нужного возраста, плакали, как по покойникам. Кто ж будет ждать крестьянина двадцать пять лет? Первые десять лет службы они считались «молодыми». И за эти годы они вживались в новую семью, и принцип «сам погибай, а товарища выручай» становился нормой поведения. Это принцип хорошей, дружной семьи. И эти бывшие крестьянские парни съезжались плечом к плечу, коленом к колену, и плотным строем на скаку опрокидывали любых виртуозов фехтования на их великолепных лошадях.

26 июня (7 июля) 400 конфедератов маршалов Бельского, Крещинского и полковника Шица сошли с венгерских гор и напали на Львов, где командовал полковник Траунбенберг. Поляки, «форпосты казачьи перерубя, приблизились к штандартному караулу»², захватили 11618 рублей. Отряд майора Нагеля выбил их, но деньги они увезли. Траунбенберг компенсировал всю сумму.

11 (22) июля еще южнее, при Климцах и Жупане, подполковник Обернибесов из команды Кречетникова разбил 300 всадни-

¹ Там же. С. 273.

² Журнал военных действий 1770. С. 90.

ков майоров Ростисhevского и Игипша на венгерской границе. Конфедераты были в пограничных будках вместе с венгерскими часовыми. Казаки подкрадывались к их обозу. Венгерский пограничник и конфедерат убили 2 казаков. Русские перешли границу и гнали стрелявших 2 версты. Подошли венгерские гусары и прикрыли бегущих. Командовал венгерскими гусарами ротмистр Каражный.

За этим инцидентом последовали объяснения Румянцева с австрийским правительством. После них Кречетников был отозван. Его отряд передан Ширкову.

А.В. Суворов рапортовал вверх по команде: «Господин бригадир Кречетников от 16 августа мне сообщил, что он, по повелению его сиятельства графа Петра Александровича Румянцева, имеет ехать к армии, препоруча здесь управление команд господину полковнику Ширкову»¹.

На фоне этих пограничных инцидентов в июле 1770 года Казимеж Пулавский пребывал в лагере под Мушиной, где в соседних селениях Конечней и Избах конфедераты численностью до 2 тысяч солдат готовились к бою с Древицем.

23-24 июля (3-4 августа) 1770 года на полях Избы и Высовы, вследствие измены, русские войска напали на конфедератов, и Древиц заставил Пулавского отступить на венгерскую территорию. По подсчетам Пулавского, конфедераты потеряли 179 солдат. После поражения в Высове Пулавский отправился в Зборув, откуда вернулся в Седеччизну, в Старый Сонч. То есть, вышел к той же речке Попрад, только ниже по течению. Многочисленные укрепленные лагеря были созданы конфедератами в Радошицах, Барвинеке, Мушинке, Избах (штаб-квартире Казимежа Пулавского), Блечнарке, Конечне, Черемче и крупнейший – в Грабье. Для поддержания связи между Избами и Блечнаркой использовались флаги, которыми подавались знаки с горы Лакова, и именно здесь возникло традиционное название «Флаг Пулавского».

¹ А.В. Суворов. Документы. С. 291.

В июле 1770 года русские разбили лагерь конфедератов Пулавского в бою при Блечнарке.

Но вскоре неугомонные конфедераты опять полезли через венгерскую границу. Майор Нагель с 90 карабинерами и 70 казаками на них напал. Конфедераты снова ушли к венграм. Нагель потребовал их обезоружить. Австрийский полковник Бароней их действительно разоружил. Кроме того из плена с территории Венгрии вернулись поручик и 3 карабинера, которых раньше удерживали конфедераты.

Постепенно сложилась норма противостояния – 1 русский бил 4-х или даже 5-х конфедератов¹.

На севере, в Великой Польше, Юзеф Заремба, приняв звание главнокомандующего войсками, поставил перед собой цель освободить Познань от рук русских. Юзеф Заремба, сын пётркувского егеря, образование получил в Пётркуве-Трыбунальском при школе ордена пиаристов. С 1751 по 1756 г. нёс, как уже было сказано, службу в саксонской армии, где приобрел опыт классической европейской дисциплины, после чего перешёл в ряды войска коронного. С 1759 по 1762 гг. он боролся с гайдамаками на Правобережной Украине, где получил навыки борьбы с партизанами и выслужился до чина майора кавалерии. То есть, это был достаточно опытный военный.

Возможность овладеть Познанью у него появилась летом 1770 года. Войска конфедератов отправились из Конецполя в направлении столицы Великой Польши. Пройти им пришлось половину территории «Короны». Неизвестно, планировал Заремба штурм Познани или просто хотел подойти как можно ближе к городу. Ренне, не желая допустить осаду Познани, решил отразить поляков на дальних подступах и послал отряд в 200 человек на встречу конфедератам. Столкновение произошло 5 (16) августа 1770 года под Косьцяном, где русский отряд был полностью ликвидирован.

¹ Богданов А.П. Наука побеждать. Генералиссимус Суворов... С. 164.

Известие о массовой гибели русского отряда заставило гарнизон Познани ускорить фортификационные работы и временно отказаться от дальнейших поездок за городские стены.

Конфедераты, однако, не воспользовались своей победой и не атаковали Познань. Это было вызвано разногласиями между Зарембой и полковником Серошевским. Кроме того прокоролевские симпатии Юзефа Зарембы привели к его конфликту с одним из главных деятелей Барской конфедерации, маршалком Казимиром Пулавским.

Чтобы иметь постоянную связь между конфедератами Подкарпатья и Великой Польши, необходимо было создать некую базу между ними, и 30 августа (10 сентября) 1770 года Казимеж Пулавский и Михал Валевский путем обмана захватили монастырь Ясная Гора, превратив его в базу Конфедерации. Для отвлечения внимания 25 августа (5 сентября) конфедераты устроили бой под Пинчувом, гораздо восточнее Ясной Горы. Дрался с поляками Древиц. К бою пытался подключиться Суворов. 26 августа (6 сентября) 1770 г. он получил рапорт секунд-майора Ушакова с Опатовского поста о соединении партий Пулавского и Держановского и о том, что отряд Древица их преследует. Суворов немедленно выступил из Люблина на перехват конфедератов, но 27 (7 сентября) августа узнал, что Древиц отошел к Кельцу, сорвав внезапный удар Суворова и оголив Опатовский и Сандомирский посты. Суворов долго ругал Древица в письмах к начальству: «Достаточно последней истории с Опатовым, где солдаты Древица опять испортили мне кровь, – под вымышленными предлогами собственно ради того, чтобы дать его трусливой сволочи добраться до Кракова»¹. Но эта схватка местного значения всего лишь отвлекла лучшие русские силы от Ченстоховы. В итоге место, имевшее для поляков сакральное значение, оказалось в руках конфедератов. Верховное командование конфедератов назначило руководить обороной монастыря Валевского, но

¹ <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000224/st006.shtml>

реальную силу и реальную власть имел Пулавский. Помощниками Пулавского были генерал-майор Кароль Завойский, Филипп Радзиминский и настоятель Пафнуций Бжезинский. В конце 1770 г. в гарнизоне Ясной Горы насчитывали 300 кавалеристов и 700 пехотинцев.

Монастырь пытался захватить полковник Иван Древиц, действовавший в этом районе. В августе Древиц взял с Ченстоховы контрибуцию в 3000 дукатов, но теперь осада затянулась с 31 декабря 1770 года по 14 января 1771 года. Оборона монастыря способствовала росту репутации Пулавского.

Ченстохова со своим монастырем была местом легендарным, связанным с отражением «шведского потопа» на Речь Посполиту в середине XVII века. Таким образом, у польских конфедератов появилось некое сакральное место, оборона которого могла привлечь к ним народные симпатии.

Ясна Гора была окончательно сдана конфедератами лишь 7 (18) августа 1772 года.

Во второй половине 1770 года конфедераты пытались разрешить вопрос о власти в Речи Посполитой. Король не хотел договариваться с ними, и 2 (13) октября 1770 года в Прешове (ныне территория Словакии), представители конфедератов от Литвы во главе с маршалом Пацем и непосредственно от Барской конфедерации (Сапега) объявили акт о его свержении и начале бескоролья. Впрочем, на общую расстановку сил в Речи Посполитой это объявление не повлияло.

Конфедераты безуспешно пытались привлечь на свою сторону польского принца Кароля Кристиана Веттына, которому планировали передать польскую корону. Эта идея во многом принадлежала Казимежу Пулавскому. В 1762–1763 годах Пулавский пребывал при дворе Кароля Кристиана, принца Курляндии и Семигалии, в Митаве (в настоящее время Елгава). Княжество Курляндия и Семигалия (ранее вассал Речи Посполитой) стало областью российских интересов. Российская императрица Екатерина II назначила в княжество своего представителя и настоя-

тельно просила короля Августа III убрать из Курляндии принца Кароля. Уже во время боевых действий Казимеж Пулавский пережил осаду Митавы русской армией и унижение князя Кароля Кристиана, связанное с его отречением и его изгнанием русскими из Курляндии. Конфедераты прекрасно понимали, что, став Кароль Кристиан королем Польши, и отношения с Россией сразу же изменятся.

Но за будущее Польши взялись более мощные силы, чем барские конфедераты. На смену туркам, которых русские безжалостно и беспощадно громили в Молдавии и Валахии, пришли французы.

В Европе отношение к конфедератам было самое разное. Французы подходили к проблеме предельно практично. Шуазель считал: «Успехи русских слишком велики, и дурные действия турок слишком загадочны, чтобы рассчитывать на дальнейшие события этой войны. Если конфедераты не потеряли еще духа, то зимою могут беспокоить русских; но без посторонней помощи результаты будут слабы»¹.

А императрица Мария-Терезия, опасавшаяся бунтов в Венгрии, не хотела распространения польской смуты: «Из-за них Европа не будет объята пламенем»².

Весь год шли переговоры конфедератов с европейскими политиками и велись партизанские действия. Главные силы поляков были представлены отрядами Пулавского и Любомирского, которые довольно дерзко спустились с гор, соединились у Самбора и насчитывали до 5 тысяч.

Большие надежды конфедераты возлагали на бунт в Литве. Но он пока не разгорался.

В июле была еще одна попытка пробраться в Литву. Партия конфедератов из войск Пулавского под командою полковника Новицкого до 460 коней под местечком Сольцах переправилась

¹ Петров А. Указ. соч. Т.2. С. 236.

² Там же. С. 237.

через Вислу и двинулась к Закликову и далее к Янову. План их был выйти к Замостью. Затем они свернули на Хелм и Влодаву. 23 июля (3 августа) Суворов разбил их при д. Раковец. О казаках в своем рапорте Суворов не упоминает, зато приводит состав командования конфедератов – «хорунги: 1-я Туршевского, 2-я Талковского, 3-я Свирского, 4-я ротм. Пулавского, 5-я Солговостовского, 6-я Седлецкого, 7-я Быстренского, 8-я Тветковского, 9-я Масонова»¹. 2-я хоругвь была из татар.

Через день Суворов добил отряд Новицкого под Бендюзом, «но притом смешно, что и после происшествия они нас считали королевскими», – удивлялся Суворов. Он докладывал, что «намерение их было проложить в Литву дорогу Казимиру Пулавскому, рекрутировать, делать денежные поборы», и предупреждал: «во все не ручаюсь, чтоб сие их покушение в Литву последнее было, тем паче, что они не оставляют более всего целить на Беляка»², то есть стремятся переманить на свою сторону пока еще верный королю полк Беляка.

В августе 1770 года в Польшу прибыл из Франции военный эмиссар, известный авантюрист полковник французской службы Шарль Франсуа Дюмурье. До этого он вел переговоры с принцем Карлом Саксонским, обещал ему за участие в движении конфедератов герцогство Курляндское. Кроме того практичный Дюмурье купил в Мюнхене для повстанцев 22 тысячи ружей.

Нравы поляков показались прибывшему Дюмурье азиатскими: «изумительная роскошь, безумные издержки, длинные обеды и пляска – вот их занятие»³. «Изумительная роскошь представителей конфедерации, трата денег, разврат, игра в фараон и танцы характеризовали образ жизни польских агитаторов», – подтверждали русские военные специалисты⁴.

¹ А.В.Суворов. Документы. С. 275.

² А.В.Суворов. Документы. С. 275.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV... С. 416-417.

⁴ Петров А. Указ. соч. Т.2. С. 240.

Вожди конфедератов ждали денег из Франции на поддержку движения. Дюмурье со всей иронией ответил им: судя по их образу жизни, они ни в чем не нуждаются. У конфедератов якобы было 40 тысяч войска. На самом деле острым глазом Дюмурье определил, что они имели 4-5 тысяч в Великой Польше, которыми командовал Заремба (сам Заремба хотел поступить на прусскую службу, был связан с прусским королем); 1 тысяча конных была у казака Савы (который вскоре был убит); 3 или 4 тысячи конных были в отряде у Пулавского (который, в свою очередь, был врагом Потоцкого); 3,5 тысячи – у Миончинского; 1200-1400 собрал Валевский (затем перешел на сторону короля и получил должность Краковского кастеляна); 700 – у маршалка Чернышова, 300 – у Мазовецкого, 400 литовцев – у Оржевского. Всего шляхта имела 16-17 тысяч войска, это войско возглавляли 8-10 независимых вождей. Их армия была представлена одной кавалерией, без дисциплины, худо вооруженной. «Конфедераты состояли исключительно из конных войск, без артиллерии, и имели притом дурное вооружение. Отсутствие дисциплины в войсках соответствовало духу неподчиненности их начальников»¹. Опыт показал, что «шляхта эта не могла сопротивляться не только линейным русским войскам, но даже и казакам»². Армия не имела ни одной крепости, ни одной пушки, ни одного пехотинца. Благородные шляхтичи не соглашались стоять на часах.

Французы отмечали, что генеральный маршал Пац – человек, преданный удовольствиям. Единственный человек с головой – литвин Богуш, генеральный секретарь конфедерации. Радзивилл – совершенное животное. Пулавский храбр и предприимчив, независим, но очень высокомерен – ставит свои подвиги выше подвигов короля Яна Собесского, некогда спасшего Вену от турок. Функции объединителя движения взяла на себя графиня Мнишек. «Женщины ведут дела, а мужчины наслаждаются

¹ Петров А. Указ. соч. Т.2. С. 241.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV... С. 417.

чувственной жизнью», – констатировали французы¹. О русских Дюмурье высказывался в ином ключе: «Это превосходные солдаты, но у них мало хороших офицеров, исключая вождей. Лучших не послали против поляков, которых презирают»².

Конфедераты продолжали поиски союзников по всему миру. Князя Радзивилла и графа Черни послали в Константинополь, генерал Сдлонский и Потоцкий отбыли в Вену, граф Дзербинский – к принцу Карлу Саксонскому.

Естественно, самые большие надежды возлагались на Францию.

Дюмурье должен был к началу 1771 года получить из Франции 300 тысяч ливров. Он начал формировать пехоту и выписал из Франции 76 офицеров, инженеров и артиллеристов. Он заявлял, что не может возглавить конфедерацию, он – всего лишь полковник. Но указал на кандидатуру принца Карла Саксонского, тот, в свою очередь, обещал прислать 3000 саксонских солдат.

Общее выступление планировалось на 1771 год. Дюмурье предполагал собрать 60 тысяч войска; Пулавского с 10 тысячами послать на русские магазины, на тылы 1-й армии; Огинскому с 8 тысячами и литовским ополчением наступать с востока от Пинска к Варшаве; Зарембе и Сове наступать на Варшаву от Познани, с запада. После победы и свержения короля Станислава планировалось собрать все войска при впадении Сана в Вислу и оттуда двинуть их на Смоленск и Москву.

Этот стройный план сразу встретил ряд препятствий. Пулавский и Заремба сами хотели напасть на Варшаву, а не ждать приказов от Дюмурье.

Пруссия и Австрия, недовольные активностью Франции, договорились помочь России против турок, но за это разделить Польшу. Австрии отдать Львов, Пруссии – Польскую Пруссию, Вармию и Данциг, России – что та захочет.

¹ Там же. С. 418.

² Там же.

Австрийцы вслед за Россией и Пруссией ввели свои войска на территорию Польши и захватили Ципс.

Опасаясь возможного конфликта одновременно с Пруссией и Австрией, Шуазель рекомендовал Дюмурье: «Не компрометируйте Францию и оставьте поляков поступать, как они знают»¹.

В довершение двумысленности ситуации Станислав Понятовский объявил, что хочет объединить все конфедерации и стать во главе их. Кто не присоединится к королю, тот изменник.

Русские, как ни странно, были согласны. Пусть поляки объединяются, выйдут в поле, не будут убегать за границу как воюющая сторона...

Военные действия продолжали носить партизанский характер.

30 июля (10 августа) Суворов в погоне за конфедератами прибыл в Пулавы и через 10 дней рапортовал: «Хотя я и часто был на мятежничьих следах, но оным всегда удавалось про нас проведывать и разбегатца». Удавалось разбить мелкие партии полковника Коровецкого (у которого взяли в полон 9 человек) и ротмистра Мощинского (у которого взяли в полон поручика одного, хорунжего одного и прочих до 15), пойман был ротмистр Талковской да российских беглых 9 человек.

Дело усугублялось тем, что 3 (14) августа из Бреста от генерала Браницкого пришли известия, что «в некоторых деревнях от поветрия язвы умножилось, люди мрут, из домов убегают, отчего к предосторожности расставил он на трактах свои команды». И в октябре пришло известие, «что в местечке Соколе сего месяца 19-го числа последовала моровая язва и что уже в короткое время до 25-ти человек померло и тех умерших дворы по приказанию состоящего там на посту Пермского карабинерного полку господина порутчика Крейша сожжены и везде для непропуску в то и из того местечка разных чинов людей караулы им, Крейшом, поставлены»².

¹ Петров А. Указ. соч. Т. 3 СПб. 1874. С. 194.

² А.В.Суворов. Документы. С. 312.

В августе и далее в целом за осень в переписке А.В. Суворова казаки упоминаются всего пять раз. За бой 1 (12) сентября под Опатовом Суворов рекомендует «Суздальского пехотного полку господина подпоручика Арцыбашева, оказавшего многократно его воинское искусство, храбрость и неустрашимость. При помянутом случае под Опатовым сентября 1-го числа он напал на партию Мощинского и Николовского, имея при себе человек тридцать драгун и около того ж казаков, но сие учинил он, построив казаков в подкрепление, а токмо с одними драгунами, не выстреля ни одной пули, на одних палашах, так что почти каждому досталось изрубить своего человека. Хотя сие есть мелкое дело, но диспозиция сего достойного офицера приносит ему великую похвалу. Николовской в схватке уже был почти в его руках, токмо выручен был шестью мятежниками. Партия же сия, превосходя его своим числом, дождалась и выдержала твердо его нападение на открытом со всех сторон поле. По малой же мере сим приключением оной край избавлен на несколько времени от мятежничьих грабежей, а упоминаемая партия разорена и мало что не докончена»¹. Говорилось, что «по шармицеле под Опатовым сентября 1-го числа, свезенных мятежничьих мертвых тел из лесов и иных мест уже погребено близ сорока»². И 26 сентября (7 октября), когда «партия презренных бунтовщиков Мощинского и Николовского коней больше ста... атаквала на рассвете Сендомири»... но в полдень уже была разбита. «Досталось то с передовыми драгунами господину подпоручику Арцыбашеву и при нем с казаками Суздальского полку сержанту Кушникову. У нас убит казак один, ранено от конных егерей, бывших в передней атаке, Воронежского драгунского эскадрона вахмистр Бабин, драгун один, казак один»³. 6 (17) октября капитан Дитмар у деревни Гурки «нашел возмутителей коней до двадцати от команды ротмистра Гадзевича, от коих убито товарищей двое почтовых, око-

¹ Там же. С.298-299.

² Там же. С.298.

³ Там же. С. 302.

ло пяти в полон взято: стражник один, товарищев два и почтовых три; с его же стороны убит казак один»¹. 15 (26) ноября конфедераты подходили к Сандомиру. Поручик Железнов усмотрел, что «мятежничья партия под командою маршалка Прилуцкого стоит от Сендомири в 5-ти милях, а сверх того прибывшие к нему с тем рапортом казаки объявили, что по выезде их из Сендомири, от мятежников атака и пальба уже на Сендомир началась, а от которой команды неизвестно, и оные казаки бежали к нему с великою поспешностью. А посланную при господине поручику Арцыбашеве команду встретили те казаки на переправе реки Соны»². И чуть позже – «Принужден я в Сендомир временно прибавить пехоты 2 корпоральства с пушкою, 36 драгун, 18 казаков»³.

И это все. Кстати, в автобиографии Суворова, в тексте, относящемся к польским событиям, слово «казаки» встречается всего два раза.

Военные действия в описываемом нами регионе заключались в попытках конфедератов, действующих на левом берегу Вислы, и их товарищей, оставшихся в Литве, нащупать путь друг к другу через зону ответственности отряда Суворова.

Суворов понимал это – «Висла ныне очень мелка и между Сендомири и Пулавы в разных местах можно переправлятьца вплавь и почти вброд»⁴ – и тревожился: «Мне весьма сумнительно, чтоб Пулавской... опять бы за Вислу не переправился и, соединясь с другими заречными партиями, не побежал бы внове чрез мои посты в Литву»⁵.

19 (30) августа с постов сообщали, что «знатные команды литовской конфедерации под командою маршалка Болевского... тянутца к Висле», и что «оной Болевской» выше местечка Опатовца «в полуторе миле под деревнею Рогов переправляетца с ко-

¹ Там же. С. 308

² Там же. С. 317.

³ Там же. С. 318.

⁴ Там же. С. 287.

⁵ Там же. С. 297.

мандою за Вислу». Затем с постов уточнили, «что под деревнею Роговым переправлялся маршалок вместо Балевского Беклевский, староста заховецкий, в 250-ти конях и пошел в горы к Пулавскому»¹.

Потом, в ноябре, была неудачная попытка конфедератов с налету захватить Сандомир.

Все остальное время конфедераты заходили на подконтрольную русским войскам территорию для сбора «поголовных денег» и продовольствия с местного населения и для вербовки рекрутов в свои ряды. Таких «рейдов» было около десяти. Вот один из рапортов: «С Сендомирского поста господин капитан Дитмарн представляет, что 29-го октября в местечке Опатове был Коженевской в 40 конях и в полчася взяв больше ста червонцев, пошел к Святому Крыжу. Да в то ж самое время другая команда, состоящая около ста коней, также в местечке Стобнице выбрала поголовные деньги (а командир оной посланной, никак узнать не мог), а из Стобницы шла на Осек, Пацанов и Поланец, а оттуда, как его шпионы объявляют, пошла сего числа к Вислице и по всем тем местам и деревням одноминутно, где сколько могли, брали деньги. Около ж Опатова малые партии всякой день волочутца, забирая деньги, хлеб и протчее, где что только найдут»².

Кроме того проводились различные «коммерческие» мероприятия. Так, в местечке Присухи жители рассказали, «что мятежники в том местечке стояли целую неделю и продали жидам железа четыреста четыре пуда» (21 августа)³. Затем русские пресекли торговлю солью, «а при показанной соли был ротмистр Киневиц, которой из под команды Пулавского имел коней до тридцати, а соль была везена из Велички до Кракова, которую мятежники по разным местам распродавали, которой было всей до шести сот болванов» (8 сентября)⁴. Позже, в марте 1771 года, выяснилось, что

¹ Там же. С. 292.

² Там же. С. 313-314.

³ Там же. С. 292.

⁴ Там же. С. 298.

порох конфедераты покупают в Замостье, городе, подконтрольном королевским войскам. И пороха «через посланного своего туда офицера, назад тому слишком два месяца, потаенно куплено за деньги и привезено в Ланскорон одна бочка, токмо об оном ординат Замостцкой, сказывают пленные, что не знает»¹.

Шляхтичей, добровольно отставших от конфедератов, отпускали по домам, но «только тогда, когда оные представляют по себе поручителя из духовенства, каноников от монастырей, имеющих за собою деревни и с таким в ручительных письмах обязуемым выражением, что естли из оных ими поручившихся паки кто в возмутительство и беспокойство вступят или мешатца и в том обличены будут, то поручители их ответственность имеют, как персонально, так и взысканием с их деревень по обстоятельствам произвольно налагаемого штрафа»². Однако уследить за всеми было невозможно. Вот пример шляхтича Козминского: «С Сендомирского поста господин капитан Дитмарн от 13 октября при рапорте представил мне воеводства Сандомирского шляхтича Кристофора Козминского, которой находился в конфедерации, в команде маршалка Радзиминского, с сентября месяца 1769 году товарищем и в том же году от Радзиминского перешел в команду маршалка гостиного Держановского поручиком, а в 1769 году в ноябре месяце отстал и жил в доме своем, которой во всю бытность его в конфедерации грабил и совсем разорял диссиденские деревни. Но и в то время когда сидел в доме разорял также не только деревни, но их церкви, не оставляя ни окон, ни лавок, тож собирая со оных самовластно деньги, провиант и фураж и сам оным пользовался и до разных команд конфедерацких отсылал. Да и в то самое время, когда он в Сандомир приехал в надежде, что его никто не зная не задержит, отец его, Козминского, также яко в своих властных диссиденских деревнях повелевая, молотит хлеб и забирает фураж и отсылает также до команд конфедерацких»³.

¹ Там же. С. 376.

² Там же. С. 258-259.

³ Там же. С. 310.

Как видим, местные королевские власти закрывали глаза на проделки конфедератов, но продолжали тщательно разыскивать и сурово карать людей, связанных с гайдамацким движением.

«Реестр арестованных по гайдамацким делам 1770 г.

1. Ретр из Насташки Белоцеквской, поп.
2. Василий Ионакевич, поп из Поповец.
3. Стефан из Василихи, поп.
4. Кирило Вовк.
5. Иван Воробченко из Каменки на Смелянщине.
6. Мусий Лебеденченко
7. Павло Попович из Сахновки.
8. Михаил Дяк из м. Белозерья на Смелянщине.
9. Корнилий Москаленко.
10. Василий Ющенко.
11. Василий Котляренко из с. Гуровцы.
12. Павло Ткаченко сын Ничипора Ткача из с. Веприка на Фастовщине.
13. Семен Гарбузняк, ткач.
14. Павло Рева.
15. Грицко Грущенко из с. Гуляк Дидовщинских.
16. Иван Яновский из заграницы.
17. Дмитро Ключка из Помойника.
18. Андрей Яценко из Киева.
19. Олекса Выхованец.
20. Скарга Прокоп, бандурист из Остолопова.
21. Хведир Гаврас из Корсунского староства.
22. Степан Деревянко из Бедного озера на Смелянщине.

Реестр 11 гайдамаков 19.10.1770 г.

1. Петр Рынский.
2. Хвейтко Пасичник из Волосова (Хмельник).
3. Гордей Стельмашенко из Черепина.
4. Клим из Черепина.

5. Игнат Гудим из Черепина.
6. Якуб Кульчицкий, шляхтич.
7. Никита Лобарский из Роскопаной, обокрал церковь.
8. Петр Петрицкий из Снегуровки.
9. Николай Коханченко.
10. Василий Остронос.
11. Хвейтко Слободяник из Кохановки¹.

Один лишь Древиц не давал поблажки своевольным конфедератам. По его приказу многие пленные конфедераты, нарушившие обещание после первого пленения не выступать против русских, потеряли права военнопленных, подвергались пыткам и были убиты, других продавали в качестве новобранцев в прусскую армию². Кроме того, он занимался разграблением имущества таких конфедератов.

Не рискуя нападать на русские посты, конфедераты нападали на королевские войска и при удаче переманивали их на свою сторону. Так, Пулавской, соединясь с маршалком Держановским, в конце августа «ударил на regiment гвардии королевской, которой стоял поблизости Кракова и был под командою полковника Летаво, и по усильству своему, и от оногo regimentу забрали до трех сот человек рядовых и двух старших»³. Позже разведка донесла, что «королевский regiment в числе человек трех сот» был захвачен в Краковском Казмире, а еще позже, что на Краковском Казмире был взят в плен полк графа Мира.

Затем партия конфедератов атаковала 26 сентября (7 октября) «на рассвете Сендомир и, схватя на форштате экипажи нескольких королевских драгун полку генерала Витте, была прогнана... Экипажи королевских драгун, как частью и лошади, небольшого числа отбиты и отворотятца назад»⁴. Тогда же, 28 сентября

¹ [beket.com.ua/baza_znanij/reestry ... machchine/](http://beket.com.ua/baza_znanij/reestry...machchine/)

² <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000224/st006.shtml>

³ А.В. Суворов. Документы. С. 295.

⁴ Там же. С. 302.

(9 октября), русские во время поиска партии конфедератов, опасались, «не схватили ли они князя Черторижского уланов в Мезеричах». Да и инцидент с поручиком Веденяпиным произошел, когда сам Суворов был занят – «Главное мое попечение на сих днях было о безопасном препровождении генералов Грабовских, которые ехали несказанно медленно, хотя я им противное внушать велел и письмом уведомлял, и тем меня завязали»¹.

Пресечь все эти «рейды» и набеги было трудно. Зато А.В. Суворов составил полный реестр противостоящих ему сил «мятежников», а так же подобрал данные об их отрядах во всей Польше.

«...Мятежники, пробывши безоруженные, кроме старшины в Венгрии, с неделю оттуда выпущены и ныне обретаются неподалеку от Пилзны к Горлице» (15 августа).

«Бенклевской, которого называют маршалком литовским, обще с ротмистром Миончинским вплавь ночью под Новым Местом за Вислу на здешнюю сторону в двух стах конях перебравшись, пошли к Честохову, к соединению с Пулавским» (18 сентября); «партия Бенклевского, отправившаяся из под Ченстохова в числе шестидесяти коней, на вербовалась на тракте будто до двусот» (2 октября);

«известной маршалка Бержинского региментарь, называемой Малиновской, получил от оного Бержинского ордер, по которому со всею своею командою к соединению с ним пошел в Краков» (2 мая);

«Гадзевича же партия была с Новицким под командою поручика Масона, а сам он, женясь пред сим, ныне живет с женою около гор» (13 августа); «О таскающихся же за Соном мятежниках с Гадзевичем, Липским и иными, всех более числом не полагаю, как разве ста полтора» (8 сентября); «Гадзевич с той стороны под Новым Местом, чрез Вислу переправясь, примкнул к Мощинскому» (18 сентября); «октября 6 числа... в местечко Осек, которое только в четырех милях от Сендомира, приехали ротмистры Гад-

¹ Там же. С. 260.

зевич и Киневич, у коих около 100 коней, выбирают поголовные деньги и провиант» (9 октября);

«Полковники Грабской во 100 конях, Корженевской в 80, ротмистры Будынской в 50, Квашковский в 40, всегда ходят около Опатова, Иваниска и Ожарова и выбирают поголовные деньги, провиант и фураж» (9 ноября);

«Даманской поудалился за Присухи» (12 августа); «команда Доманского в 200 конях» (21 августа); «Доманский удалился за Пилицу, может быть для того, чтоб его Пулавской не забрал» (29 августа); «14 октября... рапорт из Присухи, что там, около, находится возмутительской ротмистр Вербовской с пятьюдесятью конями, которой сказал, что пришел от Пулавского забрать команду у Доманского, которой и находится между Илжи и Шидловца»;

«О Зарембе слышно, что он уехал лечитца в Шлезию, вся же его шайка почитаетца ста два-три, или ста три-четыре» (12 августа)

«...на 18-е число было в Семятичах мятежников 200 коней. У них старшим Звонковской, а при нем еще называется, якобы был в российской службе генерал Соколовской, а на 20 число в деревне Старчицах еще к нему, Звонковскому, пристал ротмистр Ружицкой во 150 конях, вербуют рекрут» (25 сентября); «около Высокого, подобная Беклевской партии, такая же Звонковского разбита. Он убит, пленных человек тридцать распущены» (2 октября)

«...есть известии от шпионов, что в местечке Тарнове, которое лежит от Колбушова в 4-х милях к стороне Вислы, стоят ротмистры: Липский, Кветковский, Киневич и еще три, которых имена неизвестны и считается их будто около шести сот коней, что весьма на правду не походит! и вербуют там разного звания людей» (18 сентября);

«Тарновцами командовали старшие – Мощинской, за региментаря – Никловской, Гадзевич; пулавцами же командовали за региментаря Коробовской, ротмистр Мотовидло» (8 апреля);

«Коробейской и Мощинской разбиты из Опатова майором Ушаковым» (12 августа); «все три шайки Карабейского, Мощинского и Николовского составляли побольше дву сот коней, по расчислению же их Николовского была меньше других двух, а те две почти равны» (13 августа); «Мощинской с его шайкой шатался около Присух» (29 августа); «Николовской и Мощинской... с оставшими не свыше от тридцати до сорока коней ушли, а что где ныне находятца – вовсе неизвестно. Карабейской же, отставши от них прежде того конями с четыредесатью, где обретаецца – також неизвестно» (8 сентября); «ротмистры Мощинской, Миколовской и Карабейской находятся теперь около Шкалмиржа и собирают там поголовные деньги» (18 сентября); «ротмистр Мощинской, Миколовской и Карабейской, от Нового Места в полумили, на Краковском тракте, в деревне Винярах стоит и выбирает поголовные деньги» (18 сентября); «партия презренных бунтовщиков Мощинского и Николовского коней больше ста... атаквала сего числа на рассвете Сендомир... их... вдоль полей, кроме в рощах, сочтено убитых 23, в полон взято 14, в том числе раненых 5. Примечательно из их допросов только, что они думали, будто и Сендомир опорожнен, в него войти хотели» (26 сентября); «ротмистры Мощинский, Вербовский и Климович стоят в местечке Хмельнике, у коих всех щитаецца до 300 коней, и с ними еще один ротмистр, которого имени неизвестно» (9 октября); ротмистры Мощинской, Николовской, Коробейской и Киневич имеют около 500-т коней (9 ноября);

«Миончинской (которой сам за болезнью в Венгрии остался) с Шицом и Радзиминской около 400 коней. В партии Миончинского 3 пушки и человек с полсотни пехоты» (15 августа); «про партию Миончинского уверяют, что она осталась за Биечом, ее ста три и 4 пушки» (29 августа); «из местечка Джикова... рапортовали, что на 28 число пред полуночью ротмистры Миончинской и Киневич во ста конях приехали и взяли поголовные деньги» (3 октября); «под местечком Опатовцом, которое лежит две мили выше Нового Места над Вислою, переправились на здешнюю сто-

рону мятежники маршалки Миончинский и с ним будто Держановский и Сухачевский, а прозванья неизвестно (чаятельно, что Стемпковский), у коих всех трех около 1000 коней, и переправясь пошли к соединению с Пулавским к стороне Петрикова» (9 октября); 17 числа от Опатова подходила «мятежничья партия Миончинского под командою полковника Корженевского, состоящая гусар близко ста, прочий товарищества партии Гадзевичевой», но были разбиты и к местечку Пацанову бежали «не более как в тридцати конях. Сих гусар я почитаю нововербованными в нынешнем году от Радзивилла в Венгрии, как я пред сим о том слышал» (21 октября); «Неприятель имел около трехсот пехоты и 1400 конницы и 6 пушек, и притом региментари Скельский и два брата Сапеги, полковники Шиц и Миончинский, майор Грушевский марш свой взяли к местечку Опатову» (16 ноября); «Капитан Дитмарн рапортует, что из местечка Островца, за Опатовым две мили, он верное известие получил, что там находятца великое множество мятежников; будто Миончинской и с ним еще вновь соединившихся мятежников не мало, в котором де числе может быть и Заремба» (28 ноября).

«Новицкой, бывшей прежде в Колбушовских лесах, пробрался в леса около Мелиц... у него с полтрети ста коней» (15 августа); «во деревне Пирков... полковники Новицкий, Грабковский и Кохановский и несколько незнакомых ротмистров, у коих было якобы до 500 коней» (15 октября);

«около Шашова было 500 конницы и 200 пехоты, от команды называемого маршалка Прилуцкого, кои к нему к деревне Рогову и потянулись, которая лежит от Нового Места в миле, на Краковском тракте» (9 ноября); «помянутой маршалок Прилуцкой не более в 11 – ти милях стоит от Сендомира» (9 ноября); «маршалок Прилуцкий в 500 пехоты и 1500 конницы и с 6-ю пушками из местечка Кельц пришел того ж 15-го числа в деревню Пирков, которая от Сендомира только в 5-ти милях и намерен атаковать Сендомир» (16 ноября)

«Пржендецкой с товарищи маловажен» (12 августа).

«Пулавской накопился снова близ 500... у Пулавского 3 пушки, пехоты осталось человек с 30» (15 августа); в «возмутительской партии маршалка Пулавского» есть гусарский шквадрон под командою поручика Форгача, «у Пулавского и другой был гусарской шквадрон под командою ротмистра Светковского. Означенной же ротмистр Светковской был прошлой раз с Новицким» (24 августа); «Пулавской находитца около Шкалмира» (24 августа); «маршалок Пулавской, соединясь с маршалком Держановским, которые по соединении имеют будто до четырех тысяч людей,... приблизились к здешним местам, где и стоят между Хмельников, Вислицой и Пенчовым» (26 августа); у Пулавского «считают меньше 1000 человек, а сот около семи вернее. Пушек у него не видали, пехоты же у него было только человек 30... с ним был Радзиминской» (29 августа); «О Пулавском сказывают, что оставил в Честахове небольшой гарнизон, а сам соединился с маршалком Зарембой и пошли к местечку Конек, которое лежит на Варшавском тракте от Келца в 5-ти милях» (18 сентября); «Пулавской с Прибором был за Ченштоховым и Конец Подем» (26 сентября); «господин полковник и кавалер Древиц рапортом представлял, что он от 16 до 22-го прошедшего сентября преследовал возмутителя Пулавского, но он всегда такими чрезвычайно великими маршами денно и ночью от него ушел, что возможности не было его истребить. А когда где стоял для попасу, то всегда за такими дефилями, болотами или реками, что с кавалериею приступ к нему не был... 22-го числа он [Пулавский] соединился под Конец Подем с партией Зарембы и протчими, срубили за собой мост и остановились» (3 октября); «Прошлого разу рассказывал мне господин Древиц про 600 гораллов, пришедших нарочно под Ченстохов с их топоиками записыватца в пулавскую пехоту» (14 октября);

«Суак с Вилконским малосильнее того» то есть, менее 200-300 человек. (12 августа); «О Суаке (или будто Саве, видно, что по известиям именами мешаютца, ибо Саве надлежит таскатца в Плоцком, ежели чегонибудь стоит) они (шпионы – А.В.) не слышали» (13 августа). Вот так – кто, где, когда, сколько...

Все эти данные были собраны, благодаря полевой и агентурной разведке. Суворов проверял и перепроверял информацию. Относился к ней критически. «Ежели деташементные командиры не лгут, то отчего ошибаются шпионы? например, прошлая партия, что к Крашнику гуляла, у них три тысячи. Досуг ли тому висельнику хорошенько счесть, да и выспросить»¹. Кто поставлял информацию о конфедератах? И на это Суворов отвечал: «Проезжих везде пропасть, бывают люди разумные, как по вольности польской, паче ничего тайного нет... Сами усердные нам обыватели, обремененные их грабежами, разоренные шляхтичи, сидящие спокойно дома; да и болтуны, но и жид в корчме лутче пьяного шпиона, которой для денег и веревки возвещает что угодно»².

К такой же разведке прибегали конфедераты. Так, 21 августа (1 сентября) Суворов получил рапорт с Пулавского поста, что в местечко Коженицы «17-го числа приехали два шпиона жиды и приказали во оном местечке приготовить одного целого быка, двести хлебов, вина боченок и три бочки пива на команду региментаря Доманского, причем оные ж жиды велели спisać публикацию Доманского»³. Русские таких шпионов ловили и наказывали. Вот письмо А.В. Суворова от 16 (27) июня 1770 года: «о шпионе жиде с его допросом також извольте отправить в рапортах генералу-порутчику. Отправленного же шпиона содержать в Люблине впредь до резолюции от генерала-порутчика, или лучше, избегая затруднения, прикажите при публикации в Люблине городскому кату ошельмовать, положить клеймы, отрезать уши; буде же таких клеймов нет, то довольно что и уши отрезать и выгнать из города метлами. А лутче всего прикажите его только высечь как-нибудь кнутом, ибо сие почеловечнее»⁴. Но уже в 1771 году, упоминая о вражеских шпионах,

¹ Там же. С. 371

² Там же. С. 372.

³ Там же. С. 291

⁴ Там же. С. 266.

Суворов писал: «Их столько много, что когда их изловят, я их выпросаю, отпускаю домой»¹.

Конфедераты тоже ловили шпионов. Так, согласно рапорту от 24 августа (4 сентября), с Опатовского поста секунд-майором Ушаковым «для лучшего сведения послан подлащик» уточнить, точно ли Пулавский находится в местечке Шкалмира. Оной посланной, «убоясь и не доехав до местечка Шкалмира», заехал в Пенчово «и привез от того местечка данное ему письменное свидетельство в котором пишут, что пред приездом его в ночи в местечко Пенчово, от Вадиславья и Ксенжа Великого, от нашего войска два жида также для разведывания [об] объявленном маршалке Пулавском были, и в самое то время, не знаемо от чьей команды, впало мятежников с великим голосом и привели то место в большой страх, забрав оных жидов, которые присланы были, и куда со оными поехали – не знают»².

Очередной всплеск активности начался осенью под Познанью. Русские в октябре часть познанского гарнизона перевели в Конин, боялись нападения конфедератов на этот город. В самой Познани осталось около 1000 русских солдат и несколько пушек.

На юге, в горах, у конфедератов дела не ладилась, хотя они и укрепились на самых крутых высотах в Низких Бескидах. Здесь с некоторого расстояния виднелся не покрытый лесом пик Лакова, который использовался для сигнализации (отсюда и полученное им название «Флаг Пулавского»). После боев 22 и 23 сентября (3 и 4 октября) 1770 года с русским подразделением генерала Древица конфедераты были вынуждены пересечь австрийскую границу.

Казимеж Пулавский потерял свой «Флаг» и, надеясь поднять свой авторитет среди маршалков конфедерации, решил покорить Познань. Нападение началось 5 (16) октября со стороны Гостыни через Шрем, Мосину, Любонь и Дембец. Утром 8 (19) октября

были захвачены деревни возле Познани с юга, например, Вильда, и русские (включая кавалерию) были вынуждены укрыться в городских стенах. Вечером к конфедератам присоединилась пехота Антония Мадалинского с двумя пушками. Вроцлавские ворота были немедленно обстреляны, а затем ночью поляки повели наступление со стороны церкви Св. Мартина. Все эти усилия оказались безрезультатными и обескуражили Пулавского, который, ко всему прочему, не знал, сколько конкретно россиян заперлись в Познани. Тотчас же появились слухи о приближении к русским помощи под предводительством Древица, и отбитый от Познани Пулавский приказал отступить через Любонь и Стеншев в Ченстохову, где русские должны были напасть на Ясную Гору и вызвать против себя гнев и массовый подъем населения.

Познань все еще пытались вернуть 29 октября (9 ноября) нападением из Чвалишева, затем были попытки в конце декабря 1770 года и в январе 1771 года. Но уже без Пулавского.

В ноябре 1200 всадников маршалка Черняховского, полковника Дрозда, Леонтовского, Рума, Рогалинского появились у Закличина на реке Дунаец. Они перешли границу и замаячили у русских тыловых складов 1-й армии. Князь Шаховской 7 (18) ноября атаковал их кавалерией, разбил и рассеял. Итогом боя стали 200 убитых поляков, 103 пленных, захвачено 4 орудия. У русских – 19 раненых (2 унтер-офицера, 11 карабинеров и 6 казаков), корнет и 3 донских казака пропали без вести.

У Потоцкого в Журже на Дунае оставалось до 100 конфедератов. Сам Потоцкий жил в Варне. В ноябре 1770 года он перебрался в Черноводы у Рущука для более устойчивой связи с Венгрией. При нем собрались 500 человек, ранее рассеянных по турецкой территории. «Положение их было очень стеснительно»¹.

К зиме больше всего конфедератов было в Великой Польше у Зарембы – 4-5 тысяч (из них 2 тысячи в герцогстве Познанском); 1 тысяча конных была у казака Савы; 3-4 тысячи насчитывали во-

¹ Там же. С. 372.

² Там же. С. 293.

¹ Петров А. Указ. соч. Т. 3 СПб. 1874. С. 14.

йска Казимира Пулавского; 3500 конфедератов Миончинского и 1200-1400 конфедератов Валева стояли в верховьях Вислы от Рабки до Бялы. Остальные укрылись в горах около Кракова. Все они надеялись на поддержку 8 тысяч, которые якобы были у Огинского в Литве.

Русские войска в Польше находились в следующих местах: войска 1-й армии стояли в Елисаветградской провинции; Веймарн охранял Варшаву, 4 тысячи Древица стояли на левом берегу Вислы, отдельный отряд Суворова располагался в Люблине, между Вислой и Саном к стороне Кракова 2 тысячи полковника Гейсмана наблюдали венгерскую границу. В Кракове стояли 1 тысяча полковника ОбSOLEVича, 2 полка кирасир стояли в Скавине у Кракова, много отрядов рассыпались по местечкам. Во Львове был отряд Ширкова. «Отдельные посты связывались между собою разъездами казаков»¹.

После того, как в 1769 году большая часть донских казаков была выведена из Польши, после побед Румянцева над турками, два донских казачьих полка в 1770 году опять послали на усиление русских войск в Речи Посполитой.

С 5 октября 1770 в Польше появился полк Ивана Платова, примерно тогда же туда прибыл полк бывшего походного атамана казачьих войск в 1-й армии Никифора Сулина. Иван Никифорович Сулин, служивший в полку своего отца, Никифора Сулина, в послужном списке указал, что в 1770 нес службу под «Быгдошем» (Быдгощ). То есть, прибывших казаков отправили в район Познани, которую постоянно пытались взять конфедераты Зарембы.

Полк майора Янова, отслуживший положенный срок, в 1770 году из Польши вывели.

С началом зимы Веймарн приказал Древицу взять Ченстохову.

Суворов же 17(28) декабря сообщил известную ему расстановку польских сил Веймарну: «Правда, слух был, что Миончин-

¹ Там же. С. 200.

ской хотел своротиться от стороны Билин в Ченстохово, не ложно как он, так и Заремба в великой побранке с Пулавским. Прилуцкой и Пржездецкой стали неважны. Сава графом Браницким наказан довольно, число же всех их и против уменьшительного я смею полагать половину. Считают также за верное, что пушек у Пулавского четыре, у Миончинского две, а ченстоховские или без лафетов, или вовсе не годятся»¹.

Предвосхищая возможный прорыв Пулавского в Литву, Суворов двинул дополнительные силы на Пулавы, которые лежат на Висле практически по прямой линии от Ченстоховы до Бреста. Отряд под командованием секунд-майора Китаева перешел там Вислу и выдвинулся далее на Зволень. По пороше удалось обнаружить следы крупного отряда полковника Заборовского в 400 коней, догнать его 17 (28) декабря и атаковать. Китаев докладывал, что «строющихся их троекратно помощью божескою разбил, и гнал с две мили, и бил их счастливо. Убитых в той деревне и в погоне до осмидесят, в которых два офицера... что из волонтеров раненых, которые по лесам остались до пятидесят человек, уже их брать было ненадежно. В неволю взято: полковник Заборовской и хорунжей Врублевский – вахмистром Калининым, ротмистр Ган – вахмистром Дехтяревым, гусар и почтовых и товарищества двадцать пять, в том числе вахмистр их один; большая часть изрублены, из которых умерли дорогою в местечке Гневашове ротмистр Ган, а из простых два. Больше работала конница, то-есть драгуны и карабинеры на палашах и казаки... в добычу взято значков три, а четвертой изрублен, и одна медная труба; лошадей сорок, карабинов с пятьдесят, пистолет пар шестьдесят, сабель пятьдесят, из которых розданы казакам вместо недостающего у них числа и пистолет, и сабель, также и лошадей под артиллерию, а прочие представляю при моем особливом регистре. С нашей же стороны милостию божескою убитых нет, ранены – драгун два, одному прострелена рука, а другому разрублено са-

¹ А.В. Суворов. Документы... С. 324.

блею на руке ж, да казак, тоже по голове разрублен, только все легко, так что и теперь службу исправить могут»¹. И еще в рапорте Китаева – и это бывает очень редко – приведен полный список командного состава разбитого им отряда: полковники Заборовский и Ставский; ротмистры: Пакуш, Малаховский, Лешинский, Жуковский и Ганн; поручики: Клубчевский, Зедлиц, Рубенковский, Бугунец; хорунжии: Барановский, Рублевский и Сторц².

Появившийся в документах полковник Заборовской, видимо, был новичком на этом театре, так как сразу был ранен («у него в двух местах разрублен череп»³) и взят в плен. Ну и декабря 23-го числа (3 января) пополудни в 1-м часу «возмутительской полковник Заборовской... от тяжелых ран волею Божию умер и погребен»⁴.

20 (31) декабря 1770 года Древиц осадил Ченстохову, это священное для поляков место, невзирая на многочисленные просьбы из Варшавы не осаждать город.

В монастыре у конфедератов было 40 орудий. Пулавский с началом осады освободился от лишних людей. 800 конных конфедератов из города ушли, как они сами говорили, в Литву поднимать восстание. Но русские в эти разговоры не верили. С постов докладывали: «По Висле идет лед, так что с великою нуждою на ту сторону на лодке проехать можно»⁵. При уходе конфедераты сами зажгли город Ченстохову. Древицу оставалось взять знаменитый монастырь.

У Древица были осадные орудия, присланные от Фридриха Второго. «Окружив монастырь казацкими пикетами и цепью,... Древич расположил на высотах две батареи...»⁶. 22 декабря (2 января) батареи открыли огонь. 4 (15) января 1771 года последовал штурм, но был отбит, и Древиц снял осаду.

¹ Там же. С.327.

² Там же. С.326.

³ Там же. С.325.

⁴ Там же. С. 329.

⁵ Там же. С. 329.

⁶ Петров А. Указ. соч. Т. 3. С. 203.

Кампания 1771 года

Кампанию 1771 года конфедераты в Великой Польше начинают с объединения сил, причем делают это решительно и с применением силы. 21 декабря (1 января 1771 года) Заремба издаёт манифест в Косьцяне, который заверяет его права на командование армией конфедерации. Манифест символически был опубликован почти под стенами Познани, в городке, под которым Заремба разбил русских. Далее, 30 декабря (10 января) он нападает под Буками (западнее Познани) на войска конфедератов Малчевского и Непомуцкого-Моравского, разбивает их и берёт командиров в плен. Затем, 10-19 (21-30) января осаждают Познань. Город защищал полковник Ренне с небольшой командой из 400 человек.

Первое неудачное нападение на Познань было совершено Зарембой со стороны Шерема в ночь с 8 на 9 (с 19 на 20) января. В течение следующих двух дней войска конфедератов двигалась рядом с городскими укреплениями, не нанося значительного урона русским. На третий день Заремба решил окружить город, но действовал неумело. Русские воспользовались этим и сделали вылазку на Чвалишево, где уничтожили некоторые польские отряды. 12 (23) января конфедераты на вербовали наспех вооруженных крестьян из деревень Познани – они должны были проложить путь кавалерии, которая не могла достаточно эффективно воевать против городских стен. В этой ситуации Ренне попросил перемирия на 13-15 (24-26) января. Он получил согласие Зарембы, который потребовал сдачи города и согласился на проход русского гарнизона из Познани с оружием до Варшавы. Ренне не согласился с такими условиями и начал готовить Познань к более длительной обороне. Нарушив перемирие, казацкие отряды начали жечь пригородные кварталы: Гроблу, Гяски, Пяски

и Свенты Марчин. Всего сожгли 100 домов, из которых 61 в Гробле. Завербованные крестьяне тем временем стали разбегаться.

Несмотря на действия казаков, Заремба не предпринял никаких ответных мер и честно ждал истечения срока перемирия. Ренне воспользовался этим и потребовал другого перемирия – 17-18 (28-29) января 1771 года. Заремба согласился. Он только потребовал, чтобы все конфедераты, взятые в плен, были освобождены, и город заплатил конфедератам непогашенные налоги, которые обычно платил королю. Русские освободили всех 95 конфедератов, заключенных ранее в тюрьму, и быстро собрали причитающиеся налоги, передав их Зарембе. Они также пообещали не передавать пруссакам пленных конфедератов в будущем. После достижения вышеуказанных целей 19 (30) января Заремба прекратил осаду и отвел свои войска от Познани. После его ухода Ренне, на всякий случай, приказал сжечь оставшиеся пригороды, чтобы предотвратить возможные в дальнейшем атаки конфедератов на город. Но это была последняя попытка конфедератов захватить Познань.

Познань в составе войск Рённе оборонял полк Петра Саврасова. Служивший в этом полку Попов Наум Ильич отметил в послужном списке, что под Познанью в 1771 году был ранен в левую ногу пулей и там же под Познанью ранен 6 раз саблей и копьем в спину, взят в плен (где томился 5 недель), но обменян. Это опровергает сообщения, что Заремба позволял казакам безнаказанно жечь предместья Познани.

Неудачная осада города серьезно ослабила военный авторитет Зарембы. Его даже обвиняли в измене. Среди других обвинителей был и Енджей Китович (Jędrzej Kitowicz), оставивший интересные мемуары о том времени. Естественно, не одобрял действия Зарембы Казимеж Пулавский. Оставление Познани за русскими войсками означало полное ослабление конфедерации в Великой Польше.

В начале 1771 года командующий войсками 1-й армии в Польше Эссен был болен, на его место получил назначение ге-

нерал-майор Кречетников. Войска 1-й армии в Польше, бывшие под началом генерал-майора Кречетникова, состояли из 1650 пехоты, 1500 кавалерии (на 1 мая 1771 года).

Но всего, вместе с частями Веймарна, русских войск в Польше было 12169 человек, в Литве – 3818. На вооружении состояли 74 пушки при 316 артиллеристах. Волконский и Веймарн разделили войско по постам неподвижным и подвижным – на гарнизоны и летучие отряды. $\frac{3}{4}$ солдат оставались в гарнизонах.

В отряде Суворова казаки были разбросаны по постам следующим образом: Рубишевский пост – 35 казаков; в Красностае – 10 казаков, в Крашнике – 10 казаков; в Пулаве – 10 казаков; в Коцке – 10 казаков; в Ленине – 10 казаков; в Люблине – казаков «десятка два»; в Сендомире – 10 казаков. На момент составления рапорта еще 12 казаков были направлены в команду с казною до Львова, и в «легкой детащемент» – отряд быстрого реагирования – Суворов обещал «набрать сотню»¹. В общем он имел примерно две сотни, но лишь одна сотня держалась компактно. И к какому полку принадлежала, нигде не сказано.

Военные действия велись обычно следующим образом: войска раздавали щелчки повстанцам и возвращались в гарнизоны.

2 (13) января берейтор 3-го кирасирского полка Паткуль, «будучи командирован с десятью человеками казаков для рекогносцирования около Семянич и далее слышенных им конфедератских партий», под деревню Прасове в четырех милях от Седлица «напал на маршалков Корчевского и Сувчинского, бывших с 15-ю коньми, отделенными от польской своей партии, где и разбил оных, а помянутых маршалков, одного хорунжего и четырех человек взял в полон. На месте убитых осталось двое, а из команды его ранен только один казак в поясницу пулею навывлет»². Паткуль, кстати, стал первым кавалером Ордена Святого Георгия.

¹ А.В. Суворов. Документы... С. 342.

² Там же. С. 339.

Здесь не обошлось без потерь, но обычно казаки выезжали и вылавливали по одному пьяных повстанцев. Так, «по известию местечка Закликова от жида о бывших во оном генваря 9-го числа трех бунтовщиках» были посланы вслед за ними и для разъезда корнет Шлихтен и прапорщик Подладчиков с 6-ю драгунами и 10-ю казаками, «которые не доезжая Франполя за полмили в деревне Кременце схватили в корчме той же партии пьяного бунтовника, с лошадью, саблею и одним пистолетом, у которого спрашивали, что где его двое товарищи, но он действительно не знал, куда они от него поехали, по притчине, что он смертельно был пьян, и так, доехав до Франполя, возвратились назад»¹.

Тот же корнет Шлихтен 20 (31) января обследовал Рахов, «и по известию жидовскому в Рахове не было возмутителей». Но «того местечка эконома» сообщил, что партия мятежников ожидается, а пока «де стоит отсюда малые четверть мили в корчме, чего ради Шлихтен с командою бросился за Вислу прямо к той корчме, которую окружил и отбил ворота, искал их во всех местах. Но бунтовщики со страху, оставя свое все оружие в корчме, разметались: иные наверх корчмы, другие под лошадиные ясли, но всех из помянутых нор вытащили» и доставили на пост шестерых конфедератов с одним значком².

«Вялотекущая партизанщина» устраивала многих русских офицеров³. Они стали носить польские шапки и польское платье. «Пример берут с них и рядовые, уже им и государева шляпа лоб жмет, уже подмышками и кафтан тесен», – негодовал Суворов⁴.

Солдаты, скучая в гарнизонах, занимались мелочной торговлей. Исключение составляли войска Суворова и Лопухина. Некоторые офицеры съезжались с конфедератами и пировали. Солдатская жизнь текла не так весело. Дурно понимаемая команди-

¹ Там же. С. 333.

² Там же. С. 337.

³ Богданов А.П. Наука побеждать. Генералиссимус Суворов... С. 168.

⁴ А.В. Суворов. Документы... С. 335.

рами экономия – скупость – была причиной плохого состояния русских войск в Польше и Литве.

Конфедераты на малопольской территории удерживались в Ландскроне и Ченстохове. Именно в этом регионе конфедераты взяли в свои руки три могущественные крепости, которые впоследствии стали его основными цитаделями: монастырь в Тынце, монастырь на Ясной горе (Ченстохова), а также замок в Ланцкорне.

Новые и новые отряды возникали вместо разбитых: «ротмистр Сташевский приехал с 50-ю коньми»; «100 коней команды Ставского, ротмистра Мерецкого и порутчика Стрелецкого»; «6 человек возмутителей с товарищем Студенским»; 60 человек при «порутчике Венсовском» и «хорунжей Лисицкий в числе двадцати коней».

Их мечтою было захватить Краков, древнюю столицу Польши, для проведения сейма и выборов нового короля.

Граф Юзеф Миончинский, маршалок бельский, с своими отрядами пытался захватить Краков после Рождества. 2 (13) января «маршалок Миончинской и Прилуцкой атаковали прежде предместье Казмир, где наша была пехотная команда, которые от них отступили в Краков, куда и они нападение сделали, при которой атаке из наших на Казмире убито 9 человек, а от них гораздо много: от гусар майор и порутчик, от бошняков ротмистр в самых Краковских воротах... Мятежники, отступя от Кракова тогда одну милю, остановились в деревне Велички, а оттуда куда пошли – известия нет»¹. После выяснилось, что «Миончинской после атаки Кракова перешел чрез Вислу и пошел к горам»².

Во время боев Миончинского под Краковом, он все же не забыл об укреплении Ланцкроны и направил туда пехотное подразделение под командованием полковника Адама Скильского. Поскольку укрепления замка были архаичными (XIV-XVI вв.), их восстановление было поручено французскому военному инже-

¹ Там же. С. 333.

² Там же. С. 336.

неру полковнику Де ла Серру, назначенному комендантом крепости. Еще несколько французских офицеров были назначены помогать ему. За короткий срок Де ла Серру удалось построить деревянный редут и ограду вокруг замка.

В конце января Суворов был извещен командованием, что поляки хотят захватить Краков и с отрядом устроил поиск в соседнее воеводство. С 4 ротами, 5 эскадронами и несколькими пушками он переправился через Вислу у Сандомира и двинулся вверх по правому берегу к Тарнову и Величке. 4 (15) февраля он занял Мелец, откуда доложил, что «третьего дня был здесь только полковник Миончинского Коцяцаров с полуторами [тысячами] и пошел к Полонцу»¹. По дороге отряд захватил 50 пленных.

7 (18) февраля отряд Суворова вступил в местечко Величка, лежащее южнее Кракова, за Вислой, и 8-го (19-го) рапортовал: «Вашему высокопревосходительству доношу, чрез Тарнов и бунтовницкие гнезды пришли мы сюда вчера пред полуночью»². В Величке отличились казаки. «Арцыбашев с двенадцатью казаками здесь атаковал Ленартовича со сто коньми, восемьдесят ушли в Ланскорон, двадцать боронились, из них заколото три, двенадцать взято в полон. У нас убытку две лошади раненых, два казака, и нечаянно сержант Сабуров»³.

Поляки были рассеяны и побежали к австрийской границе. Часть зацепилась за городок Ландскрона, за замок над городом.

«Сотню пехоты и казаков пятьдесят беру я на время из Кракова, а потом с помощью божиею благославите тепере лезть чрез тройные палисады и рогатки ланскоронные»⁴, – написал Суворов в том же рапорте от 8 (19) февраля.

9 (20) февраля Суворов, имея 800 солдат (по польской версии – 1800), атаковал Ланскоронский замок. В Ланцкороне дислоцировались около 400 кавалеристов и 80 пехотинцев в под

¹ Там же. С. 343.

² Там же. С. 343.

³ Там же. С. 344.

⁴ Там же. С. 344.

командованием Юзефа Миньчинского (младшего). В городе также было три французских офицера: де ла Серр, Дюкло, Деспрез, задачей которых было укрепить крепость. Узнав о приближении врага, Миньчинский приказал кавалерии отступить к Затору, а пехоте приказал усилить оборону замка, защищать который обязал французских офицеров.

Оборонял замок и командовал всей пехотой конфедератов, как считали русские, «подполковник Левен, которой хвастал, что он на пенсии у короля французского»¹.

Несмотря на сложные погодные условия (глубокие сугробы, обледенелые склоны холмов) и крутизну горы Ланскорон, русские войска быстро атаковали замковый холм и преодолели сопротивление сил, защищающих редут перед стенами крепости. Отряд, который защищал редут, был вынужден отступить в великом беспорядке. Однако конфедератам удалось поднять подъемный мост, а русские начали стрелять по крепости из пушки, захваченной во время штурма редута.

По рапорту Суворова, «пехотные колонны перелезли все ланскоронские рогатки с великою храбростию, выгнали из местечка всю мятежничью конницу, взлезли на всю крутизну горы замка и, перелезши последние окружные рогатки, их разрубили и разбросали и, овладевши двумя пушками, сбивши все, что ни попало. Предводящей голову Дитмарновой колонны Суздальского пехотного полку прапорщик Подладчиков уже с его передовыми гранодерами пробился сквозь ворота на их внутри замка стоящую последнюю пушку, ибо другие две тоже почти от прутчика Борисова с егерями снаружи замка отрезаны были»². Но в это время все идущие впереди колонн офицеры были переранены, и солдаты отступили.

Тем временем французским офицерам (де ла Серре, Дюкло и Деспрезу) удалось под прикрытием стен замка остановить и пе-

¹ Там же. С. 351.

² Там же. С. 344-345.

рестроить конфедератов. После перестроения рядов защитники приняли решение об атаке, чтобы вытеснить русских с холма замка. Атака велась с двух сторон. Сам де ла Серр перешел подъемный мост и атаковал войска Суворова в лоб силами в 65 штыков, в то время как группа из 15 конфедератов под командованием двух его соотечественников Дюкло и Деспреза выскользнула из крепости через боковые ворота и напала на русских с фланга.

Около половины шестого вечера Суворов приказал отступить. По польской версии, русские потеряли около 400-500 солдат, в том числе много офицеров и даже некого «младшего брата самого Суворова».

Суворов доложил, что его потери составили 19 убитых, 7 раненых, 2 пропавших без вести. Все же Суворов взял 2 орудия.

О польской атаке Суворов не упоминал, причины поражения он видел в другом. «Как лутчие офицеры переранены были, овцы остались без пастырей, и мы, дравшись часов шесть, оставили выигранное дело», – сетовал потом Суворов в письме князю Шаховскому¹. «Осталось мне только привести пред вечером людей в военной порядок, оставить все невыигранное дело и тихо отступить», – рапортовал Суворов² из Мысленицы. Позже он увидел причины поражения в том, что:

«1-е. Офицеров били как уток по их щегольской, роскошной, принятой от побежденных [поляков] одежде, которую по правде может носить только партизан.

2-е. Особливо наша, на образ кроат летающая из угла в угол, пехота совсем экзерцирование эволюции для атак и маневры за-была»³. То есть, пехота, разобранная поротно и воюющая на разных постах, наподобие австрийской легкой пехоты (кроат), разучилась драться и маневрировать в сомкнутом строю.

Погибшие все были солдаты Казанского и Суздальского пехотных полков. Конница Суворова, кроме нескольких драгун,

¹ Там же. С. 358.

² Там же. С. 345.

³ Там же. С. 358.

стояла в поле. Конница Миончинского, соединенная с конницей Шица, «делали на оную разные покушения», но были отбиты.

Суворов принял решение «оборотиться к стороне Сендомирской для закрытия Люблина и запасть оттуда патронами». Взятых из Кракова солдат и казаков он отпустил братно в Краков.

Возомнившие о себе поляки пытались преследовать уходивший русский отряд. Суворов доложил: «подъехало мятежников со стороны Ланскоронской на мои форпосты от ста до ста пятидесяти коней, кои были Воронежского полку от прапорщика Казимирова с частью драгун и казаков атакованы и разбиты. Убитых на месте сочтено семнадцать, в поле найдено восемь, в полон взято с офицером пять человек»¹.

Когда Суворов находился под Ландскроной, ордером № 275 от 10 февраля Веймарн сообщил ему «сведения о намерениях Миончинского и Пулавского овладеть Краковом для собрания там сейма и выбора нового короля, для чего якобы в Ландскроне изготовлялись петарды, а в Ченстохове делались большие запасы провианта и фуража. Затем сообщал о посылке Суворову подкрепления и о данных распоряжениях Древицу и Лопухину наблюдать за движением конфедератов к Ченстохову и Кракову и предлагал принять все возможные меры для охраны Кракова и снабжения его провиантом, фуражем. аммуниией и боеприпасами».² Тогда же было получено известие от Краковского коменданта, что к городу приближаются отряды Пулавского и Савы.

Суворов повернул к Кракову и вошел в город. 13 (24) февраля он доложил Веймарну: «По бывшему здесь слуху, якобы Пулавской с Савою приближаютца к сему месту, нашлось, что Радзильской, Сава и Славушевский с четырьмя пушками от Водзислава своротили к Пинчову, куда я, оставя здесь больных и раненых, выступаю сего числа пополудни в два часа»³. О Миончинском

¹ Там же. С. 345

² Там же. С. 351.

³ Там же. С. 346.

после его недавнего поражения под городом, видимо, в Кракове слухов не было.

Из заметных дел в это время можно назвать разгром бунтовщика Савы. Впервые сведения о нем появились в начале января, «что не малое число бунтовщиков находятца в Семятичах под командою Савы», и что королевские полки, стоящие в Бресте, 11 (22) января выступили туда, «но по полученным вернейшим известиям оных тамо не было, и полки возвратились в Брест»¹. Теперь Сава вместе с Пулавским появился неподалеку от Кракова.

Суворов устремился в погоню за объединившимися вождями конфедератов, но они в Пинчове разделились. Пулавский и Радзиминский пошли на север, к Кельце, а Сава двинулся на северо-восток чрез Раково к Ожарову и Сенне. Захваченные пленные подтвердили, что намерение конфедератов было прежде идти на Краков, а потом на Сендомир.

Суворов не предполагал догнать Саву. Он усилил посты в населенных пунктах на двух дорогах, идущих в Люблин. Десять казаков были оставлены в Опатуве, еще десять – в Сендомире, теперь их там стало двадцать. И 16 (27) числа Суворов, видимо, получил сведения о нападении конфедератов на часть Суздальского полка стоящую в Краснике. Суворов написал Веймарну: «Как можно надлежит мне приблизиться к Сендомирской стороне и выучить их попрежнему, ежели предуспею. Однако все у меня для какого большого дела пехоты мало, да недостает сотни казаков»².

Талантливый военачальник Пулавский распустил слухи, что идет на север, но на самом деле резко свернул на восток, соединился с отрядом Савы и, пройдя около 100 верст, напал на русский гарнизон в Краснике. Видимо, план его был – прорваться на Красник, Савицы, Пулаву, Люблин и далее идти на Литву.

Суворов бросился к Краснику, но по дороге ему в селении Рахов попался отряд Савы. В полночь на 18 февраля (1 марта)

русские атаквали его. У Савы под командованием было 400 драгун, половина из отряда Пулавского. Когда Суворов бросил свою конницу в атаку, большинство конфедератов сидели в корчме. У Суворова конницы с казаками было 200 человек, но они решили дело. «При казаках был Суздальского порутчик Кушников и под ним убита лошадь, атака была на корчмы, где Воронежские драгуны действовали штыками»¹. У поляков был убит первой стражи ротмистр Мостовский и еще один офицер. Других убитых Суворов не считал, так как спешил к Краснику выручать солдат Суздальского полка. После подсчитали, что «только оных Пигловских товарищей одиннадцать с унтер-офицерами же и рядовыми, драгун, гусар и шеренговых шестьдесят восемь человек; секунд-майор Китаев в арьергарде сверх того привел трех»². Из отряда самого Савы, «может быть, пропала половина, понеже пехота сыскивала кроющихся в строениях и обороняющихся скальвала, а всего ушло к пулавцам и Крашнику человек 50, да за Вислу нечто убралось»³

«Савинской обоз взят весь, – докладывал Суворов, – токмо по притчине моего бескорыстия и темной ночи никакого описания тому сделать не могу»⁴.

В отряде Суворова убитых не было, а ранения получили драгун воронежских два, казак один.

Савва Цалинский бежал. Вскоре, опираясь на замок в Шренске, он снова собрал до 2000 конфедератов и хотел идти на Литву. Свой поход он начал со сбора контрибуции около Бремена. Командующий польскими королевскими войсками коронный гетман граф К. Браницкий дважды разбил Савву, а 13 (26) апреля 1771 г. отряд Савы был разгромлен под Млавой, у того же Шренска, командой премьер-майора Нарвского карабинерного полка К. М. Салемана. Тяжело раненный Савва попал в плен

¹ Там же. С. 334.

² Там же. С. 352

¹ Там же. С. 347-348.

² Там же. С. 347.

³ Там же. С. 348.

⁴ Там же. С. 348.

и умер от ран в начале мая на руках своей матери, которую возил с собой во всех походах. Савву считали одним из самых храбрых и предприимчивых конфедератов. Савва Цалинский (Чаленко) (1744–1771) был сыном одного из приверженцев мазепинца Орлика. Перейдя на сторону поляков, старший Чаленко воевал против гайдамаков-запорожцев и был убит ими, когда его сын находился во младенчестве. Мать Саввы вышла замуж за польского офицера и воспитала своего сына в ненависти к Украине.

Но вернемся к событиям под Раховом... Не задерживаясь, Суворов поспешил к Краснику, где капитан Панкратьев с сотней солдат Суздальского полка дрался уже 9 часов. «Обоз и пленные меня весьма обременяли, так что я в Крашник шел только на прорыв, а пулавцы убирались по обеим сторонам в лесах», – докладывал Суворов¹.

Пулавский бежал до подхода Суворова. Русские взяли 93 пленных, из них 6 начальников, конфедераты рассеялись и ушли за Вислу.

Известно, что до того, как вернуться на помощь своему полку, осажденному в Краснике, Суворов вступил в Казимир и захватил в плен эскадрон какого-то маршала Жабы². Трагифарс какой-то!..

После этих сражений и маршей Суворов опять жаловался Веймарну на недостаток казаков. В его корволанте – подвижном отряде – при трех ротах пехоты, трех эскадронах кавалерии казаков набиралось всего около восьмидесяти. 24 февраля (7 марта) он писал в рапорте из Опатова: «Сверх того, хотя бы я иногда и разбил, да что я могу решить, казаков я больше не набрал штидесяти пяти человек, все тут мое легкое войско, то не только чтоб делать погоню, но и для разъездов не станет. Драгуны по казачьему не долго наслужат, разве перепортишь карабинер»³. И позже, 3 (14) марта, жалуясь на недостаток казаков, Суворов писал, что карабинеры пытаются заместить собой казаков, но у них не полу-

чается: «Особливо страшно, что карабинеры у них перенимают. Пустое же есть, ежели бунтовники пошли на истинное умыканье, чтоб карабинеры за ними гнались и полмили беспорядочного марша... Карабинеры всегда будут тяжелы против бунтовников»¹.

Что касается противника, то, по данным на 25 февраля (8 марта), «Сава, Радзиминской, Пулавской и Славушевской (сей последней от Сухачевских бунтовников) вместе, говорит, что в страхе, в гневе и горести из Хенцина убирались к Ченстохову». А что касается их числа, то «обе святотатственные партии Меончинского и Пулавского едва свыше 1500 людей имеют»².

После боев, 1(12) марта, Суворов в записке Веймарну дал оценку ситуации в Польше. Познань – «центр Великой Польши, гнездилище конфедератов»³, – отмечал он. Что касается сил конфедератов, то в своей записке Веймарну Суворов оценил их весьма скромно: «Иные уже и так их хотят считать всех в Польше сорок тысяч, а их только четыре!»⁴. «Литва угрожаема огнем и мечом, да от кого, от тысячной толпы бунтовщиков»⁵.

Указывались слабые места конфедератов: «они, как бегущие, ходят без отдыха»; «довольно изнурясь, для куражу упиваются в корчме, за лошадей не смотрят и не проспавшись бегут опять»; «содержат они многолюдные выше меры пикеты», в которых люди и лошади утомляются. Далеко они не убегут, поскольку постоянно рассылают людей для сбора фуража и денег. Надо не гонять за командирами, подобными Саве и Пулавскому, «тех не догнать, разве за ними отделить особливого разумного партизана, которой их в лицо знает. Они же потом опять к той своей, что побольше, части явятца»⁶. Надо идти на их главный отряд и подбирать раненых и здоровых, что с ранеными остались. Через

¹ Там же. С. 348.

² 1piar.ru/folio/folio-87927-8tr.27.php

³ А.В. Суворов. Документы... С. 354.

¹ Там же. С. 368.

² Там же. С. 356.

³ Богданов А.П. Наука побеждать. Генералиссимус Суворов... С. 168.

⁴ Там же. С. 169.

⁵ Там же.

⁶ А.В. Суворов. Документы... С. 370-371.

2-3 суток они обычно накапливаются и останавливаются, тут их и надо бить¹.

Впрочем, Суворов подметил походный порядок конфедератов: «Они когда не побиты, ходят на три части: Корпус и две боковые патрули; где больше опасности – тут побольше людей, и называется у них правое крыло, левое крыло; у корпуса есть перша стража и отвод. Есть иные шатающиеся партии для выбивки фуража по пяти и шести человек, да подъезды – офицер или товарищ сам друг, за ним вдали шесть человек, а когда разбиты, то сие правило наблюдают по возможности, поелику умычка сильна»². Это, видимо, настораживало Суворова. Он стремился быстрее завершить войну, поскольку «всякое продолжение войны, особливо победы, просвещают побежденных»³. Боялся, что конфедераты научатся воевать.

В итоге Суворов предполагал, что тщательная разведка и одновременный удар по всем гнездам конфедератов в течение суток могут решить дело.

Свои рекомендации Суворов называл «mes reveries» – «мои мечты». Они строились на достоверных или предполагаемых данных о силах и нахождении конфедератов и четких рецептах, как кого бить.

У Ландскороны – Миончинской с Скильским, Шиц, Прилуцкой, Пашковской около тысячи человек, в том числе триста пехоты и пять пушек. Замок или штурмовать, но это «стоит людей», или блокировать. Для этого нужен батальон пехоты, четыре пушки, четыре эскадрона карабинер, двести казаков. Если они устроят диверсию на Люблинскую сторону, то для отражения нужен отряд в две роты пехоты с двумя пушками, четыре эскадрона карабинер, 200 казаков. «Положить сей экспедиции главным, например, Суворова»⁴.

¹ Богданов А.П. Указ. соч. С. 170.

² А.В. Суворов. Документы... С. 363.

³ Там же. С. 372.

⁴ Там же. С. 359-360.

Кругом Ченстоховы Пулавской, Радзиминской, Слаушевской, пехоты у них от трех до четырех сот, пушек две добрых, две посредственных полевых, на стене восемьдесят, стреляют через голову, и порошу на них мало. Конницы сот пять-шесть. Для их обложения и блокады необходим баталион пехоты, четыре пушки, четыре эскадрона карабинер, казаков – Чугуевской полк весь (этот полк считался лучшим казачьим полком армии). Если Радзиминской и Славушевской с кавалерией сотен в пять отделятся от Ченстохова, то надо иметь резерв, состоящей из двух рот пехоты с двумя пушками, трех эскадрон карабинер, двести казаков, которому надо не допускать их в Конецполье, где они могут встретиться с отрядом Зарембы, а также препятствовать их набегу в сторону Кракова. «Главным предводителем, например, Древиц, в добром согласии с Суворовым, друг против друга были бы не спесивы. С Ландскороном и Ченстоховым начать вдруг в один положенный день»¹.

Заремба с отрядом силой менее пятисот всадников действует в Великой Польше. Раньше там с ним дрался Древиц, «нападал на квартиры Зарембины». Против него нужен «деташементной командир, человек не меньше Зарембы трудолюбивый и искусный» (Древиц Суворову таким не казался). Если такового не будет, «или не имеет способу с ним драться», то пусть хотя бы не подпускает Зарембу к Ченстохове, «малых партиев против его, кроме необходимых разъездов не делает и старается, чтоб по возможности брать у него тыл»². Для этой операции, считал Суворов, надо иметь две роты пехоты с двумя пушками, четыре эскадрона карабинер, двести казаков.

У Торуня, в зоне ответственности Лопухина, действуют Пржендзецкой, Малчевской, Мискорской, которые могут иметь войска сот пять. Нужен «деташементной командир такой, чтоб всегда за ними гонялся и их бил, чтобы они Ченстоховской экс-

¹ Там же. С. 360-361.

² Там же. С. 361.

педиции не помешали и не давал бы им способу разбиваться на партии, сколько может. Ему войска две роты пехоты, которую возит на обывательских конях верхами с двумя пушками, три эскадрона карабинер, двести казаков»¹.

Под Плоцком Сава имеет от ста до двухсот коней, на него нужен «доброй партизан, которой бы отнюдь на панских дворах не пил кофей; ему довольно одной роты пехоты верхами с пушкою, эскадрона одного карабинер и пятидесяти казаков. Нападал бы на него более ночью, всегда бы за ним гонялся и не давал бы ему покою»².

По речке Пилице и к югу до Радома действуют «карчевцы», «сувчинцы», Развадовской. Они «под носом расшириваренных бресцких уланов под шумок схватили в Мезериче больше ста человек воеводы Черторижского». Там же отряды Доманского, Ставского, Вербовского. Эти будут беспокоить сторону от Шидловца до Козениц, до Лукава, до Седлица, то есть подходить с юга к самой Варшаве, их будет ста три-четыре сборной ухи, на них доброго партизана. Одна рота пехоты верхами с двумя пушками, два эскадрона карабинер, сто казаков; движения его всегда с ними, вплоть и везде их бить по возможности»³.

Кроме того оставались много раз битые Грабской, Миколовской, Мощинской, Киневич, Гадзевич, Коробейской «и иные для вербованиев и поборов», имевшие до пятисот всадников. С ними, считал Суворов, «пусть дерутся посты».

Таким образом, Суворов считал, что для подавления мятежа от Ландскроны до Торуня достаточно иметь 4 батальона пехоты (в 1 батальоне – 5 рот), 19 орудий, 25 эскадронов (5 полков) карабинеров, 1150 казаков и особо Чугуевский казачий полк. Вот такие были «reveries».

Впрочем, Суворову пока оставалось рекомендовать и жаловаться из Сандомира. Висла вскрылась, ледоход разорвал его отряд, отрезал команду Китаева, драгун и казаков, на правом берегу.

¹ Там же. С. 361.

² Там же. С. 361.

³ Там же.

Конфедераты и их «инструкторы» из Франции готовили новое наступление. Полковник Дюмурье формировал за границей батальон из австрийских и прусских дезертиров. 4 тысячи местных конфедератов оставались на территории Польши, тысяча наемников готовилась для вступления в польские пределы.

Стоящие в Польше войска 1-й русской армии в это время довольно некстати получили нового командира. Генерал-поручик фон Эссен 22 марта (2 апреля), «для излечения болезненных его превосходительства припадков», был уволен на год и свой корпус передал генерал-майору Черторижскому, и это конфедератов обнадеживало.

20 (31) марта план кампании конфедератами был составлен. Дюмурье намеревался набрать 60-тысячное войско и начать наступление по нескольким направлениям. Маршалок великопольский Заремба и маршалок вышеградский Савва Цалинский (Чаленко) с 10-тысячным отрядом должны были идти на Варшаву. Впрочем, о судьбе Саввы мы уже знаем... Что касается Зарембы, то в марте он, потерпев поражения под Кротошином и Кобылином, отступил в Силезию, где начал перегруппировку своих войск и, при поддержке берлинских евреев, организовал поставки оружия и фуража. Переход его отряда в наступление пока что был проблематичен.

Казимир Пулавский получил задачу атаковать русские склады в Подолии. Планировалось, что Литовский гетман Огинский с 8 тысячами литовского войска (на самом деле у Огинского не было и половины такого числа солдат) двинется на Смоленск. Сам Дюмурье с 20-тысячной пехотой и 8-тысячной конницей собирался напасть на Краков, взять его, идти на Сандомир, а оттуда уже либо на Варшаву, либо на Подолию – где дела будут складываться удачнее. План был обречен изначально, поскольку у конфедератов не было запланированного количества пехоты. Чтобы привлечь такое количество австрийских дезертиров, надо было ждать, когда разбежится примерно треть австрийских пехотных полков. Если набрать польских мужиков, нужно было время

на обучение, а шляхта служить в пехоте не считала достойным. Но и с минимальным числом пехоты наступление конфедератов все же началось.

В апреле 1771 года вместо Волконского русским послом в Варшаву был назначен Сальдерн. Его назначение совпало с новым наступлением конфедератов.

В зоне ответственности отряда Суворова конфедераты активизировались. Суворов заметил это: «Ныне же бунтовники, просто сказать, подерзновеннее и поизбалованы, а сильнее против прошлогоднего почти вдвое»¹. 14 (25) апреля казаки погнались за 4 разведчиками отряда Николовского, который послал их искать переправу через Вислу, «потому что вода разлилась очень высоко», и поймали двух «товарищей». В тот же день 12 казаков перехватили в местечке Завиховстве пятнадцать человек и девяносто пять лошадей. Пойманные объявили, что они купили тех лошадей на ярмарке в местечке Тороби и направляются к Кракову. Всю компанию задержали до выяснения личностей. 15 (26) апреля мятежники выходили к селению Скрынне «за фуражем и хотя казаками гнаны были, но, вбежав в лес, догнаны быть не могли»². Бывший на посту поручик Ф. Козляинов отправился с командой узнать, от кого прибыли фуражиры, и обнаружил отряд около шестидесяти коней при ротмистре Будинском, которой прислан был от Миончинского к полковнику Вербовскому, «чтоб оной маршировал с командою к нему, да еще примкнул к Вербовской команде полковник Ромер, приехавший из под Кракова, где выбирал деньги, в тридцати гусарах и пятидесят почтовых с товарищами». Всем этим отрядам предстояло маршировать «под Краков в обоз, для чего нарочно и прислан с повелением ротмистр Прилуцкой»³. То есть, все местные отряды отзывались к Кракову.

Заметив приближение отряда Козляинова, конфедераты решили напасть на него ночью, когда тот стоял в селении Кори-

¹ Там же. С. 376.

² Там же. С. 384.

³ Там же. С. 385.

тиске. Ротмистр Будинский напал, но неудачно. «Хотя уже народ и спал, но бикетные, увидя их подкрадавшихся, дали знать, где тотчас с поспешностью кавалериею их прогнали и убили у них пушечным выстрелом двух. Он же, Козляинов, несколько опасаясь, чтобы не было какого подлогу, возвратился обратно в вышеозначенную деревню для забрания плащей и пошел за ними следом, чего они не думали, нагнал их в местечке Скрынне, где, хотя они и начали отстреливатца, но казаками и драгунами в бег приведены были, из которых двенадцать убито, восемнадцать в полон взято, в том числе: 1 вахмистр и 1 квартирмистр, из оных двое от ран умерли»¹.

Ротмистр Будинский бежал к местечку Рвову, откуда ему на помощь уже спешил Вербовской, «а как уже лошади наши приставши были, то сделав он, Козляинов, пространной фронт, ожидал их к себе на дело, чего они учинить не отважились, а старались пересечь ему дорогу к Радому. Но он, Козляинов, выслал с фланга по нескольку коней, драгун и казаков, маршировал своим трактом к Радому и прибыл в Радом благополучно. В маршировании ж еще пять человек казаками заколото, причем порутчик Фок весьма хорошо доказал своими драгунами и чрезвычайно смело работал и казаков очень хвалит»².

Этот рапорт Суворова датирован 18 (29) апреля. В день начала общего наступления конфедератов.

В апреле Дюмурье приехал в Ланцкорону руководить операциями и командовать новыми отрядами конфедератов. Прежде всего он укрепил сам замок. 10 пушек были развернуты на недавно построенных земляных укреплениях крепости. Гарнизон их состоял из 300 солдат. Дюмурье организовал в Ланцкороне склад оружия (включая 15 орудий) для нужд полевой армии. Войска конфедерации сосредоточились в городах ланцкоронского староства и ждали приказа наступать на Краков.

¹ Там же. С. 385.

² Там же. С. 385-386.

Дюмурье приказал Зарембе к концу апреля идти из Позена через Рава к Радому. Пулавский из Ченстоховы с 10 легкими орудиями, 300 пехотинцами и 400 конных двинулся через Северин и Липовец к Бобрику на Висле. То есть, для него план был изменен, двигался он отнюдь не в Подолию. Валевский с 2 орудиями, 400 пехотинцами и 1200 кавалеристов – из Бялы на Бобрик. 1300 гусар полковника Шиц обманули казачий отряд в дефиле у Кенты и пошли на Освичим (Освенцим). Миончинский с 2 орудиями, 300 пехотинцами и 4000 конных из Ландскроны устремился к Кальварии и на пост в Скавине. В целом мы видим, как Краков отсекается от Варшавы и берется в полукольцо.

Время наступления совпало со временем бала в Кракове, 18 (29) апреля, где должны были собраться все русские офицеры из близлежащих гарнизонов.

В ночь с 18 на 19 (29-30) апреля Дюмурье с Миончинским напали у Ландскроны на Кальварию, где стоял русский батальон, батальон ушел к Затору и на Тынец.

Тынец – бывшая деревня недалеко от Кракова, которая была включена в Краков в 1973 году. Селение расположено в западной части города, на правом берегу Вислы. Тынец известен в основном благодаря бенедиктинскому монастырю, существующему с 1044 года, одному из самых богатых и значимых в Польше.

Польская кавалерия в Скавине атаковала русскую кавалерию, было убито и взято в плен 100 человек, захвачено 200 лошадей. Из Скавины поляки двинулись к Кракову. 18 (29) апреля французы захватили Краков, отбросили бывшие там войска Древица. Русский гарнизон Эбшелвица укрылся в замке.

Пулавский выбил русский пост из Бобрика, вышел к реке Дунаец и занял переправы.

Дюмурье у Кракова укрепился в монастыре Тынец, имея при себе 400 пеших и 6 орудий, в замке в Бобрике оставили 200 пеших и 2 орудия. По распоряжению Дюмурье вокруг Кракова создали 5 укрепленных пунктов. Миончинский занял соляные копи

в Бохне и Величке и охранял Ландскрону. Валевский стоял в Бобрике и Освичиме (Освенциме).

«Унижаясь в неудаче, конфедераты были до безрассудства самоуверенны при самой незначительной удаче»¹. После удачных боев под Краковом они перестали бояться русских. «На аванпосты посылались крестьяне»². Запасы соли, захваченные в Бохне, конфедераты за бесценно продали евреям и продали вперед будущую добычу соли.

Денег, вырученных за соль, не хватало, и они требовали денег у Дюмурье. Тот ответил, что конфедераты «не стоят ни денег, ни покровительства Франции»³. При нем постоянно находились 200 французских солдат и 20 офицеров. Это спасало его от нападений шляхты.

Некоторых конфедератов, находившихся на территории Венгрии, в Эпирнеше, не выпускали в Польшу из-за наделанных долгов. Денег, чтобы рассчитаться и выехать в Польшу, конфедератам дали саксонцы. Пулавский, раздасадованный позицией французов, хотел арестовать Дюмурье, но получил ответ: «Пулавский, не рискуйте на подобную попытку, иначе я велю расстрелять вас в присутствии ваших же солдат»⁴.

Подобные разбирательства могли продолжаться бесконечно, но русское командование в Польше отреагировало. Ордером № 791 Веймарн шифрованно известил Суворова о полученном им письме от русского посла в Вене Голицына, в котором сообщалось о намерениях конфедератов двинуться вместе с французским полковником Дюмурье, с артиллерией и большим войском к Ландскроне, в связи с чем Веймарн предлагал ряд мероприятий по подготовке экспедиции на Краков и Ландскрону, чтобы помешать полякам созвать сейм. Тем же ордером Суворову было предписано направиться в Малую Польшу. 25 (6 мая) апреля Су-

¹ Петров А. Указ. соч. Т. 3. С. 217.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 218.

воров ответил, что во всем, «касающемся до поручаемой экспедиции, исполнение чинено быть имеет»¹.

Перед лицом пасности потерять Краков, 5 (16) мая 1771 года король Станислав Август заключил соглашение, согласно которому командующий русской армией в Польше генерал Иван Веймарн и Францишек Ксавери Браницкий, возглавлявший королевские придворные полки и части гвардии, должны были вместе сражаться с конфедератами. Король получил для этого деньги от российского посла Каспера фон Салдерна.

А что касается реальных действий на этом театре, то 3 (14) мая Суворов выступил из Люблина с 1600 солдат и 8 орудиями.

5 (16) мая, переправясь с частью войск через Сан, он прибыл в местечко Дзиков. Передовой отряд его под командованием ротмистра Лемана занял Мельц, где Суворов планировал дожидаться полковника Шепелева с карабинерами и «с протчею пехотою», а затем идти на Тарнув. То есть, шел он той же дорогой, что и в феврале.

6 (17) мая Суворов сам ждал в Мельце карабинер Санкт-Петербургского полка и, между прочим, сообщил Веймарну в Варшаву, что командир отряда конфедератов «Вербовской имеет своего офицера немца в Варшаве, которой ему тамо вербует людей и лошадей и отправляет штук по десяти и больше»².

Узнав о приближении русского подкрепления, Дюмурье начал собирать рассеянные войска из Освенцима к Скавину. Валевский из Бобрика пришел в Тынец с 400 конными конфедератами. Теперь в общей сложности 400 пехотинцев и 400 кавалеристов защищали эту крепость.

Отряд ломжинского маршалка Казимежа Пулавского прибыл из Ченстоховы, Пулавский, совершив поездку в направлении Кшемонки, отступил в Суха.

7 (18) мая Пулавский донес вверх по команде, что Суворова не видно, а 8 (19) мая Суворов напал на конфедератов. Он пере-

¹ А.В. Суворов. Документы... С. 387.

² Там же.

шел через Дунаец под Жабно и двинулся на Бохню. «С хорошою дракою переправились мы за Дунаец вброд. Опровергши все, собираемся итти к Бохне. Я тем сыт. Все у них по французскому вихрю... Арцыбашев, не выздоровевшей от раны, с казаками голу вель»¹.

9 (20) мая, не доходя полторы мили до Кракова, Суворов разбил «возмутительскую первую стражу» под командой полковников Ленартовича, Рогалинского, Вержбовского и маршалка Лосоцкого. Эскадрон карабинеров Санкт-Петербургского полка, «как и казаки под командою Суздальского поручика Арцыбашева, действовали весьма отлично против их конницы в числе более четырехсот». В тот же день, 9 мая, Веймарну было послано донесение: «Мы в Кракове. Мост [сделанный] г. полковником поспел. Первую стражу разломали»².

Когда Суворов вошел в Краков, у поляков вспыхнула неразбериха.

Пулавский с его 1500 конфедератами находился неизвестно где. Миончинский с 500 кавалеристами оставил Скавину и зашел в редут у Кракова. Суворов занял Скавину.

Под Краковом Суворов соединился с полковником Древицом и «вымаршировавши в ночи», 10-го (21-го) на рассвете атаковал в трех местах шанцы под Тынцом. Тремя колоннами командовали полковники Древиц и Шепелев и подполковник Эбшелвиц. Шанцы захватили, но сам монастырь брать не стали.

«Убито с нашей стороны от пехоты 27 человек и два офицера; ранено – один офицер и 56 человек; от казаков убит один, ранено трое (от возмутителей убитых гораздо больше ста и больше от пехоты, нежели от конницы). Взято в полон два ротмистра, один капитан, три или четыре человека других офицеров, от пехоты человек 20–50, от конницы человек больше двадцати и две большие чугунные пушки, из которых одна за испорчением ла-

¹ Там же.

² Там же.

фета истреблена», – отрапортовал Суворов¹. Подполковник Эбшелвиц погнал пленных в Краков. Позже в автобиографии Суворов вспоминал, что на тынецких укреплениях «сверх многих побитых, в том числе штыками, забрали мы много в плен их лучшей пехоты из распущенных саксонцев с немецкими офицерами и артиллерией»².

Как показали пленные, командовали в монастыре Тынце и на шанцах Дюмурье (Суворов назвал его «Мурье») и консильер Валевский. Пехоты там было три сотни, – почти вся из австрийских дезертиров. Конницы было меньше сотни, прочая еще до штурма ушла к Ланцкорону. Поляки же впоследствии считали, что Валевский, дождавшись, когда русские отступили, вырвался из Тынца и направился к нескольким десяткам кавалеристов к Ланцкороне.

Дюмурье собрал там всех бегущих конфедератов и приготовился обороняться. У поляков в Ланцкороне было 3500 человек при 50 орудиях. Здесь собрались отряды Миончинского, Лосоцкого и князя Сапег (полоцкого), Косовского из Подляшья и Орешко из Пинска, а также Мощинского, Микуловского, Вирбовского, Ставского, Развадовского, Ленартовича, Скилского и Выбрановского. Они развернулись на высотах к югу от города, левый фланг их упирался в замок и укрепился в городе, там стоял гарнизон из 600 поляков. Еще 600 засели в замке. Конфедераты имели 51 орудие. Из них 30 орудий были в городе и замке. На правом фланге занял позицию гусарский полк генерала Шица, задача которого состояла в том, чтобы не дать врагу окружить польские войска. Центр состоял из пешего отряда, а левое крыло было составлено из кавалерии. Центр и правый фланг были прикрыты рощами, правый дополнительно прикрыт обрывом. Впереди позиции находилась сосновая роща, там укрепились 100 французских стрелков. Скаты высот были обрывисты и неудобны для атаки.

¹ Там же.

² Суворов А.В. Наука побеждать. СПб.: Азбука, 2015. С. 16.

Но конфедераты имели недисциплинированную вооруженную массу, которая только ждала момента, чтобы бежать с поля боя. Кроме того, между офицерами в составе командования Конфедерации возникали трения.

12 (23) мая, выступя пополуночи в два часа, днем под Ландскорон подошел Суворов. Правым крылом его командовал полковник Древиц, левым крылом – полковник Шепелев. «Миончинского партия вся, исключая малого числа, нас ожидала», – докладывал Суворов¹. О присутствии среди конфедератов Дюмурье и других французов в этом рапорте он не упоминает. «Ландскорон столько нарыт, что мы о его штурме и не думали», – признавался впоследствии Суворов. Впереди, там, где скаты холма казались более пологими, была конница конфедератов, ее и атаквали.

«Имея в авангарде всего до 150 казаков, он приказал им атаковать центр неприятельской позиции, и, вслед за тем, намеревался поддержать эту атаку пехотой, следовавшей за казаками... Казаки понеслись в атаку врассыпную»². Дюмурье приказал не стрелять, думал заманить их в центр позиции и расстрелять со всех сторон. «Вышло, однако, иначе: казаки, взойдя на высоты, быстро собрались в лаву и сами понеслись в атаку на центр и правый фланг Дюмурье, где стояли войска молодого Сапег и литовцы Оржевского»³. По другой версии, когда Суворов бросил на центр противника казаков и карабинеров, «Дюмурье приказал егерям пропустить русскую кавалерию, чтобы затем смять ее ударом польских гусар и улан, но просчитался. Казаки, сомкнувшись в лаву, смяли польскую пехоту и кавалерию. Конфедераты обратились в бегство. Их потери составили более 500 человек убитыми»⁴.

¹ А.В. Суворов. Документы... С. 391.

² Петров А. Указ. соч. Т. 3. С. 224.

³ Там же.

⁴ Полководцы Екатерины II: Румянцев Петр Александрович, Суворов Александр Васильевич, граф Орлов Алексей Григорьевич, Потемкин Григорий Александрович. М. ИД «Комсомольская правда», 2014. – 96 с. С.20.

Ситуация объясняется тем, что польская пехота за столь короткий срок не прошла регулярного воинского обучения и была очень впечатлительна и к артиллерийскому огню и к атакам кавалерии, на нее же были брошены две сотни чугуевских казаков, лучшего на тот период казачьего полка русской армии, на треть состоявшего из крещеных калмыков. Польская пехота рассыпалась и побежала, а как только один из флангов противника был опрокинут, бой можно было считать решенным.

Встречная атака польской конницы, под начальством Миончинского, была отбита, и сам Миончинский был взят в плен. «После того казаки атаковали гусарский полк Шица, который, вместо того, чтоб идти навстречу атакующим, сделал залп из карабинов и обратился в бегство»¹. В итоге этой атаки кавалерии на левом фланге 150 карабинеров Древица и 200 казаков три раза разбили отряд в 1000 конной шляхты при 51 орудии.

Астраханский и Санкт-Петербургский полки взяли сосновую рощу и разогнали пеших егерей, прибывших из Франции.

Непосредственно в рапорте Суворова все это описано, как одна конная атака. «На их кавалерию левое наше крыло начало атаку с действием Санкт-Петербургских карабинеров со обыкновенною их храбростию, как в моих глазах господин полковник Древиц с его карабинерами человек полтора ста и казаками человек двести на оную чрез камни и буераки с искусством, мужеством и храбростию так сильно ударил, что опровергая оную, в числе не меньше тысячи человек, с подкреплением их отборных пеших егерей, пятидесяти и одной весьма хорошей пушки, три раза совершенно разбил»². Позже, когда писалось представление на награды, он добавил: «Шепелев, особливо маневром предводимого им левого нашего крыла, с которым он в сих гористых местах начавши действие, у возмутительских маршалков первее своротил правое их крыло и пресекал им путь к ретираде, с по-

спешным подкреплением кавалериею левого крыла, пошедшего в атаку господина полковника и кавалера Древица»¹.

У конфедератов погиб князь Каэтан Сапега. Каэтан Михал Сапега, маршалок Полоцкий после разгрома конфедерации в Литве в конце 1769 года перехватил останки войск литовских конфедератов у своего брата Юзефа, который бежал в Пруссию. Теперь эти остатки полегли под Ландскроной. Командующий Миончинский попал в плен. Пинский маршалок Оржешко во время бегства был заколот пикой. Лосоцкий умер в Кракове. Уцелел отряд Валевского и полк в 1500 человек, стоявший в самой Ландскроне. Бежали 11 французских офицеров и 2000 шляхты.

Валевский отступил в относительном порядке, остальные были разбиты. «Казаки преследовали несколько верст разбитого неприятеля»². Конфедераты потеряли 300 убитых. Общие потери составили 500 убитых и 200 пленных.

Дюмурье с французской кавалерией и Шиц с гусарами ускакали в Суше. Суворов считал, что Дюмурье бежал в Бялу: «Мурие управлял делом и, не дождавшись еще карьерной атаки, откланялся по французскому и сделал антрешат в Бялу, на границу».

«...Пленных мало, только в их числе два их маршалка: черской Лосоцкой и сам бельской Миончинской... Ранено у нас меньше десяти, а убитых нет, как они ни стреляли и не оборонялись», – докладывал Суворов³.

Бой шел всего полчаса. Пленных отправили в Краков.

В разгар этих победоносных боев, 14 (25) мая, Сальдерн опубликовал декларацию об амнистии на французском, латинском и польском языках.

Но конфедераты о сдаче не помышляли, хотя их оставалось не так уж и много. У Валевского вместе с остатками отряда Миончинского было всего 2000 конных. Валевский ушел к Бяле, стал

¹ Петров А. Указ. соч. Т. 3. С. 224.

² А.В. Суворов. Документы... С. 391.

¹ Там же. С. 392.

² Петров А. Указ. соч. Т. 3. С. 224.

³ А.В. Суворов. Документы... С. 391.

у границы. В Ландскроне, Бобрике и Освиче остались 2 тысячи пехоты, 700 – в Бяле и Ченстохове.

До боя Казимир Пулавский отделился и ушел на Замостье. Он снова хотел прорваться в Литву и бросился на северо-восток и восток по территории, оставленной Суворовым. И Суворов поспешил за ним на Замостье.

18 (29) мая произошел бой казаков с отрядом Ставского в 150-200 всадников. Упоминание об этом деле мы находим в рапорте Суворова Веймарну от 8 (19) июня 1771 г. Там он вспоминает о Ставском, «которой 18-го числа под Мелецем казаками так разбит, что половина его не спаслась, а в пленных было три офицера и то к славе оружия ее императорского величества»¹.

На перехват конфедератам, идущим в Литву, выступила кавалерия тыловых частей 1-й армии. Согласно записям в «Журнале военных действий» 1-й армии, 19 (30) мая полковник Киевского кирасирского полка Поливанов при Майдане встретил 1500 конфедератов под командованием Пулавского, Радыминского и Карчевского и разбил их арьергард. Поляков погибло 18, 13 попали в плен. У русских убито 2 унтер-офицера и 15 рядовых, ранено 6.

Мятежники от Поливанова ушли к Замостью, там они нарвались на Суворова.

Суворов 20 (31) мая находился в местечке Янове, где узнал о приближении Пулавского к Замостью. Причем стало известно, что пулавцы «пошкодили» какие-то партии Главной армии, воюющей против турок.

21 мая (1 июня) перед светом Суворов выступил из Янова. Арцибашев, шедший в авангарде, в Горайце, в миле по дороге на Замостье, разбил с передовыми казаками партию мятежников. Было убито семь человек, взято в плен 12.

Следуя далее, отряд Суворова прошел Шебрешин и поздно ночью выступил прямо к Замостью, «где уже Пулавскому, сказыва-

вают, Квашневский и комендант присягали»¹. В шесть часов утра 22 мая (2 июня) русская пехота пробилась под стенами крепости в форштат через земляной вал, на котором было три моста. Конфедераты предместье запалили, но егеря теснили стрельбою их конницу и, шаг за шагом, очистили путь для мушкетеров и гренадеров. Русская пехота вступила в форштадт «и дала дорогу кавалерии. Наши три Санкт-Петербургских эскадрона на стоящую их конницу в местечке по форштату ударили на палашах, потом на их лагеря, и так мы их потрепали и распушили»². Биограф Суворова Д. Бантыш-Каменский почему-то отметил, что Суворов вышел на Пулавского и «опрокинул своею кавалерией пехоту его»³. Русская конница сбила польское левое крыло, которым командовал Карчевский, и прогнало вдоль Томашевской дороги. Пехота вышла из горящего форштата. Тогда русская конница сманеврировала, чтоб ударить на правое крыло польской конницы, которым командовал сам Пулавский. Бой шел с гусарами и уланами, «вымуштрованными почти по-военному»⁴. Поляки спаслись «чрезвычайным бегством» через мост по болоту и стали уходить по дороге на Старый Замосць, и тот мосток через болото был вмиг ими разборан. Но мост быстро починили, и «уже только наши казаки их бегущих докалывали успевавали»⁵. Из послужных списков командиров донских полков бой под Замостьем значится лишь у полковника Яновского.

Лучшие гусары Пулавского «претерпели тут их корабля крушение», особенно пострадал так называемый лейб-эскадрон, из которого оба офицера были пленены, а неким «мировцам», входившим в отряд Пулавского, «так досталось, что остальные человек с 30, на побеге усмотря себе способной ров с крутым ва-

¹ Там же. С. 402.

¹ Там же. С. 393.

² Там же.

³ Бантыш-Каменский Дм. Указ. соч. Ч. 2..С. 97.

⁴ Богданов А.П. Наука побеждать. Генералиссимус Суворов... С. 180.

⁵ А.В. Суворов. Документы... С. 395.

лом, бросаясь с лошадей, разбежатца по ржи предупели, протчих доканали»¹.

В плен взяли ротмистра, двух офицеров и 40 рядовых, убитых оказалось больше ста. Русских пленных отбили ротмистра Опочинина и прочих человек 15 на походе.

Представляя героев, Суворов назвал в том числе Суздальского полка поручика Борисов, который с егерями и так названными легкими фузелерами прошел там, «где даже и казак пробратца не мог», и «особливо порутчика Арцыбашева, которой всюду, как случай дошел, с казаками впереди разбивал и нашу атаку по истинне облегчал»². А 26 мая (6 июня) в особом рапорте Суворов приложил список: «кто именно в бывших с возмутителями сражениях, с выступления из Люблина мая с 3-го числа, Донского войска казаки с отменно храбростию поступали, для достойного награждения по милостивому рассмотрению вашего высокопревосходительства»³. Так, в «суворовских» документах впервые встречается подлинный список отличившихся донских казаков.

Преследуя бегущих конфедератов, Суворов снова просил дополнительно конницу. «Пулавцы в полной расевке побежали чрез Крешово. Особливо нашей пехоте уже их не догнать, карабинерные кони гораздо мародны, и так я правда пойду за ними, однако малыми маршами и где-нибудь для выправления сил остановлюсь, – коли бы на тот случай региментец драгун на таких почти казачьих легких лошадях, как пред сим у меня воронежские были!»⁴. И позже он писал: «Правда, что возмутителей нам никогда не догонять, ежели они истинно бежать захотят, карабинеры не дотянут за казаками, а за карабинерами пехота не добежит»⁵.

Пулавский опять ушел. «Мы их не догнали, да и кони стали. Стремглав бежали они чрез Вислоку, Пулавской на Пулаву ниже

Мельна в полной расевке и потянулись к Радомышлю и Домброве»¹. Судя по рапорту, разбитые конфедераты разделились – одни бросились назад по правому берегу Вислы, а Пулавский дал круг через Пулавы. Позже Суворов докладывал, что арьергард Пулавского состоял из перешедшей на его сторону кавалерии королевской армии – «из драгун Великой булавы, Карчевских гусар, Мезеричских улан и почт под командою Прилуцкого полковника»².

Позже выяснилось, что Пулавский, пожертвовав своим авангардом, вывел из-под удара главные силы и ушел вовсе не на Пулавы, а в Галицию. За искусный маневр Суворов послал ему фарфоровую табакерку

Сразу после сражения Суворов стал увеличивать количество постов и летучих отрядов в районе своей ответственности. Один такой отряд он поставил в Опатове и в него включил 30 казаков, ранее взятых им из Кракова. Зная ценность казаков, он успокоил командование в Кракове: «Краковские казаки останутца тут весьма временно»³.

От войск Главной армии, воюющей против турок, бороться с конфедератами был послан подполковник Гейсман, имеющий до ста тридцати карабинер, примерно столько же казаков и человек 50 пехоты с пушкой. 29 мая (9 июня) Суворов послал ему ордер, чтоб тот с Суворовым соединился для общих «действий» против «возмутителей». Сам Суворов намерен был выступить на Тарнов к Дунайцу для дальнейших поисков рассеявшихся конфедератов.

31 мая (11 июня) Суворов уже был в Тарнуве. Отсюда он доложил: «Около здешних мест ни одного бунтовника не слышать»⁴. Далее он пошел к Кракову. Прибывшему бороться с конфедератами Гейсману Суворов описал все противоборствующие русским в этом районе силы.

¹ Там же. С. 396.

² Там же. С. 394.

³ Там же. С. 396-297.

⁴ Там же. С. 394.

⁵ Там же. С. 400.

¹ Там же. С. 396.

² Там же. С. 402.

³ Там же. С. 397.

⁴ Там же. С. 398.

Пулавцев вместе с миончинцами (сам Миончинский в плену) полторы тысячи.

В партии Миончинского остались: Прилуцкой, называющийся маршалком Черняховским, да других два волонтера: Косовской и Орешко, «ежели последний не убит». Командует войском Шиц, а над ним консилиар Валева; региментари (полковники) – Скильской и Суак; комендантом в Ландскороне – называющий себя генералом Выбрановской; полковники Ленартович, Вирбовский, Мощинский с Миколовским, Пршилуцкий, да Ставский.

В партии Пулавского – Радзиминской, называющийся маршалком саноцким, Карчевской – маршалок варшавский, региментарь Корженевской и протчие.

С севера, от стороны Нового Места и Опатовца, к Кракову приближается Заремба, называющийся великопольским региментарием. У него хорошая «синяя хоронга» (хоругвь), по большей части из прусских дезертиров; гусар свыше полутора, одна хоругвь долгополых польских гусар, да две панцырных хоругви с двумя пушками, всего имеет от четырехсот до шестисот человек.

Под Зарембою состоят великопольские маршалки: Микорский, Щавинский, Мазовецкий, Прждецкий, Малчевский, Дзербицкий и виленской полковник Веловейский. Войск у них – от тысячи до полутора тысяч человек.

Против Зарембы и иных маршалков в Великой Польше действуют русский полковник Дириг и командующий королевско-польскими войсками генерал граф Браницкой.

Есть еще конфедераты в Литве – региментарь Киркур и Крашевской, у них человек триста¹.

Прекрасно зная число конфедератов, Суворов еще отслеживал их тактику: «Имеют они большую надежду на их пехоту и для того более стоят, тем удачливее для нас, как то было числа 12 мая под Ландскороном; еще имеют они разные обычаи. Ми-

¹ Там же. С. 398-399.

ончинцы на ретираде дают огонь шкwadронами и тем складнее их доскакать, а пулавцы бегут просто»¹.

Суворов опять слал Веймарну рецепты, как разбить или «выголодить» противника, и в конце концов порекомендовал: «а прежде всего у них Бохню и Величку отнять надлежит»². Конфедераты «публиковали в Бяле гневной, но томной универсал, чтобы вся земля поскорее ставила фуры для соляного грабежа, чтоб отсутствием российских войск воспользоваться с неделю назад»³. «В небытность мою, возмутителями забрано королевской соли бочек около четырехсот», – подсчитал Суворов⁴. Порутчик Козляинов преследовал отряд конфедератов от Плесно до Закличина и отбил у них соли сто одиннадцать бочек. 3(14) июня ночью, по данным разведки, поляки хотели ввести в Величку конницу, стрелков и янычар. Суворов опередил их и занял Величку двумя пехотными ротами с двумя пушками и пятьюдесятью казаками из команды Древица, комендантом там поставил майора Ушакова. Ушакову было приказано «сколько возможно и безопасно, по временам заготавливаемую в Величке королевскую соль, отпускать в Краков; чтож до Бохны, то бочишной лес там сожжен и оной заготовлять по приказу коменданта в Величке господина майора Ушакова запрещено»⁵. Быстрее всех отреагировала польская королевская власть. Командующий королевскими войсками граф Браницкий в письме «просил Суворова держаться гор, чтобы охранять королевские соляные копи, и оставить надежные посты в Величье и Бохне»⁶.

Это все, что мог сделать Браницкий. 12 (23) июня 1771 года его войска были разбиты Зарембой в братоубийственной (по мнению польских историков) битве при Видаве. Примечательно,

¹ Там же. С. 400.

² Там же. С. 401.

³ Там же. С. 407.

⁴ Там же. С. 403.

⁵ Там же. С. 406.

⁶ Там же. С. 407.

что при Зарембе на правах секретаря в этой битве был известный польский историк Енджей Китович, который впоследствии напишет мемуары о событиях войны Барской конфедерации.

15 (26) июня Суворов занял солепромышленное местечко Бохню¹. Здесь готовой соли было захвачено на 1000 бочек, что при продаже могло содержать все силы конфедератов полмесяца с лишком. Производительность же была – в сутки бочек сто. Суворов планировал захваченные копи использовать как «приваду», но соль вывозить в Величку и Краков. Разведка сообщила Суворову о ситуации в лагере конфедератов: «везде у них голод и нужда, денег и Велички нет, Бохни бог даст не будет»². 19 (30) июня в секретном рапорте Веймарну, который Суворов просил после прочтения сжечь, было сказано: «Занятие Велички тронуло их пуще всех наших побоищ, однако, не отчаялись, имели надежду на Бохню и тем ободрялись. Не всегда они вывозят соль в натуре, а складывают ее у тамошних обывателей и берут от них за нее деньги, те же после продают ее с барышем, то чинили и шляхтичи для сей прибыли»³. Суворов предполагал, что, оставшись без соли, конфедератам надо будет усилить сбор денег и фуража у населения, «им надобно чрезвычайно для сбора их дробитца, чем больше у них людей, тем будет голоднее, притчина конца мятежей!»⁴. Он настаивал на удержании этих пунктов. «Единожды Величка занята по прежнему его же сиятельства графа Браницкого письму, а Бохнею також возмутители пользоватца не в состоянии. До прибытия его сиятельства графа Браницкого, за долг службы почитаю при том и остатца, нежели гонятца чрез всю Польшу за конницею Пулавского...»⁵. 22 июня (3 июля) Суворов докладывал Веймарну: «По недостатку соляного грабежа все здешние возмутители не получали жалованья более месяца

и терпят великую нужду»¹. Там же вспыхнула тяжба между Суворовым и Древицем по поводу казаков. Древиц требовал вернуть его казаков из Велички, Суворов настаивал, чтоб они там остались и жаловался, что Древиц забрал «от меня определенную одну Суздальскую мушкетерскую роту, изъяснял, что то за отобрание мною у него каких-то его Донских казаков, как то он поныне в рапортах твердит»².

Кроме соли внимание Суворова переключилось на французов, как наиболее опасных противников. Он зафиксировал, что под Ландскроной погиб бывший при пехоте француз, майор Дебонсом. Пленные показали, «что Мурие с его французами уехали за-границу, но токмо для вербования»³. Рапорт от 12 (23) июня: «Мурье человеками с десятию французоз видели весьма сердитого, в контумации, хотели после ехать далее в Венгрию»⁴. Еще внимание Суворова привлекли Лабади, «вертопрах» Буфлер и Блевек – «они не совсем принадлежат к Мурье»⁵. В Венгрии Эстергази, один из начальников австрийских приграничных войск, «подчивал Мурье с 11-ю французами за трапезою, выговаривал им, что в Франции конф[едератов] воображают высоко, теперь они видели, будучи поверенными. Получил от них соотвествие с великим ругательством на сих назыв[аемых] конф[едератов]. Рад бы я был письмо достать от Мурье к Пулавскому, где он его ладно отпел»⁶.

Для казаков продолжались военные будни. 3 (14) июня посланной с ордерами и письмами из Бохнии в Краков ротмистр Леман с 50-ю казаками застал в Величке партию «возмутителей» от полтора ста до двухсот всадников, их атаковал, убил семь гусар и взял одного в плен, сам потерял одного раненого казака.

¹ Богданов А.П. Наука побеждать. Генералиссимус Суворов... С. 182-185.

² А.В. Суворов. Документы... С. 411.

³ Там же. С. 411.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 413.

¹ Там же. С. 414.

² Там же. С. 423.

³ Там же. С. 403.

⁴ Там же. С. 407.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 410.

5-го (16-го) посланный до Тарнова с казаками поручик Арцыбашев рапортовал, что от конфедератов Ленартовича и Прилуцкого был прислан в Тарнов билет о заготовлении на их войско двухсот корцов овса, пятьдесят фур сена и протчего, но сами отряды конфедератов пошли к границе.

7 (18) июня сто казаков со всей командой майора Рылеева участвовали в нападении на конфедератов в трех местах: Киневича в деревне Мартыновичи, Прилуцкого в деревне Бишице и Квятковского в Белой Воде.

Полковник Киневич с мировскими драгунами и гусарами, всего двести человек, шел из-под Замостья от Пулавского, но оставлен был близ австрийского форпоста «для поправления худых лошадей и для починки разных мундирных и аммуничных вещей, а потом приказано оному было приттить к Ланцкороне». Но здесь на него напали с двух сторон казаки Арцыбашева и пехота и гнали до австрийского форпоста. Поляков убили до трех десятков, в плен взяли хорунжего Александра Григоржевского и одного «товарища», который до этого был адъютантом у маршалка Вельского, и рядовых десять человек. Уцелевшие «ушли все за помянутой австрияцкой форпост, где тотчас цесарскими офицерами заарестованы. И по объявлению оных офицеров те возмутители будут за оным форпостом находитьца по тех пор, пока от оных будут отобраны лошади и оружейные и аммуничные вещи, а потом будут оттуда выгнаны»¹.

Затем в рапорте Суворова встречаем краткое, но образное описание: «первое был под Ульяновым казачей шармицель, подъезд на подъезд, где прежде казаки верх имели; потом их пощипали»². Речь идет о бое отряда Поливанова с конфедератами Пулавского. «Казаков пропало меньше десяти, сами имеют они пленных двадцать или больше, да сами убили и ранили в числе последних от [бо]шняков офицера Ротковича, а раненых наших человек десять, или побольше»³.

¹ Там же. С. 405.

² Там же. С. 405-406.

³ Там же. С. 406.

20 июня (1 июля) казаки с величковского поста отбили нападение явившегося за солью полковника Руммера и «делали частую перестрелку и не менее трех часов», а затем прогнали и преследовали «более полумили»¹.

Австрийские власти объявили конфедератам австрийского подданства амнистию. «...многие от бунтовников партии к ним возвращаются, особливо от Замосцких пулавцов, из гусаров; здешние же, мне кажется, еще гордоваты и направили многих на вербованных драгун, то-есть от сотни до дву-сот может быть будет», – считал Суворов².

Опять началась относительно спокойная жизнь, которую разнообразили, как писал Суворов, «превеликие жалобы на казаков, что ни за провиант, ни фураж не платили, только не на тех, что у меня»³.

С мест поступали победоносные донесения. В июне Гейсман при Колбушеве натиг 300 конфедератов, гнал их за Вислоку и Дунаец. 50 поляков погибло, 10 попало в плен. У русских – 1 убитый. 6 (17) июня поручик Крум в Турне встретил 40 человек конфедератов, 8 убил, 1 взял в плен. 8 и 9 (19 и 20) опять разбил их при Устриках и Хрщоте, 6 было убито, 14 взяли в плен. 14 (25) июня еще раз разбили два отряда в 30 и 50 всадников, в плен взяли поручика, 2 товарищей и 3 гусар. Сами потеряли убитыми 7 казаков и 1 раненого хорунжего. Все эти стычки шли в районе Перемышля, близ венгерской границы.

10 (21) июня при Руде, чуть ли не на литовской границе, ротмистр Киевского полка Какуатов разбил 130 мятежников Мурашевского. 39 конфедератов были убиты, в плен попали хорунжий, вахмистр и 4 рядовых. У русских ранен 1 карабинер и 2 казака⁴.

В конце июня полковник Шиц с 600 конными конфедератами все же прошел из Венгрии в Литву через Замостье. Но местных сил

¹ Там же. С. 414.

² Там же. С. 406-407.

³ Богданов А.П. Наука побеждать. Генералиссимус Суворов... С. 188.

⁴ «Журнал...»

конфедератов там почти не оставалось. Конфедераты под командованием полковника Кеневича и майора Кутацкого были разбиты 7(18) июня 1771 года в боях против русских в Марцинковицах.

На Шица началась настоящая охота. Кречетников стал стягивать войска подполковника Шиллинга, из Луцка на север выступил отряд майора Фохта, из Кобрини – Штакельберг. Суворов тоже выступил с двумя ротами, двумя эскадронами и 30-ю донскими казаками, которые раньше были в команде у Древица, но дошел лишь до Янова. «В проход наш чрез Мелец, – докладывал Суворов, – разбита под сим местечком одна небольшая возмутительская партия авангардом под командою ротмистра Лемана, а при казаках порутчика Арцыбашева взято в полон: ротмистр один, от гусар подхорунжей один, капрал один, рядовых четыре, от улан товарищей пять, рядовых пять, трубач, шеренговых и протчих шесть человек»¹. Воистину Мелец стал счастливым местом для казаков, поскольку там они уже били конфедератов.

Несколько недель русские отряды гонялись за Шицем по Литве, и тот с остатками в 300 сабель 15 (26) июля ушел за Буг. За Бугом его крепко прижали, Шиц намерен был пробраться меж Самбуром и Премышлем. «Однако команды его, господина полковника Долгорукова, майором Нагелем разбит, 50 человек убито, взято в полон порутчик один, унтер-офицеров и рядовых 36 человек, а он сам с остальными ушел в горы, однако майор Нагель пошел за ним»². Очередная попытка поднять Литву на восстание провалилась.

Тем не менее, 18 (29) июля Суворов получил приказ выступить в Литву, и сразу же стал требовать «известия о Киркуре, Косаковском, Крашевском и иных мятежниках к стороне Гродне, Белостока и других в ту сторону мест»³ и рассчитывать маршрут от Красностава (место сбора) на Влодаву и Брест. С собой он планировал взять 2 гренадерские роты, 2 мушкетерские, егерскую

¹ А.В. Суворов. Документы... С. 422.

² Там же. С. 435.

³ Там же. С. 430.

команду, 3 орудия, 3 эскадрона карабинеров и казаков «Люблинской команды» от 50 до 60. Все это время он уже думал над планом кампании и досаждал начальству рекомендациями, как разделить и где разместить войска: «номеры бригад по изволению, а прежде Познанская бригада, потом Краковская, Люблинская – так есть во всех трех по-ровну; 1 полк пехоты, 1 полк карабинер и Донских казаков по-ровну. Пушки, как случитца, а Варшавская–2 полка пехоты, 1 полк карабинер, несколько Донских казаков и весь Чугуевской казачей полк, яко корень препинания всему»¹. Причем Чугуевский полк он рекомендовал разместить по-эскадронно и даже по-ротню.

Ситуация отличалась тем, что в Литву прибыл Петербургский легион. «Легионами» назывались своеобразные части, сформированные по инициативе президента Военной Коллегии Салтыкова. Предполагалось, что в легион будут входить все рода войск – 4 батальона пехоты (4158 человек), 4 эскадрона карабинеров и 2 эскадрона гусар (1094 человека), казачья команда (335 человек). Всего создали два легиона – Петербургский (2 сентября 1769 г.) и Московский. И вот теперь Петербургский прибыл для прохождения своего рода практики в Польшу, и Суворов уже разработал для него систему обучения: «1-е–рекогносцирование окружностей; 2-е – разные порядки марша, а уж когда тому научатца, то 3-е – драка с сопротивными, а не с приятельми от скуки»².

Естественно, Суворов предостерегал от недооценки противника: «А Литва хотя добросердечна, только тяжелее корончиков»³. Корончиками он называл поляков, живущих на коронных землях Польши.

Не доезжая до места назначения, Суворов 26 июля (6 августа) подал челобитную Екатерине II: «Всепресветлейшая, державнейшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна, самодержица Всероссийская, Государыня Всемилостивейшая.

¹ Там же. С. 429.

² Там же. С. 428.

³ Там же.

Бьет челом от армии генерал-майор и святые Анны кавалер Александр Васильев сын Суворов. О чем мое прошение, тому следуют пункты:

1.

Я, ниже имянованный, находился с прошлого 1769 году в польской области и был всегда противу мятежников, а ныне желаю по усердию моему продолжать с практикою службу Вашего Императорского Величества в находящейся в турецких областях в Главной армии.

И дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое челобитье принять и по моему желанию меня приказать перевести из польского корпуса в вышеозначенную армию»¹.

Отправив бумагу, 28 июля (8 августа) Суворов прибыл в Люблин. Из Литвы сведения доходили тревожные. Шимон Коссаковский во главе своей партии из 4000 конфедератов провел в июле и августе 1771 г. серию смелых рейдов в Литве и Беларуси, разрушая мосты и препятствуя обеспечению российских войск. Он также пересек границу Российской империи и вошел на время в Смоленскую область

Но русские отряды в других местах пока всюду преследовали конфедератов.

5 (16) августа подполковник Елагин стал преследовать «возмутительского полковника Миончинского» (который вроде бы уже попадал в плен), находившегося в деревне Корытницы, «за которым тот же час пошел и по разным местам гонялся, однако догнал под местечком Рыками и разбил, причем взял в плен девять человек, да на месте убито шесть человек, в числе которых и полковник Миончинской. Но токмо он действительно о том неизвестен, потому что он, скакнув с лошади, ушел в лес пешей, которого сказывают, догнавши убили»².

¹ <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000224/st007.shtml>

² А.В. Суворов. Документы... С. 439.

Возможно, это был однофамилец или родственник попавшего в плен маршалка. Но и сам маршалок вскоре опять открыто примкнул к конфедератам. В марте 1772 года Суворов рапортовал: «Узнав я стороною, что бывшей в возмутительстве взятой прошлого лета под Ланцкороной в плен маршалок Миончинской, потом высвобожденной по рецесу, ныне, оставя оной, паки вступил к бунтовническому сборищу. В доказательство сего, с опубликованного от него универсала и записанного при местечке Освяциме в городской книге, достал я на первой случай скопированной экстракт, которой при сем вашему высокопревосходительству представляю»¹.

С юга подходили войска М.Н. Кречетникова, которому Суворов советовал немедленно занять польскую таможню в Дукле на перевале Низких Бескид, которая «есть великою покормкою бунтовнической генеральности, по оной получают сии близко миллиона польских злотых»². Кречетников внял голосу разума и двинул свои отряды в горы. 14 (25) августа у Санюка майор Нагель «нашел партию, которая в Лиске забрала сукно и портных для построения их мундиров. Он сию всю разбил и построение их забрал»³, итог – 4 убитых поляка, 1 пленный. Подполковник Гейсман при Рыманове разбил 500 драгун полковника Любенского и Ленартовича. 40 поляков убили, 14 взяли в плен. Русских убито 2 карабинера и 3 казака, ранены 1 кирасир и 3 карабинера⁴.

Суворов, со своей стороны, порадовал Кречетникова известием, что полковник Шепелев выследил у деревни Лубнице «возмутительские партии команды Киневича, одна с порутчиком Уленцким в двадцати конях, а другая с хорунжим Длуголенским в двадцати пяти конях», и послал на них Санкт-Петербургского карабинерного полку порутчика Волкова с двадцатью карабинерами и при нем Суздальского пехотного полку прапорщика

¹ Там же. С. 558.

² Там же. С. 439.

³ Там же. С. 441.

⁴ «Журнал...»

Землина с двадцатью казаками, «которые по прибытии в ту деревню нашли означенное число возмутителей в панском дворе, которые увидев приближение нашей команды приугодили себя к не предожидаемой обороне, засевши во оном дворе и заперши с обеих сторон ворота, встретили наших из за забора оружейными выстрелами, что поручик Волков увидел, тотчас спешил всех карабинер и пятнадцать казаков, атаковал оных с двух сторон обще с прапорщиком Землиным, разломав ворота на них стремительно ударил, где возмутителей на месте положил двадцать пять, в том числе хорунжего Длуголенского, в плен взяли пятнадцать, а достальные, перескоча чрез забор, спаслись бегством»¹.

Вот такие стычки, в которых «забавы много, толку мало», шли по всей Речи Посполитой. И так же продолжались пытки и казни гайдамаков. Власть – даже слабая королевская – показывала, что «никто не забыт», и каждый ответит.

Приговоры над 19 гайдамаками 05.06.1771 г.

1. Коханченко Николай из Бубновки.
2. Ижевский Якуб, шляхтич, со своим слугой Тимком украли волы.
3. Тимко.
4. Стефан Комарницкий, попович.
5. Рябокониц Михаил.
6. Лютый Иван из Торкановки.
7. Брищенко Василий из Торкановки.
8. Макаревичи, братья.
9. 6 человек ограбили евреев возле Зарубинцев.
10. 3 человека (шляхтич Теодор Лесковский из с. Фридлов зарубал вместе с тремя русскими солдатами вихриста Антона Филипповича).

¹ А.В. Суворов. Документы... С. 443-444.

Допрос на пытках обвиняемых в гайдамаччине. Корсунь 12.07.1771 г. (позже вывезены в Троянов)

1. Дякуненко Гаврил из Дашева, резал евреев в Умани.
2. Руденко Яков из Шпиченцев, родился в Жолобному под Звягелем., отец Иван Кушнир, 35 лет.
3. Дяк Роман из с. Зборовка под Шаргородом.
4. Вишнюк Мусий из Никоновки.
5. Бугаенко Олекса, родился в Соловинках под Белой Церковью.
6. Юзеф Кухарский, шляхтич, 27 лет.
7. Иван Петрович Мукосийчук из Умани (19 или 20 лет).
8. Коробка Антон, родился в Черкассах, отец Хведир Коробка, 40 лет.
9. Грицко Голиченко.
10. Процько Ямковий служил казаком у Пясецкого, родился в Радовиче под Ковелем.

Допрос 49 подозреваемых в гайдамаччине, проведенный в Корсуне 16 июля 1771 г.

1. Кондрат Письменный Щербина родился в Кременчуге.
2. Алексей Бойченко родился в Биевцах на Богуславщине.
3. Пилип Розумовиченко родился в Богуславе.
4. Иван Мельник родился за Днепром.
5. Василий Лобуненко из Шаргорода.
6. Гнат Мартыненко родился на Волощине в Казавчине.
7. Грицко Вдовиченко родился в Казавчине на Побережье.
8. Семен Подоприторенко, козак, сотник, родился на Полесье.
9. Грицко Галиченко родился в Бондаровке недалеко от Торкановки.
10. Кирило Скрипниченко родился в Торкановке.
11. Клим Моргун из с. Мошны.
12. Гнат Щербина родился в Княжей Кринице.
13. Мусий Виснюченко родился за Острогом.
14. Захарко Калюжный из Макеевки Васильевского ключа.
15. Андрей Головка родился в Лукомле Лубенского полка.

16. Василь Федорович Вишковский, 19 лет, родился в Гранове.
17. Грицко Безносенко родился под Коростышевым.
18. Олекса Ювхименко родился Яцках Васильевского ключа.
19. Микита Крыса родился в Архангельске на рус. стороне, на против Торговицы.
20. Мирон Швец родился в Жаботине.
21. Прокоп Галабура родился в Староселечке под Смелой.
22. Роман Дьяк Шостаченко родился в Боровице под Шаргородом.
23. Василь Горошко родился в Кропивной под Днепром на рус. стороне.
24. Кость Кацанов родился в Тишковке.
25. Иван Цемкало родился в Ялинцах за Днепром.
26. Юзко Перевертайло родился в Мушарове под Кременчугом.
27. Тимиш Белый родился в Прохоровке Переяславского полка.
28. Степан Белец родился в Прохоровке Переяславского полка.
29. Максим Ма...о родился в Келеберде.
30. Иван Гладаренко родился в Кодаке на Запорожье.
31. Ян Старжевский, поп с. Завадовка.
32. Демко Винниченко родился в Zadupie Прилуцкого полка.
33. Федор Гончаренко родился в Собычеве Неженского полка.
34. Василь Цапенко родился в Могилеве.
35. Иван Швец с Резанной Криницы (родом из с. Зозулинцы под Николаевом).
36. Юрко Билувусенко родился в с. Андрушевка.
37. Корней Бендерченко родился под Переяславом.
38. Иван Коваль родился в с. Андроновка под Володаркой.
39. Иван Веремиеенко родился в Жаботине.
40. Иван Рябошапка родился в Лохвинце Лубенского полка.
41. Кондрат Карлаш, 23 года, родился в Ольшане возле Белой Церкви.
42. Иван Барвиненко родился в Хрещеновке Лубенского полка.
43. Михайло Казан родился в Орловце.

44. Василь Билыченко родился в Вильшанце под Белой Церковью.
45. Войцех Корчинский.
46. Юзеф Хлебовский.
47. Николай Ковальский, шляхтич.
48. Грицко Коваленко родился в Орловце, 26 лет, отец Иван Коваль.
49. Антон Коробченко родился в Черкассах, имел мельницу, обвинен в краже волов.

Допрос на пытках обвиняемых в гайдамаччине, разбоях и грабежах 14.10.1771 г. в Троянове

1. Матвей Сухич из Слободы Янковки под Белой Церковью, поп., родился в Насташке под Белой Церковью от отца Лазаря и Мотри, 32 года.
2. Матвей Горбачук из Сильницы (миля от Тульчина), родился в Солодковцах на Подолье, отец Данило, мать Катерина, 26 лет.
3. Абрамко Бродский, еврей, Обвинен в краже денег (30.11.1771 г.).
4. Стефан Федорович, дезертир польский.
5. Сташевский Петр и сын Антон, шляхтичи, обвиняются в краже денег у шляхты.
6. Мартин Островский, шляхтич, обвинен в разбое (21.11.1771 г.)
7. Ян Градовский, шляхтич-русин, обвинен в гайдамаччине (29.11.1771 г.). Скарбовый писарь Богуславский, отец поляк, мать русская.
8. Теодор Гошовский, шляхтич, сотник.
9. Юзеф Домбровский дезертир польского войска.
10. Минаковские (братья), шляхтичи.
11. Шимон Беловинский, шляхтич, прятал краденные вещи.
12. Мордко Шимонович, еврей, грабитель.
13. Василий Кравец и его сын Хведько обвинены в грабежах (3.06.1772 г.), жил в Шабастовцах возле Монастырища¹.

¹ 3da1abeket.com.ua/baza_znanij/reestry..._machchine/

Огинский

В конце июля – начале августа по всей Польше поползли слухи о подготовке восстания в Литве гетманом Михаилом Казимиром Огинским.

Естественно, надежды разбитых в Малой Польше конфедератов были теперь на Огинского, у которого в Литве, у Пинска, стояли 8000 солдат литовского войска. Стемпковский, командир коронных войск, расположенных в Чернобыле, якобы тоже колебался, а войск у него, по слухам, доходивших до конфедератов, набиралось уже 40 тысяч. Но главное – все твердо знали, что в Литве тайно сконфедерированы 52 тысячи шляхты.

С другой стороны, приверженцы Огинского говорили, что гетман Литовский, собирает войско против пруссаков, оккупировавших часть польской территории. Реально под рукой у Огинского в районе Телешова собралось до 4000 бойцов, и 2000 были у Кошиского в Курляндии.

Верховный совет конфедерации поручил подлясскому маршалу Коссаковскому пройти в Литву и подтолкнуть Огинского к открытому выступлению. Это и объясняет его «рейды» и попытки вторгнуться на Смоленщину. Косаковский – *Литовский гражданин* – нарядил свои войска в черные мундиры и по пути жаловал мятежников в маршалки. Он возмутил некоторые польские регулярные полки и повел их на соединение с Огинским.

Черный цвет был необычайно притягателен для повстанцев в этом регионе. У самого Огинского якобы был лучший среди бунтовщиков трёхтысячный полк «чёрных гусар»¹.

А.В. Суворов в своей автобиографии писал: «Возмутилась вся Литва. Регулярная ее, из полков немецкого штата и конпутовых хоронг, армия с достаточною артиллерией и всем, к войне над-

лежащим, снабденная, собралась, как и довольно иррегулярных войск под предводительством их великого гетмана, графа Огинского, который сперва и получил некоторые аванжажи»¹.

Русские власти требовали, чтоб гетман Литовский открыто выступил против конфедератов. Австрия и Пруссия через своих представителей настойчиво советовали, чтобы он восстал. «Видя общее нерасположение конфедератов к Станиславу Августу, Огинский даже помышлял о возможности получить польскую корону»².

Однако еще 1(12) мая 1771 года гетман заверил российского посла в письме, что он не будет предпринимать военных действий, и королю сообщил, что концентрирует литовские войска, чтобы помешать им присоединиться к конфедератам.

Солдерн, опасаясь активности Огинского и возможного его влияния на стоявшие рядом полки польских регулярных войск Беяка и Корицкого, затребовал Огинского в Варшаву и требовал распустить по квартирам 800 человек, непосредственно окружавших гетмана. Российские войска Фабулова, Дюринга и Альбичева пытались окружить гетманскую армию в Телеханах. Посланный российским командованием майор Солденхоф потребовал капитуляции литовской армии. Это подтолкнуло Огинского к выступлению. Он арестовал Солденгофа и заявил: «Я – гетман Речи Посполитой, поэтому я не должен подчиняться иностранным приказам».

Он перешел на сторону конфедератов, и в ночь на 26 августа (6 сентября) войска Огинского напали в Рудне на «легионный дашемент» – 1800 человек полковника Альбычева. Албычев был убит, большая часть его солдат оказалась в плену.

После этих событий Огинский издал манифест, что присоединяется к Барской конфедерации. Все мелкие отряды конфедератов стали присоединяться к Огинскому. У него набралось 6000

¹ Суворов А.В. Наука побеждать... С. 16-17.

² Петров А. Указ. соч. Т. 3. С.236.

¹ <http://history.syktnet.ru/02/02/028.html>

войска. С ним он двинулся к Несвижу. Войска Великого княжества Литовского далеко не все были в сборе. Так, Пинского регимента полковник Лерзак с опозданием прибыл к гетману в Телехан, а когда узнал об убийстве полковника Албычева, запросился, чтоб его уволили, заявив, что против российских войск итти не желает, но Огинской его не отпустил, взял «принужденно» с собою.

Веймарн переключил свое внимание на Литву и приказал Кречетникову удерживать Краков. Против Огинского Веймарн отправил войска из Великой Польши. Суворову же был отдан приказ оставаться в Люблине, прикрывать юг. Восстание Огинского и сложившаяся в Литве ситуация должны были поменять планы Суворова. Кроме того, за бои с конфедератами при Тынце, Ландскроне и Замостье Суворов был награжден Георгием 3-й степени, о чем вышел рескрипт Екатерины II от 19 августа 1771 года. В общем, события в Литве внесли свои коррективы в планы полководца. Непосредственно известия о восстании Огинского Суворов получил 1 (12) сентября.

В рапорте от 30 августа (10 сентября) полковника 3-го кирасирского полка Герздорфа говорилось, что ретировавшейся из Бреста с командой подполковник Дмитриев «прибыл и объявил ему, что деташамент господина полковника Албычева, по убиении самого его, весь полонен гетманом Огинским, которой, состоя от шести и до семи тысяч людей при двенадцати пушках, следует от Кобринна к Бржесцу»¹. Донеся об этом Веймарну, Суворов как бы между прочим поставил того перед фактом: «Уповательно, что и в Бяло будет, чего ради я соберу по возможности войска в Коцк и выступлю»². 2 (13) сентября он уже рапортовал из Коцка (между Люблином и Бялой), что «завтре или и после завтре» к нему соберется достаточно войск для действий «без обнажения мест»³.

5 (14) сентября Суворов присоединил в Бяле к своему собранному «без обнажения мест» отряду из местного гарнизона

¹ А.В. Суворов. Документы... С. 446.

² Там же.

³ Там же. С. 447.

30 кирасир, 41 карабинера, 23 гранодера, 84 мушкетера и 10 казачков. Здесь же, в Бяле находились 23 офицера и нижних чина, великодушно отпущенных Огинским, и 10 раненых рядовых, бежавших из плена.

По показаниям беглецов и рапортам отдельных командиров вытекало, что гетман Огинской уже имеет своих войск до 6000 человек и более, «кои составляют пехоту, конницу и легкие войски, имея прежде двенадцать пушек, а сверх того еще отбирает к себе и польские хоронги». Планы его – вступить в Брест и «тянутца на Бяло»¹. Естественно, это был кратчайший путь от Бреста на Варшаву.

Суворов допускал, что Огинский пошел к Пинску, на восток, чтобы напасть на отряд полковника Дирина, которой до этого находился у Несвижа. Но от Дирина сведений не было, и Суворов, прежде всего, стремился не допустить Огинского к Бяле. Но он не стал его здесь ждать, а сообщил Веймарну, что «принял намерение против реченного Огинского и его войска выступить к Бржесцю, а по обстоятельствам и к Пинску, по притчине той, что оной Огинской около тех мест обращаетца»². В тот же день, 5 (14) сентября, Суворов уже вступил в Брест.

Фактически Суворов выступил против Огинского без приказа. «Спасем сперва наших, а потом уж пусть вина падает на мою голову»³. Отряд Суворова состоял из 4 рот пехоты, 2 орудий, 1 эскадрона.

Огинский в это время планировал двинуться от Кобринна к Бресту. Под ружьем у него было 6-7 тысяч.

6 (17) сентября, узнав, что Огинский со своими войсками расположился под Телеханом (гораздо восточнее Кобринна) и вокруг него по деревням, а отряд Дирина «обращаетца к той же стороне около Березы», то есть, северо-западнее, ближе к русским, нежели Огинский, Суворов выступил на соединение с Дирином

¹ Там же. С. 451.

² Там же.

³ Петров А. Указ. соч. Т. 3. С.250.

и далее на Несвиж, обходя гетмана с севера. В состав отряда Суворова входили 902 бойца, 345 лошадей и 5 пушек.

В тот же день Суворова догнал ордер Веймарна от 1-го под № 188-м «в цифрах с приложениями» не допускать Огинского к Люблину и к горам. Суворов ответил, что о стремлении гетмана Огинского с его войсками к Варшаве и к стороне Люблина, к горам, не слышно, и во исполнение ордера он, Суворов, с частью войск вверенной ему бригады, будет стараться уничтожить гетмана, не пропуская его, гетмана, с войсками в те места с помощью Божию, упреждая все его намерения и покушения.

11(22) сентября Суворов вышел к Слоному, у него в строю было менее 1000 человек, отстали 150.

В тот же день Суворов выступил в ночной марш, пополудни в 8-м часу, выйдя из местечка Крашина, он двинулся к местечку Несвижу и, отойдя от Крашина одну милю, получил известие, что гетман Огинской с своим войском в числе от трех до четырех тысяч человек в полдень выступил из местечка Мира и идет к местечку Столовичи. Это селение лежало в двух милях от места нахождения отряда Суворова. Суворов с отрядом повернул и пошел к упомянутому местечку Столовичам, невзирая на то, что наступила темная ночь. Он успел послать гонцов к полковнику Дирингу, который с отрядом стоял в местечке Свиржне, в 3-х милях от Мира, и к подполковнику князю Хвабулову, бывшему в Слуцке. Естественно, оба адресата к началу боя не успели.

Огинский не знал о приближении Суворова и стал в Столовичах на ночлег. По польской версии сил у него было немного. 300 гетманских янычаров и 700 кавалеристов с 5 пушками разместились на рынке. На западной стороне города были расставлены две пехотные части, насчитывающие 300 и 200 солдат, а также 5 пушек. 1000 уланов Беяка находились за городом.

Тогда же люди из отряда Суворова захватили в плен четырех польских улан, и те проводили Суворова к лагерю Огинского. Суворов в своей автобиографии отметил: «сблизились с армией г. Огинского, который дневал под Столовичем; пойманы фуражи-

ровавшие уланы. Принявши их ласково, сведал я от них нужное о их расположении». Здесь же интересная приписка: «Остерегал его генерал Беяк, но он не верил»¹.

Войска Суворова «продолжали марш без малейшего шума, целя на его огни; ночь была темная, и к утру пал туман»². Пробравшись «через многие и узкие дифилеи», отряд Суворова прибыл к местечку «на самой темной заре» 12 (23) сентября и построился в ордер де-баталии: пехота в первой линии, имея посреди в линии пушки; кавалерия «сочиняла» вторую линию; в резерве оставили роту пехоты, роту карабинер и 30 казаков; остальные казаки прикрыли фланги. «Казачи были рассеяны с крыл и сзади», – вспоминал Суворов³. Соотношение сил было: 820 бойцов у Суворова (по версии польского военного историка Кукеля, 822 солдата в составе 5,5 рот, 2,5 эскадронов, 88 казаков и 4 орудия), до 4000 бойцов у гетмана (поляки считали у него 2500 конфедератов, из них 800 пехотинцев и 1700 кавалеристов при 10 орудиях).

На местечко двинулись через болото по дурному и тесному проходу. Как только начали переправляться, из самого местечка по русским открыли весьма сильной пушечной и ружейной огонь. Суздальцы с полковыми пушками прошли первыми и отбили место, где можно развернуться. Майор Кисилев, «отбив неприятеля от дифиле, понудил назад бежать внутрь жилья, чем отворил свободной путь»⁴.

Туда за ними прошла кавалерия майора Рылеева, и тот «сделал наипресильнейшую атаку», занял местечко, захватил стоявшие там на площади пушки, освободил пленных. Практически первой атакой он выбил поляков из местечка Столовичи⁵.

Поляки, в свою очередь, утверждали, что из-за отсутствия сторожевых постов тревога была поднята слишком поздно, когда

¹ Суворов А.В. Наука побеждать...С. 17.

² Там же.

³ Там же.

⁴ А.В. Суворов. Документы... С. 454.

⁵ Богданов А.П. Наука побеждать. Генералиссимус Суворов... С. 191-192.

была в наших руках, как стоявший в полмили от места баталии генерал Беляк, правда поопоздавши, с двумя сильными полками лучших уланов, своим и Корицкого, отрезал и окружил наших три эскадрона; те не один раз сквозь их прорубались, чем и кончено сражение»¹.

В бою в плен взято 15 штаб и обер-офицеров, 1 лекарь, 1 подлекарь, 1 ксенз капелян, 273 рядовых, захвачено 10 медных пушек больших и малых, возвращены 2 легионных пушки, ранее захваченные гетманскими войсками, ружей разных калибров 327, барабанов 12, буздыган вызолоченной (знак гетманской власти) 1, отбито 435 русских пленных, взятых гетманом Огинским в начале восстания. Полегло на поле боя и во время погони из гетманского войска нижних чинов «от четырех до пяти сот человек», из офицеров назван лишь подполковник Битов².

В своей автобиографии Суворов вспоминал, что были захвачены «все драгунские лошади с убором, конпуповые с уланами знатною частью спаслись; плен наш наше число превосходил: от драгунских и пехотных полков почти все, кроме убитых, штаб и обер-офицеры были в нашем плену»³.

Отбитые лошади, которые оказались годны, были переданы кирасирам, карабинерам и в подъемные под артиллерийские орудия, «а другие, кои неспособные к службе, оставлены в руках нижних чинов и казаков»⁴. Казаки сами захватили приличную добычу. Согласно послужным спискам командира донского казачьего полка Афанасия Попова, в Литве он взял в плен капитана с сорока драгунами, затем взял в плен капитана, поручика и 22 драгун при которых было более 7 тысяч польских злотых и 443 червонца⁵.

¹ Суворов А.В. Наука побеждать... С. 18.

² А.В. Суворов. Документы... С. 456.

³ Суворов А.В. Наука побеждать... С. 18.

⁴ А.В. Суворов. Документы... С. 462.

⁵ Корягин С.В. Поповы. Генеалогия и семейная история донского казачества. Выпуск 67. М.: Русаки, 2007. С. 400.

В 11 часов пополудни, то есть еще до полудня, сражение закончилось. Суворов, собрав все войско, промаршировал 6 миль к местечку Несвижу, куда и прибыл около 9 часов вечера.

Уцелевшие литовские войски, «все получили от стражника Огинского повеление, чтоб каждой шел в свои консистенции, а о гетмане известно, что будто уехал за границу с регементарем Брестовским и с ними до десяти гусар»¹. Позже появились сведения, что Огинский бежал с поля боя «на чужой лошади в жупане, без сапогов»², еле ускакал от двух казаков. Он бежал в Данциг, Косаковский бежал в Венгрию.

Гетманский буздыган каким-то образом оказался продан кому-то из отряда Древица, и завязалась целая переписка, чтоб эту булаву Древиц у своих людей нашел и передал вышестоящему начальству.

Сложнее определить судьбу полков Беляка и Корицкого, которые после сражения объединились под командою полковника Беляка. Впрочем, к новому году все выправилось. Беляк остался на службе и даже получил от короля чин генерала. Вот рапорт: «С Бяльского поста прошлого ж года, декабря от 26 числа, господин секунд-майор Харлов рапортует, что того 26 числа господин генерал Беляк чрез присланного от него офицера ему дал знать, что он по повелению его величества короля Польского для конвоя гетмана полного литовского князя Сапеги и протчих особ имеет выслать команду от полку Корицкого и своего двести коней до местечка Вельска, где они имеют ожидать тех особ, а оттуда в Гродню для некоторой воинской комиссии отправятца, куда и означенной господин Беляк 2 числа отбыть имеет»³.

Но пока вернемся в Столовичи... Русские потери при тщательном подсчете были определены в 8 убитых и 3 офицера и 35 нижних чинов раненых. У поляков в захваченных документах был обнаружен русский шифр.

¹ А.В. Суворов. Документы... С. 456

² Там же. С. 458.

³ Там же. С. 479.

13 (24) сентября Суворов еще раз поздравил Веймарна с победой. Закончил издевательски: «Теперь пора мне туда, откуда пришел.

Нижайше поздравляю ваше высокопревосходительство»¹.

Суворов вернулся в Слоним, оставил там пленных, дошел до Пинска, очищая дорогу, затем опять вернулся в Люблин.

Гетманские полки в Литве, личный состав которых теперь едва достигал 2 тысяч, распустили по домам.

Пока Суворов бил в Литве Огинского, русская кавалерия 1-й армии гонялась за конфедератами на западных границах Польши.

5 (16) сентября у Ильманова майор Веревкин встретил 200 конфедератов, убил 30.

13 (24) сентября полковник Поливанов настиг под Белиградом и разбил 370 конфедератов ротмистра Рудницкого. Из 370 человек, были убиты 40, 3 офицера и 19 драгун попали в плен. У русских погибли 3 казака.

Подполковник Гейсман отогнал от Кракова 600 пеших и 400 конных конфедератов. После этого Гейсман и Штакельберг ходили по следам Суворова от Кракова к Ландскроне. Гейсман преследовал встреченных конфедератов до Бяле, там встретили еще 200 конных, погнали всех. Подобрали 7 убитых конфедератов, 1 польский гусар сдался в плен. Полковник Штакельберг повернул к Живицам, впереди шел поручик Бухгольц с эскадроном. Там встретили 300 конфедератов и разбили, те потеряли 40 убитых. Поручик Кауп с казаками в горах тоже побил немало поляков и привел 5 пленных.

23 сентября (4 октября) Гейсман вышел к Тинцу, там он обнаружил редут и 3 ряда волчьих ям. Видимо, он хотел повторить деяния Суворова и атаковал редут, но был отбит, потерял 41 убитого, были ранены 2 офицера и 49 рядовых. Гейсман возвратился в Тарнов.

Полковник Поливанов еще раз разбил в горах Рудницкого, у которого теперь было всего 40-50 человек. Ротмистр Вереща-

¹ Там же. С. 457.

гин напал на них у Яслиско, 1 офицер у поляков был убит, и 8 пленных достались русским. Поручик Скрыдло догнал хорунжего Барановского с 25 всадниками у Стры, взял в плен хорунжего и 5 человек¹.

В Литве добивали мятежников Огинского. У Чернобыля ротмистр Науэндорф узнал, что маршалок Касаковский с 1000 идет от Рогачева к Могилеву. На соединение к нему с отрядом шел некто Юдицкий. Русские вовремя блокировали этот отряд, и Коссаговский бежал на Волынь.

В сентябре в Польшу на помощь конфедератам прибыл генерал барон де Виоменвиль с французскими офицерами. Но повлиять на ход событий в 1771 году они уже не могли.

7 октября министр иностранных дел д'Эгильон писал послу в Польше Жерару: «Надежды на Огинского и его первые успехи усилили наши ожидания. Но поражение его и ещё более упадок духа этого магната разрушили все расчеты, которые можно было основывать на Литве»². Приехавший к конфедератам Виоменвиль писал: «В отчаянном положении, в котором находится конфедерация, необходим блистательный подвиг для того, чтобы снова поддержать ее, вдохнуть в нее мужество»³ Подвиг перенесли на следующий год.

Тогда же произошло событие в духе авантюрного романа. В октябре 1771 года представитель «Генеральности» Михал Ян Пак поручил полковнику Казимежу Пулавскому похитить короля и доставить его в крепость Ясна Гура. Участником подготовки к похищению был Апостольский нунций в Речи Посполитой Анджело Мария Дурини. 23 октября (3 ноября) 1771 года на улице Миодовой в Варшаве на короля, возвращавшегося на карете, напало подразделение конфедератов. Короля ранили в голову и увезли в условное место. Но там королю удалось переубедить

¹ Журнал...

² Богданов А.П. Наука побеждать. Генералиссимус Суворов... С. 194.

³ <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000224/st008.shtml>

одного из похитителей, который отпустил и даже сопровождал его до безопасного места. Похищение не удалось.

Заремба, узнав о попытке конфедератов похитить короля, подал в отставку. Но заявление на отставку принято не было, Юзеф Заремба продолжил службу. 26 ноября (7 декабря), на дворянском съезде во Всхове он был избран маршалком Великопольской конфедерации. Его войска провели зиму на польско-силезской границе. Во время зимовки, Заремба сотрудничал с прусскими войсками, вторгшимися в Великую Польшу. За это Пруссия поставляла армии Зарембы продовольствие. Практически эта «армия» вышла на зиму из войны.

Меж тем Веймарн был сменен Александром Ильичом Бибиковым.

На зимние квартиры войска Кречетникова разошлись следующим образом: 2 полка пехоты и 1 полк карабинеров расположились во Львове, 2 полка кавалерии в Полонном, по 1 полку в Томашове, Бродах, Самборе, Перемышле. «Легкие войска употреблялись для передовых постов и разъездов»¹.

Кроме того, в Польше из числа войск 1-й армии расположились «набранный из польских жителей казацкий полк» и «команда малороссийских и донских казаков». В списке указывалось: «Располагаются по усмотрению»².

Генерал-аншеф Долгорукий, вернувшись со 2-й армией из Крыма, в сентябре отправил в Польшу 1 пехотный полк, 2 гусарских и 2 донских полка – полк Ефима Кутейникова (с 10 ноября 1771 в Польше) и полк Карпа Колпакова.

В октябре 1771 года пруссаки заняли Познань батальоном пехоты и полком гусар. Французы заявили: «Верно, что прусский король с некоторого времени делает полякам зла более, чем русские сделали в четыре года»³.

¹ Петров А. Указ. соч. Т. 3. С.257.

² Там же. С.319.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 524.

В конце 1771 года произошло бегство в Австрию из Черновод, от турок, Потоцкого с 300 конфедератами.

Турки, как видим, практически вышли из игры. Зато усилила свои позиции Пруссия.

Стычки и погони продолжались в Галиции, в зоне ответственности 1-й армии. 3 (14) ноября подполковник Гейсман разбил в местечке Бобова 60 мятежников, взял в плен вахмистра и 3 рядовых. Еще 3 пленных захватил Штакельберг у Фриштака. Корнет Теденков 16 (27) ноября захватил в Езловке хорунжего, товарища и 2 шеренговых¹.

25 октября (5 ноября) подполковник Ланг разбил под Радомом Пулавского. Отряд Пулавского рассыпался. Части Суворова стали их вылавливать. 26 октября (6 ноября) ротмистр Бергольц с Юзефовского поста поймал поручика и семь рядовых, а 27 октября (7 ноября) трех «бошняков». 28 октября (8 ноября) подполковник Елагин из отряда Суворова узнал, что «возмутительские» полковники Грабский, Вербовский, Самборский и Ленартович собрали по разбитии маршалка Пулавского свои команды тянулись к стороне Конска до Ченстохова, нагнал их между Шидловцом и Присухами, разбил и гнал две мили. Побито было больше тридцати конфедератов, в плен взяты: полковник Самборский, ротмистр Будинский, адъютант Пулавского Гродецкий, товарищ Смолинский и семнадцать человек рядовых. Среди пленных были смертельно раненые: «у иных отрублены руки, и шеи почти до половины перерублены, то таковые по разным деревням под росписками оставлены, в числе коих и полковник Самборский»².

31 октября (11 ноября) генерал-поручик и разных орденов кавалер Александр Ильич Бибилов приказал Суворову отправить полковника Штакельберга с полком в Краков для занятия оного. Суворов стал перетасовывать войска, чтоб прикрыть зону своей ответственности и, что интересно, особо тщательно пере-

¹ Журнал...

² А.В. Суворов. Документы... С. 462.

распределял казаков. В Пинчове – 30 донских казаков, которых велено прислать из Кракова. Казаков 20 там оставит «полковник Штакельберг до присылки из Кракова других, по прибытии которых сих 20 человек с господином подполковником Эбшельвицем отправить сюда, будучи во оном иметь крайнюю предосторожность»¹.

Продолжалось тщательное отслеживание сил конфедератов. Суворов усматривал «три партии: 1-я бывшая Миончинского, а ныне более всех ведает ее Валевский, недавно названной маршалком краковским; 2-я Пулавского; 3-я, которая почитается на подобие резерва, Зарембина. В 1-й маршалки Косовской, Прилуцкой, Зелинской, во 2-й Карчевской и Радзиминской, в 3-й великопольские маршалочки Пржездецкой, Микорской, Мазовецкой (Дербицкой более пристает к 1), Глембовский, Суски, Щавинский»².

Особое внимание Суворова занимали французы. «Названной их французской легион, в которой и офицеры определены были французы, на вербовал в октябре до 50 ч. и тогда же в один раз бежало 24 человека; жалованье получали от французского генерала Вемениля»³. Француз был комендантом в замке Тынец, где собрались около 150 гренадер, конных бошняков – 40, спешенных драгун – 70, больных в лазарете – около 100, пушек – 21. «При всех тех орудиях канонер около семидесят, командир их капитан из поляков, комендант француз и прочие офицеры все французы»⁴. Французский комендант Тынца де Шасий усиленно укреплял замок, к нему дополнительно прислали 100 пехотинцев, 60 драгун полка Корицкого и несколько казаков, которые все еще оставались среди конфедератов.

Помимо Тынца внимание Суворова привлекал такой источник пополнения конфедератов, как вербовка добровольцев на грани-

¹ Там же. С. 466.

² Там же. С. 469.

³ Там же. С.473.

⁴ Там же. С.474.

це с Австрией, там шла запись в гусары, которых собирали у Живица, где уже насчитывалось 500 конных – партия Лентовского.

Отвлекая внимание, к Ченстохове и Кракову со стороны Радома подходили отряды Зарембы и Пулавского (так, по крайней мере, доносила разведка). Навстречу им перед Рождеством был послан смешанный конно-пеший отряд полковника Шепелева в 200 человек, 36 из них были казаки Донского войска.

28 декабря (8 января) у деревни Бонково Шепелев разбил отряд в 111 всадников ротмистра Звонковского из партии полковника Ленартовича, «один ротмистр и еще один адъютант, да рядовых сорок взяты в плен, побито 20 или больше»¹. Далее, в новом рапорте следовало уточнение с именами пленных: ротмистр Хлевицкий, хорунжий Невицкий, странник Грибинский, рядовых 43 человека. У Шепелева «урон состоит в одном убитом казаке и трех карабинерных лошадей; ранены: вахмистр Калинин, казаков два, лошадей карабинерных две»².

¹ Там же. С.476.

² Там же.

Кампания 1772 года. Раздел Польши

1772 год стал роковым для Польши. Де Виомениль, как мы уже знаем, сменил отозванного во Францию Дюмурье. Когда он прибыл в расположение конфедератов, в его распоряжении были 1000 пехоты и 800 конных, и еще 250 пеших и 200 конных бывшего отряда Радзивилла в Освичиме, Тынце и Бобрике.

В Ченстохове находились 400 пехотинцев Пулавского, 1200 конных конфедератов из его отряда частично стояли между Бобриком и Велюном.

Косаговский с 1500 бойцами литовской конницы находился в Кемпенсе, Острогове, Острове и Одолянове. Правый фланг его был связан с Пулавским, левый – с Зарембой.

Заремба с 2500 кавалерии и 200 пеших повстанцев правым флангом занимал Виндаву, левым – Петроков. То есть, 7200 кавалерии и 1800 пехоты конфедератов растянулись от венгерской границы у Новоторга до реки Варты, ниже Позена.

У русских насчитывалось 10500 пехоты и кавалерии, на их стороне были 5 тысяч польских королевских войск. Кроме того, на стороне русских находились 3000 волонтеров – литовцев и местных казаков¹.

Ничего не предвещало нового наступления. В начале января «возмутительской ротмистр Звонковский» с его людьми был схвачен командой полковника Древица между Петриковым и Больжбором.

Но тогда же крупный отряд некоего Онофрия Бенклевого пробрался от Ченстоховы через Великопольшу и Вислу, которую переходил около Плоцка, до самой Литвы. Суворов выезжал для организации поисков в Бялу-Подляску, «отрядил команду,

¹ Петров А. Указ. соч. Т. 4. СПб 1874. С. 3.

составляющую из карбинер, пехоты и казаков до 300 человек»¹, и после этого возвратился в Люблин. 15, 16 и 19 (26, 27 и 30) января он исправно рапортовал Бибикову о том, как идут поиски конфедератов в Литве.

В это время, в январе 1772 года, де Виомениль овладел краковским замком. Полковник Штакельберг, «человек уже молодых лет, начальствовал в Кракове и, преданный неге, надеясь на сильное покровительство, лежал у ног прекрасного пола, раболепствовал, думая повелевать»². Правда, он сообщал о подозрительной активности конфедератов: «Маршалок краковской Валевской несколько дней тому назад обращаетца то из Бялы до Живиц, то до Ландскрона, а оттуда опять на Кент и Бялу, а что его намерение – еще знать он, господин полковник (Штакельберг – А.В.), не может»³.

По просьбе женщины он снял часовых с подземного прохода. Французы под видом ксендзов пробрались внутрь. «Неусыпные казаки первыми приметили обман и произвели стрельбу»⁴, но спасти ситуацию уже не могли. В ночь с 21 на 22 января (1-2 февраля) поляки и французы взяли замок. И хотя Штакельберг тот же час «замок атаковал, но с некоторым уроном отступить принужден».

Прибывший позже Суворов обнаружил: «Притчиною занятия возмутителями замка внизу тайные входы там, где прежде из клоаков выливается. А каким образом то произошло, о сем с поданного ко мне от него, господина полковника Штакельберга, рапорта копию представляю»⁵.

Штакельберг объяснял это происшествие «неосторожностью определенных им в замке на карауле офицеров и чрез измену тамошних обывателей»⁶. В своем рапорте Суворову он отметил:

¹ А.В. Суворов. Документы... С. 484.

² Бантыш-Каменский Дм. Указ. соч. Ч. 2..С. 98.

³ А.В. Суворов. Документы... С. 479.

⁴ Бантыш-Каменский Дм. Указ. соч. Ч.2. С.99.

⁵ А.В. Суворов. Документы... С. 490-491.

⁶ Там же. С. 490.

«Сего месяца с 21-го на 22-е число, неизвестно прибывшими в ночи с стороны Тынца, пополуночи в 3 часа, возмутителями Краковской замок чрез случившуюся во оном от испускания нечистоты внутри оною скважину, близ ворот, вкравшись взяли, где у самых ворот при входе часового заколовши, состоящей при офицере замочной, равно и у показанных ворот резервной караулы, всего в 80 человеках, взяли ж»¹.

Дальнейшее разбирательство прибавило новые факты, две солдатские жены Суздальского полка показали: «когда возмутители вошли в замок, то первые имели на себе белые рубашки, окликающим нашим часовым в замке сказывались своими, а приближась оных закололи и при фрунте ружья забравши, протчих караульных связавши, посадили под караул, а содержащихся польско-возмутительских арестантов освободили»².

Были версии, что конфедераты прошли в замок «проломанною в стене скважиною, которая до их приходу была приготовлена имеющимися в замке каменщиками и сперва вошло человек до пятидесяти при хорунжем Хорвате»³. В середине февраля вышедший из замка и пойманный трактирщик Франц Залеский сообщил, что через женщин, приходивших из Тынца в Краков за вином, он был завербован конфедератами в октябре 1771 года. В январе 1772 года к нему прислали двух человек, «которые знали, каким способом в замок войти, он, трактирщик, потребными им инструментами вспомоществовал, кои еще до того за его собственные деньги искуплены... Сии работники по ночам в замке ту работу производили, а днем к нему, трактирщику, приходили, и он их кормил». Когда работа была закончена, в Тынец послали известие, что проход в замок готов, но почти 3 недели времени минуло, как из Тынца его вызвали в условное место, и он, «трактирщик, к ним вышел встречу 21-го числа генваря в вечеру до зверинца, ожидал их прибытия в кирпичном сарае». В час

¹ Там же. С. 492.

² Там же. С. 498.

³ Там же. С. 500.

полуночи из Тынца прибыл Шуази со своими людьми. Трактирщик проводил их к замку, а «те, которые вход сделали, взяли с собою 80-ть человек и провели в замок, а Шуази с протчими назад повернулся до Тынца... Но как скоро около 12-го часу пополуночи в воскресенье уведомился Шуази, что его люди замок заняли, то он тотчас выступил и тож в замок пришел в тот же самой пролом, которой был уже пространнее разломан»¹.

Шафир Адам Сапинский показал, что «трактирщик набрал каменщиков и работали завсегда ночью, а как приготовили, то: Шуази, получа ведомость, выступил с 480 человеками, приближась к Зверинцу, командировал он 140 человек вперед, из которых вводил первых 80 сержант Ланге, за ними других сей шафир... Шуази услышал в замке несколько выстрелов, вернулся назад, и хотя тот трактирщик уверял Шуазия, чтоб смело шел, но однако он того не утвердил, а возвратился». Когда Шуази убедился, что замок взят, то вошел туда, имея при себе 340 человек; «пришел в замок и маршалок Валевский с янычарами и с кавалериею и в ту же ночь оной Валевский выехал назад»².

Разобравшись детально, Суворов около 14 (25) февраля 1772 года написал А.И. Бибикову о причинах захвата замка.

«Теперь Вашему Превосходительству донести должен о причине невероятного происшествия в замке. Полковник Штакельберг!.. по прибытии моем сюда я истинно от него никакого верного объяснения добиться не мог: и 1-е, он из числа избалованных Иваном Ивановичем Веймарном, переписками с ним на иностранных языках, и для того он с принятия его полку никогда шпаги не вынимал; 2-е, здесь, как в знакомом ему месте, ксендзы и бабы голову ему весьма повредили. Он вместо благодетельного человека был человек добрый, и на том он спал. Не имел я ухищрения ловить даваемые мне иногда о сем его сне уведомления. Опасаясь, чтоб ксендзов и баб никогда не тревожить, разря-

¹ Там же. С. 525.

² Там же. С. 526.

дил он ружья, да и по просьбам их сводил часовых, а того часового действительно свел, который был у скважины, где французы вошли. Коренных пленных бунтовщиков, невзирая на мое приказание, из Кракова к Люблину не отправил. Я думал действительно, что для увольнения их от Вашего Высокопревосходительства на то повеление имел, в числе которых один из выпущенных из замка застрелил нашего офицера. К ним все ходили, кто хотел; а от утрени, когда каноники ходят в замок с двух часов по полуночи, и ворота замковые отворяемы были. Каков поп, таков и приход. Сие я говорю о ближнем полковника Штакельберга, исключая из того весьма достойных офицеров, которые ему о том в свое время представляли; но он, быв обременен ксендзами и бабами, их не слушал. Однако, милостивый государь! все сие в точности утверждать не можно до будущего разбирательства, не имея ныне на то достаточного времени¹. И далее А.В. Суворов подтвердил сведения о тратирщике и каменщиках.

В 5 часов утра 24 января (4 февраля) Суворов с частью отряда подполковника Ланга – два эскадрона карабинеров, рота пехоты и сто казаков – вступил в Краков. Другая часть отряда Ланга под командованием премьер-майора Михельсона была оставлена наблюдать за районом Кельца, откуда к Краковскому замку мог подойти Пулавский.

Словно проверяя подошедший русский отряд на прочность, в самый час его прибытия конфедераты совершили вылазку, но были отбиты, потеряв убитыми до 15-ти человек, в плен попали восемь человек, в том числе капитан Мысовский. С русской стороны ранение получил один мушкетер.

Вслед за Суворовым в Краков 24 января (4 февраля) прибыл командующий королевскими войсками граф Браницкой с тремя полками улан и полком Грабовского.

Там же ожидался польский посол, «рефендарь» (референдарий–докладчик, референт) граф Огинской (родственник гетмана) с полком польских уланов от корпуса графа Браницкого. Тем

¹ <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000224/st008.shtml>

не менее, конвой его состоял ста человек русской пехоты, всей пехоты русского гарнизона в Пинчово.

25 января (5 февраля) главный командир конфедератов в Краковском замке французской подполковник Шуази присылал из замка с трубачом офицера, который вел переговоры о размене пленных и о выпуске из замка ксензов, на что конфедератам предложили сдаться.

В ночь на 26 января (6 февраля) к Кракову пришел подполковник Гейсман и привел роту пехоты, два эскадрона кирасир, шестьдесят казаков и два орудия. Еще одну роту пехоты с пушкой, эскадрон карабинер и восемьдесят казаков он оставил в Тарнуве с майором Нагиным.

Увидев собранные против них войска, осажденные в Краковском замке, надеялись на помощь Пулавского и Зарембы

30 января (10 февраля) взятый при вылазке в плен ротмистр Павел Мелковский перечислил все части гарнизона замка.

«Ныне в замке, как оной же ротмистр показал, нижеобъявленные чины:

1. Подполковник Шуази, при нем три офицера, французы, которых имен никто не знает.

От кавалерии

2. Валеvских драгун от кавалерии майор Антон Раковский.

3. Ротмистр Павел Мелковский (которой, как выше значит, взят при вылазке в плен).

4. Хорунжий Шемянский.

5. От драгун Шкуржевских капитан Бриски.

6. Порутчик Кисель.

7. Полковник поморских казаков, которой главной командир при кавалерии, имя его не знает.

8. Порутчик Кулачковский.

9. Наместник Валобицкий.

От пехоты

1. Майор Витович.

2. Капитан Депре.

3. Порутчик Швейцер.
Первой артиллерийской роты
1. Капитан Сално.
 2. Порутчик Блондо.
- Второй артиллерийской
1. Капитан француз имени его не знает.
 2. Порутчик Лебельфелт.
- Гранодерской роты
1. Капитан Детруа.
 2. Порутчик имя не знает.
- Еще рота инфантерии
1. Капитан Мислер.
 2. Хорунжий Хорват, которой при самом первом занятии замка употребился.
- Такая ж рота
1. Капитан Дитвар.
 2. Порутчик Островицкий.
 3. От егарей капитан Голянт.
- От янычар майор Тухолка.
- При самой артиллерии порутчик Деметор.
- Сверх того объявил тайно, что и Валевский находится в замке, ибо не удалось ему выехать.

Драгун конных было 60, теперь осталось по вылазке около	30 человек
Драгун Скоржевского	60 «
Казаков	20 «
Хоронга почтовая	20 «
Итого	130 «
Янычар	100 «
Гранодер	53 «
Инфантерии	130 «
Егарей	60 «
Драгун пехотных	50 «
Итого	310 «
Всего	470 «

Но уже при вылазках и протчими случаи из оных побито и в плен взято немало»¹.

Суворов готовил артиллерию и боеприпасы для осады. К 1 (12) февраля к Кракову были подтянуты войска – 2953 человека, из них казаков, наконец-то, 477 донских и 33 чугуевских – полный пятисотенный полк. Еще 60 казаков оставалось в гарнизоне Велички (всего там было 242 человека) и в Краковском госпитале среди больных и раненых казаков разных полков шесть². Позже Древиц дополнительно отправил в Краков две роты Чугуевских казаков при майоре Харине.

Осажденные надеялись на Пулавского, но выделенные Суворовым отряды того к Кракову не подпускали.

Конфедераты распускали слухи, что Заремба собирается итти к Варшаве, Касаковской – на Пинчов, чтоб напасть на Древица, а Пулавской, имея триста пехотинцев, три пушки и пятьсот кавалеристов, скоро выступит прямо на Краков.

Может быть, так оно и было, но гораздо важнее, что другие – иностранные – войска начинали передвижение по Польше. 8 (19) февраля поручик барон Лаудон с 60 казаками в поисках конфедератов заехал в Бендзин, а оттуда «рапортовал, что в Бендзине ничего не застал, в Челедцы стоит королевских прусских войск Вернерского гусарского полку команда, а вчера имел выступить с эскадроном в Бендзин того ж полку майор Кроков»³. То есть, прусские гусары вступили на польскую территорию.

Уже 9 (20) февраля перебежчики стали рассказывать, что осажденные в замке едят кашу без соли, что в замке есть три [так] называемые французские роты, которые можно отличить по васьильковым мундирам⁴.

15 (26) февраля секунд-майор Волков следовал с командой от Тарнова к Мельцу и, «не доходя до одного три мили, примечена

¹ А.В. Суворов. Документы... С. 501-502.

² Там же. С. 508.

³ Там же. С. 520.

⁴ Там же. С. 522.

команды его казаками в стороне возмутительская партия в числе 20 коней». Партию догнали и уничтожили – «тринадцать побито, а семь взято в плен, из которых тяжело ранен предводитель их хорунжей Павел Жабницкий»¹.

18 (29) февраля был проведен неудачный штурм краковского замка. Погибли 1 офицер и 48 рядовых, ранения получили 8 офицеров и 72 рядовых. Суворов рапортовал об этом «для предбудущего доказу, что без большой артиллерии замку взять невозможно»².

Но и попытки вождей конфедерации деблокировать замок не удалась. Они – Казимир Пулавский и Симон Коссаковский – были разбиты. Отвлекая внимание, они 16 (27) февраля выступили к Варшаве. У Пулавского было «бошняков около 300, драгун мировых конных около 100 и еще пеших тож число, лейб-гусаров около 100, уланов тож до 100. Сверх того... имеет товарищев и почт около 60 человек». К Варшаве Пулавский повел тысячу человек, «и с ним Касаковской в трехстах коней... тож и Заремба пошел к Варшаве для оттяжки отсель наших войск»³. Потом пришли сведения, что «Пулавской и Заремба назначили себе генеральное соединение при местечке Ильже, которое укрепя, намерены разделить на два корпуса и один пойдет на Варшаву, а другой чрез Дунт в Замосць»⁴ (Суворов этому не поверил, но через две недели сформировал в Ильже отдельный пост).

Последующие донесения от постов разъяснили ситуацию. Пулавской, имея 3 000 бойцов (силы его разрастались прямо на глазах), в том числе и пехоты 200, соединился с Касаковским, вышел из Ченстохова и направился к стороне Петрокова, разглашая, что их отряды пойдут к Варшаве. Но, не доходя мили три до Петрокова, конфедераты разделились. Часть повернула к Кракову, а другая – к Великой Польше. Полковник Древиц, исполняя ранее полученные ордера, последовал за теми, что шли к Кракову. Узнав

¹ Там же. С. 527.

² Там же. С. 533-534.

³ Там же. С. 528.

⁴ Там же. С. 545.

о преследовании, «возмутители» повернули чрез местечко Жарки к Ченстохову. Пулавский с Касаковским остались в Ченстохове, а их отряды отошли к Бобрику и Освяцину, некоторые – к Велюне.

Распространялись различные слухи, которые тогда уже играли роль информационной войны. Объединенное руководство конфедератов – «генеральность» – все еще надеялось на Турцию. «Генеральность де всех их обнадеживает Оттоманскою Портою и недавно де отсель приехал консилиар Хоментовский, которой рассеял известии, якобы турецкие войски над российскими частые выигрыши имеют, и притом сказывал, что еще российские войски далеко в турецких границах.

Пред сим недавно генеральность будто б отправила послов до Пруссии и до Цесарии: каштеляна черского Сувчинского и гетмана Огинского»¹.

Как явствовало из перехваченного письма Виомениля к Шуазы, намерение «генеральности» действительно было отобрать Краков. Виомениль просил держаться в замке как можно дольше, чтоб истощить русских; сообщал о посылке в замок провианта и о подготовке занятия не только замка, но и самого города Кракова.

Было несколько попыток конфедератов из гарнизона Тынца деблокировать Краковский замок. 28 февраля (10 марта) 200 конфедератов крайчего Сапеги подъезжали к деревне Гнойной, но премьер-майор Нагель Киевского кирасирского полка, «будучи подкреплен королевскими войсками команды генерала Грабовского, всех их даже под самой Тынец прогнал»². Пленные показали, что еще за три мили от Тынца остался маршалок Зиберх, у которого якобы более 600 коней, а всего при Тынце собралось более 1000 человек, которые хотят итти к Кракову на выручку осажденных в замке «возмутителей». Позже, уже после боев, Суворов дотошно подсчитает силы противника: «А по учинении их

¹ Там же. С. 530.

² Там же. С. 541.

оборота прибыл сюда к Тынцу от стороны Бобрка и Освяцына Зиберх в 400, да его ж партии от Белевича с полковником Путкамером 300 и приданных ему от Касаковского при полковнике Ординце 200, да с Радзиминским 80, итого всех при Тынце было 980... а Велевского кавалерия состояла при Тынце в 410, а всего более 1200 человек одной конницы»¹.

Суворов договорился с командующим королевскими войсками графом Браницким и 29 февраля (11 марта) отправил к Тынцу на другой берег Вислы премьер-майора Михельсона с отрядом, в который входили два эскадрона карабинер, Углицкая гранодерская рота, половина роты Казанского полка и до 50 донских казаков. Граф Браницкий, получив такое подкрепление, отправил разные партии в окрестности Тынца, и те патрули за короткий срок переловили трех ротмистров – Яна Кульвеча, Михаила Тишкевича, Ануфрия Репинского, поручика Игнатия Свежавского, секретаря полковника Ординца Адама Котловитцкого, хорунжего Казимира Свежавского и нижних чинов человек 19, всего 25 пленных. Казаки отличились. Михельсон рапортовал, «что команды его корнет Абашев, быв в одной тогда партии с 20-ю казаками, усмотря возмутителей человек до 30, на них ударил и гнал за горы к Тынцу и много из них переранил и ротмистра их одного в плен взял, которой состоит в числе предъявленных пленных ротмистров трех человек; при том случае из команды оного корнета легко ранен казак один»².

1(12) марта из Кракова непосредственно к Тынцу был послан подполковник Ланг с эскадроном карабинер, одной ротой пехоты, с 1 пушкой и с 60-ю казаками. Он занял пост в миле от Кракова при деревне Смердионце, чтоб не допустить переправы конфедератов через Вислу.

На другой день в 10 часов утра Ланг сообщил, что неприятель переправляется на здешнюю сторону на пяти паромах и вброд,

¹ Там же. С. 546.

² Там же. С. 541.

«и уже более дву сот на сей стороне строятся и с казаками шармицель происходит, а другие поспешно ко оным переезжают». Суворов срочно отправил на помощь Лангу эскадрон карабинер с ротой пехоты, двумя пушками и с 60-ю казаками, да один эскадрон уланов из королевских войск графа Браницкого, а потом в 11 часов выехал и сам.

К этому времени конфедераты уже переправились и выстроились в боевой порядок. Их было около 800 человек – литовцев, гусар, бошняков и уланов под предводительством маршалка Зиберха, полковников Ординца, Путкамера, Касаковского и Белевича. Передовой отряд в 200 сабель уже отделился от общей массы войск и двигался к подполковнику Лангу с намерением атаковать.

Суворов, не дожидаясь идущей из Кракова пехоты, приказал подполковнику Лангу с кавалериею и легкими войсками ударить на поляков. Ланг, «с неустрасимою храбростию и с великою скоростию прямо в середину сильно ударя, пробив построенные шквадроны, привели в замешательство и оборотили их в бегство и гнав в тыл их до самого берега Вислы (будучи действительно под самыми с батареей от Тынца из пушек ядерными картечными, так и от немалого числа их пехоты, построившейся на той стороне по берегу, ружейными выстрелами). Возмутителей рубили и кололи, кои от страху не успели попасть на паромы пустились вплавь чрез реку, не потрафя броду, многие в реке Висле, один другого выпереживая и теснясь, между собою друг друга давили и тонули, а иные, встречаемые от их пехоты стрельбою, вместо наших немало побиты, не исключая раненых, кои могли уехать. В плен взято только 15 человек и поручик Петр Шалупа, а сам маршалок Зиберх едва успел впереди бегущих на пароме в Тынец переехать. Сие происшествие продолжалось три часа, а кончилось пополуночи в два часа»¹.

Потери русских были минимальны: 1 убитый карабинер, 1 раненый кирасирский унтер-офицер, бывший при Суворове ор-

¹ Там же. С.542.

динарцем, 1 польский улан королевских войск, 4 казака, причем из раненых казаков 2 были сотниками. Видимо, в рукопашной схватке казачьи сотники показывали пример и вырвались вперед. Еще были ранены 8 лошадей.

В тот же день из Тынца выходил отряд Валевского – 400 сабель – и тревожил форпосты королевских войск графа Браницкого. Браницкий взял 2 своих эскадрона и карабинеров Михельсона и отогнал конфедератов «под самые у Тынца батареи». Потери конфедератов – 30-40 убитых и до 100 раненых (хотя Браницкий мог и преувеличить), в плен взят хорунжий и 6 рядовых. В отряде графа Браницкого убит уланский ротмистр Бабаш, ранено 9 рядовых. Среди карабинеров Каргопольского полка ранено 5 человек.

Суворов в своем рапорте представил всех отличившихся и особо «Суздальского полку поручика Парфентьева, которой с отделенною частию казаков в том действии и поражении употребился»¹.

Таким образом, отряд, собиравшийся идти от Тынца на помощь Краковскому замку, был разбит. Суворов доложил: «Теперь, слава богу, первая их куча рассыпана, литовцы от Тынца пошли вверх по реке Висле к Шленской границе, на Затор в стороне Бяла, несколько мы ныне облегчились, а впредь что бог дарует с другими намеряющимися к Кракову на сикурс»².

В начале марта наиболее боеспособные силы конфедератов – отряды Пулавского, Коссаковского и Зарембы – собрались в Ченстохове. Можно было ожидать диверсии в сторону Кракова оттуда. Суворов тщательно подсчитывал собравшиеся там силы: «А у Коссаковского осталось 324, в том числе от крайнего Сапеги присланных и приданных к нему 70 драгун, у Пулавского состояло под Ченстоховым кавалерии 680 – итого 1004»³. Теперь было

¹ Там же. С. 543.

² Там же.

³ Там же. С. 546.

«желательно знать о подлинных Зарембы силах»¹, о чем и были даны распоряжения на посты. Уже в апреле состав войск Зарембы был известен. По показаниям пленных, Заремба имел у себя «команды великопольских гусар 600, бошняков 200, товарищества и шеренговых при двух полковниках Сирашевским и Грабовским до 400-х, пехоты 300, пушек 6, сирацких гусар 200, товарищества и шеренговых до 100, велюйских гусар товарищества и шеренговых до 300 и сверх того Мазовецкой с командою, также куявских [с] маршалком Глембовским и гостинских с маршалком Микорским до 1000; итак по сему исчислению выходит 3100 и еще де сформируется французской пехоты до 600»².

Пулавский высылал конные партии для сбора продовольствия, но его лучшие командиры, Новицкий и Прилуцкий, были перехвачены отрядом Древица. 11 (22) марта Древиц рапортовал, что за «полковниками Новицким и Прилуцким он гонит, только догнать не может, ибо де они идут все лесами, однако де он старается их в самом деле догнать и истребить», но 13 (24) марта он этих полковников «под местечком Илжею в числе 400 поразил и на месте положил близко 200-х; в плен взято: самой тот полковник Новицкой, два ротмистра, пять субалтернов, нижних чинов 125, прочие спаслись бегством. С его стороны убито 2 казака, раненых 8 человек, лошадей карабинерных и казачьих убито и тяжело ранено 34»³. Да и Зарембу потрепали. Заремба с 900 гусарами 11(22) марта подошел к Петрокову. В городе находился полковник Лопухин и с ним 1600 русских солдат. Лопухин двинулся на Зарембу. «Завязалось упорное кавалерийское дело, продолжавшееся три четверти часа, в котором Заремба был совершенно разбит и потерял до 500 убитыми, ранеными и взятыми в плен»⁴. По рапортам выходило так: «Полковник Лопухин дал знать, яко сего месяца 12 имел он с Зарембою изрядную по-

¹ Там же. С. 547.

² Там же. С. 569.

³ Там же. С. 556.

⁴ Петров А. Указ. соч. Т. 4. С. 17.

тычку, с хорошим числом их урона и взятых в плен. По разбитии, Заремба находился с достальною командою с того 12 и 13 под местечком Расшрою, а оттуда потянулся к Радомску; из оногo ж попрежнему в местечко Расшрою»¹. «При разбитии генерала Зарембы» участвовал полк полковника Петра Саврасова. Служивший в этом полку Попов Наум Ильич Качалинской станицы был произведен в хорунжие 12 апреля 1772.

Вскоре Заремба, потерпев поражение, ушел за Варту. 22 и 23 марта (2 и 3 апреля) вслед за ним за Варту двинулись русские войска. Защищая территорию, Иван Никифорович Сулин, служивший в полку Никифора Сулина, 5 (16) апреля 1772 под местечком Кутно взял в плен 65 человек.

Потерпев поражение под Пётркувом, Юзеф Заремба уже не смог оправиться и 1(12) мая распустил свою армию. Вернувшись в штаб армии в Варшаве, он добился прощения короля и даже был повышен в чин генерал-майора коронных войск. Однако фактически после этого в военных действиях участия не принимал. Скончался он в конце февраля 1774 года в своём поместье в местечке Розпша из-за обширных ожогов тела, полученных при приёме ванны. Вопрос, случайно или злонамеренно ему в ванну налили кипятка, остается открытым.

Вообще время и место указанного поражения Зарембы стали прологом ряда поражений войск конфедератов. 16 (27) марта у Петракова, в свою очередь, были разбиты 400 драгун Мазовецкого.

Осада Краковского замка меж тем продолжалась. Казаки в это время конвоировали транспорты с фуражом из Сандомира под Краков (30 казаков)², держали под контролем подъездные пути к Кракову вместе с пехотой и кавалерией (у монастыря Белян «на первой случай половина роты пехоты с пушкою и половина роты кавалерии, да сорок донских казаков»³), гонялись по окрестным

¹ А.В. Суворов. Документы... С. 556.

² Там же. С. 548.

³ Там же. С. 549.

горам за мелкими партиями конфедератов. Так, посланные за фуражом к стороне Пинчова казаки под командою корнета Глушилины поймали 3 «товарищей» и 3 шеренговых из партии маршалка Валевского, которые были посланы для сбора «поголовных денег»; 11 марта в местечке Кенты посланный вперед с 30-ю казаками корнет Абашев захватил разъезд партии Касаковского – порутчика Закршенского и 4 «товарищей», «да уланами схвачен Валевского партии казачий атаман»¹ (как видим, некоторые местные казаки продолжали участвовать в конфедерации); посланный на фуражировку в деревню Чижевицы с 30-ю казаками Каргапольского карабинерного полку корнет Рышков узнал, что из Ланцкорона вышли на фуражировку два поручика, Харлевский и Колецкий, с командами в числе 60 коней, и «сделал удар на них 17-го марта пополуночи в 4-м часу... При том случае порутчика Харлевского рая, взял в плен товарища одного, шеренговых четырех, итого шесть человек; убиты оных пять человек, а протчие разбежались. С стороны ж его, корнета Рышкова, ранено казаков три, из казачьих лошадей убита 1, другая ранена»².

Конфедераты жались к австрийской границе. «Но как по ордеру его графского сиятельства господина генерал-фельдмаршала и разных орденов кавалера графа Петра Александровича Румянцова командам Главной армии не велено приближаться до австрийского кордону на две мили, то возмутители в сей дистанции к австрийскому кордону и шатаютца»³.

Польские королевские войска Румянцеву не подчинялись и с австрийцами каких-либо ограничительных договоров не имели. Поэтому корпуса его сиятельства графа Браницкого уланская команда в 300 всадников, возглавляемая полковниками Корицким и Хоецким, 29 марта (9 апреля) близ венгерской границы около Живца и Бяла разбила до 200 человек «возмутителей». «Возмутители» состояли из 50 человек пехоты, наемных

¹ Там же. С. 552.

² Там же. С. 557.

³ Там же. С. 553.

Шицом за деньги Радзивила и присланных под командою майора Броуна на соединение с Касаковским. А 150 всадников были конницей Касаковского под командою полковника Скарлубитского. Как сообщили королевские полковники, «возмутителей» они перебили до 80 и в плен взяли 76. Со стороны улан убитых было человек десять, а раненых немногим больше¹.

Бывали и неприятные инциденты: из отряда Михельсона «за бывшими ненастьем и туманом, тож и за темнотою, гнавши бунтовников, забежали в границу к Билицу полку Нарвского карабинерного капрал 1, карабинер 3, Донского войска казак 1, которые австрийцами захвачены и отданы под караул», и Суворову пришлось приказать «сделать с австрийским Бильским комендантом о возвращении их с показанием означенного обстоятельства переписку»².

Переписка раскрыла следующее. Премьер-майор Михельсон был командирован 10 (21) апреля полковником Абалдуевым с командою в составе 137 карабинеров и 40 казаков в местечко Бяло для истребления там «или в других тамошних местах и околичностях» «возмутительских» партий. Утром 11 (22) апреля, «в исходе пятого часа, при бывшей дурной и ненастной погоде и случившегося весьма большого тумана», Михельсон застал в местечке более 300 «возмутителей пехоты и конницы», на коих тот же час ударил. Конфедераты не имели возможности построиться, они запирались в домах и стреляли из окон, а другие старались чрез задние дворы и сады убежать за австрийскую границу, которая была «возле самой Бялы в одном шагу». Михельсон приказал части карабинеров спешиться против обороняющихся в домах «возмутителей», а прочие догоняли «в рассыпку» бегущих за границу, из которых «несколько было побито, а другие, перебежав чрез границу, которую разделяет самая маленькая речка шага в четыре и не глубже одной четверти или меньше, начали стрелять». То есть, конфедераты, перейдя австрийскую границу,

¹ Там же. С. 566.

² Там же. С. 573.

стали с австрийской территории стрелять по русским. Из команды Михельсона некоторые нижние чины, гнавшиеся за поляками, «от тумана и мокрой погоды, тож и будучи в огне, видевши своих неприятелей противу себя вооруженных, кои к ним стреляли, границею, не распознавши оную, проскочили». Тот же час австрийцами был убит один казак и под караул взяты (арестованы) 1 капрал и 3 карабинера, из них один был ранен австрийцами. Австрийцы заявили, что в этом «замешательстве» с их стороны был убит барабанщик, которой тогда бил тревогу, и ранен один рядовой. Михельсон объяснял австрийские потери тем, что «возмутители были в белых мундирах наподобие австрийских, а австрийцы выбегали к самой речке к возмутителям из своих квартир или караульных не строем, а строились уже возле речки». Люди из отряда Михельсона, как только «усмотрели и распознали границы, от вступления во оную удержались», а прочие, которые в малом числе границу пересекли, тот же час вернулись. После чего Михельсон затребовал и получил «аттестат австрийских войск от тамошнего коменданта капитана Иозефи», что действительно за туманом и мокрою погодою нижние чины его отряда границы не распознали. Пока Михельсон брал этот аттестат у австрийского капитана, «возмутительская конница, собравшись, ударила на наших в тыл, однако они командированным от него, господина майора, с ротою карабинер ротмистром Тишениновым в один момент были разбиты и прогнаты за границу и, перебравшись чрез оную, тоже несколько выстрелов делали»¹.

Позже подсчитали потери и трофеи. В Бяле убито конфедератов: порутчик один, гусар шесть, прочих человек до сорока или более. Количество раненых определили как «весьма не малое число». Но сделали оговорку: «Они имели способу употреблять последние силы переползть чрез границу». Пленных взято всех чинов двадцать четыре человека. С русской стороны убит на австрийской стороне 1 казак; под караул взяты: капрал один, кара-

¹ Там же. С. 575-576.

бинер три, «со всею при них находящеюся казенною аммунициею и лошадьми». Ранены: трубач один, карабинеров два, лошадей строевых убито две, ранено шесть.

Введенные на польскую территорию русские войска 1-й армии занимали ключевые пункты. Главная квартира – во Львове, другие отряды в местечках Ланцуте, в Ярославе, в Добромиле, в Перемышле, в Турках и Дрогобыче; известные уже по боевым действиям полковник Поливанов в Красне, премьер-майор Штакельберх в Лисках, подполковник Елагин в Самбуре, полковник Траубенберх в Томашове, полковник Шалыгин в Скале.

Пруссия и Австрия до последнего времени поддерживали конфедератов, но всего лишь с целью ослабить Россию, а сами претендовали на польские территории. Франция конфедератов тоже поддерживала, поскольку была союзницей Турции, а турки вели с Россией войну. И еще французы боялись усиления Пруссии.

По данным разведки и перебежчиков, французской генерал Вемениль имел от французского двора повеление и деньги на то, чтоб на вербовать и содержать пять тысяч войска, но при условии, чтобы «маршалки от его повеления зависели, однако еще по сие время до того не достигнул, чтобы они ему повиновались. Только он, Вемениль, уже послал своих офицеров для вербования, кои и вербуют»¹. Этих офицеров ловили. Так, 26 марта (6 апреля) граф Браницкой с королевскими войсками и бывшей с ним премьер-майор Михельсон с его командой схватили французской службы штаб-офицера Мальцана и капитана Донецака, а с ними нижних чинов (поляков) шестнадцать². Но вербовка на этом не прекратилась. Вербовку вел выпущенный на свободу Миончинский, который получил для этого от Паца 6000 червонцев. Князь Радзивил, чтобы иметь средства для вербовки продал свои деревни всего за 30000 червонцев Его Величеству королю Прусскому и вел вербовку «через многих офицеров». Вообще Его

¹ Там же. С. 562.

² Там же. С. 563.

Величество король Прусский неплохо нажился на конфедератах. Саксония послала чрез Пруссию к «бунтовщикам» оружие и деньги, которые прусским королем были «забраны и в его земле оставлены». Мать саксонского электора Антонина просила об их возвращении, но ей было отказано, поскольку по итогам бывшей между Пруссией и Саксонией войны Саксония так и не выплатила всей наложенной на нее контрибуции. Саксония, видя невозможность пересылать деньги и оружие, нашла другой канал помощи «бунтовщикам»: людей из саксонской службы их командование отпуская в отставку и секретно порознь посылало к конфедератам человек по 20 и по 30.

Все эти «жалкие потуги» уже не могли помочь конфедератам. Краковский замок был их последним серьезным оплотом. Во время осады его русские потеряли 200 убитых и 400 раненых. Осознавая это, Суворов предложил осажденным самые почетные условия капитуляции.

8 (19) апреля начались переговоры с комендантом замка Шоази.

15 (26) апреля французы и поляки вышли из краковского замка. Согласно договору о капитуляции, комендант и 8 французских офицеров оставались во Львове, еще 16 просили оставить их в Бяле, и Суворов обещал ходатайствовать, «третьи офицеры 19 человек, просто поляки» отправлялись в Россию¹. Рядовые сдавались в плен и оставляли оружие.

Поздравляя Бибикова со взятием Краковского замка, Суворов прибавил: «Простите, батюшка! бедного старика Стакельберга»².

Узнав о капитуляции Краковского замка, конница конфедератов покинула Тынец и разделилась на две части, одна поехала к Бяле, к границе, другая – к Ланцкорону. Пехоты в Тынце осталось до 600 человек, по большей части рекрут, которые желали сдаться; французов и немцов оставалось «весьма малое число

¹ Там же. С. 576.

² <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000224/st008.shtml>

и те также в страхе». Комендантом в Тынце был француз Дюгу. В плену в Тынце содержались 1 русский кавалерийской офицер и 18 казаков.

Приняв капитуляцию Краковского замка, Суворов следующей своей задачей видел блокаду Тынца. Часть войск, осаждавших Краковский замок, отправлялась в места постоянного базирования. 95 донских казаков, прибывших в Краков из Люблина, отправлялись в Варшаву. На месте оставались донские казаки, что раньше стояли в Краковском гарнизоне, а затем были зачислены в detaшмент подполковника Ланга, но и за их счет в будущем собирались усилить другие отряды.

В ночь на 9 (20) мая посты майора Нагеля перехватили около Тынца некую женщину, которая была переправлена чрез реку в Бобриск с письмами от тынецкого коменданта. Комендант сообщал «возмутителям» о приближении российских войск к Тынцу, просил помощи, «уведомляя, что у него в Тынце скота и соленого мяса довольно, тож и ржи, а провианту полагают только на две недели, и естли он чрез скорое время не будет выручен, то принужденным себя найдет сдатьца»¹.

16 (27) мая против Тынца на посту премьер-майора Нагеля под деревнею Пекары была установлена батарея, которая начала стрельбу из 12-фунтовых пушек ядрами и проделала в стене брешь...

Неожиданно изменилось отношение австрийских властей к конфедератам, укрывшимся на австрийской территории.

Так, в Бильске «возмутительские» маршалки Валезский, Черняховской, Ленчицкий не выпускались австрийцами обратно в Польшу, пока не заплатят все долги, а войска были отведены австрийцами на три мили внутрь имперской территории. Маршалок Шиц поступил на австрийскую службу с чином подполковника; команду его также хотели взять на службу, но Шиц, упросил австрийские власти раздать его литовцам паспорта и распустить

¹ А.В. Суворов. Документы... С. 588.

их по домам. В Тешине содержались под присмотром: Пац, Крашевский и подचाший литовский Потоцкой, Радзивил, Сапега, и бискуп кременецкий, все оные также из Тешина никуда не выпускались, пока не заплатят долги.

Французов, приехавших в Бильск из Тынца, Ланскороны и Освяцина, австрийцы выслали всех во Францию через 24 часа, а Бялу, из-за боя в которой русские по темноте и туману заходили на австрийскую территорию, занял австрийский пехотный батальон в числе 500 человек.

Предварительно 3 (14) мая 1772 г. австрийский офицер прибыл в лагерь в Барвинке, куда после своих набегов в 1768-1770 годах обычно возвращался Казимеж Пулавский. Здесь у конфедератов были укрепления, на которые они опирались около четырех лет во время партизанской борьбы против русской и польской королевской армий. Австриец призвал конфедератов покинуть это место, пригрозив атаковать их в случае отказа.

Маршалок саноцкий Филип Радзиминский и маршалок ливонский Зиберг ответили, что они стоят на своей территории и не угрожают соседней стране. Австрийцы не стали церемониться и атаковали. Конфедераты, видя значительное преимущество австрийских войск, отошли к Дукле. После ухода конфедератов австрийские пограничные части из Прешова под командованием генералов Эстерхази и Хадика пошли через Барвинек, начав присоединение к Австрии польских земель. 3 (14) мая 1772 года они пересекли Дуклинский перевал.

Кроме Дуклы и Бялы австрийцы заняли своими командами Затор, Кент и Живец, а 20 (31) мая австрийская команда близ местечка Слемина, около Бабьей горы, напала на «возмутительский» отряд в 80 всадников, многих побила, а остальных, в том числе ротмистра Лекарского, взяла в плен и отвела в Живец. То есть, австрийские войска вышли к реке Скава, образующей угол с Вислой, и подступили к Кракову с запада и юго-запада.

Но конфедераты не смущались этим и регулярно посылали своих конных к венгерским горам фуражировать.

Почему австрийцы изменили свое отношение к конфедератам?

6 (17) февраля 1772 года последовало предложение прусского короля Фридриха разделить Польшу. И венский двор согласился на этот раздел. «...Венский двор...и не желал бы раздела Польши, но так как сделано об этом соглашение между Россией и Пруссией, то и он присоединяется к ним, но предпочел бы получить свою долю лучше из турецких, чем из польских земель»¹.

В 1771 году Австрия, настроенная против России и Пруссии, заключила договор с турками. Австрия довольно самонадеянно ручалась за возвращение Турции всех земель, которые займут русские², а за это турки вернут им Сербию, утраченную в 1739 году. 25 июня (6 июля) 1771 года такой договор между Австрией и Турцией был подписан. Но русские разгромили турок в Валахии и отобрали у них Крым. И силы России были далеко не исчерпаны.

По крайней мере, Россия обещала Пруссии в случае войны с Австрией 6 тысяч пехоты и 4 тысячи казаков, которых обещала удвоить при первой возможности³.

И Австрия, осмыслив ситуацию, присоединилась к участию в разделе Польши.

Несмотря на сопротивление конфедератов, города в южной части Польши (такие как Дукла, Кросно, Ясло и Ялиска) были оккупированы в конце мая. 1 (12) июля Суворов наблюдал, как австрийские войска размещались вокруг Ландскроны и слушал показания австрийского дезертира Августа Вейста, «которой объявил, что он из Ланцкороны бежал для того, что работа весьма тяжела, окапывают оной Ланцкорон каналами и укрепляют, деля батареи, и третьего дни инженеры их из Цесарии приехали, а и работников оттель же до 4000 ожидают. Артиллерии привезено несколько пушек с снарядами в их лагерь и ожидают еще гене-

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 556.

² Петров А. Указ. соч. Т. 4. СПб 1874. С. 52.

³ Там же. С. 62.

рала Лаудона, якобы с сороку тысячами, которой вскоре вступит в Польшу, а теперь де стоит у местечка Кеник Краца»¹.

В июле 1772 года Суворов описывал А.И. Бибикову взаимоотношения между русскими войсками и неожиданными союзниками: «Я человек добрый, отпору дать не умею: здесь боюсь и соседей езуитов; все те же д'Альтоны»². Австрийский генерал-майор Ричард де Альтон (1732-1790) командовал австрийскими частями, которые в мае – июне стали вклиниваться меж русскими войсками и конфедератами.

2 (13) июля австрийские войска прошли сквозь русские части, осаждавшие Тынец, вошли в замок и в тот же день, «оставляя гарнизон в Тынце, взяв с собою всех польских пленных», обратно до своего старого лагеря промаршировали³.

Тынец, Ланскорона, Вавель и Ясна Гора (до 18 августа 1772 г.) и Загорж (до 29 ноября 1772 г.) были последними, кто защищался.

В 1772 году Антони Барнаба Яблоновский, член «генеральности», отправился в Вену, чтобы спасти Польшу, но эти переговоры не были эффективными, из-за соглашения о разделе Польши тремя странами.

Австрия заняла своими войсками южную часть Краковского и Сандомирского воеводства, часть Бельского воеводства и Галицию – 83 тысячи квадратных километров с населением в 2 миллиона 600 тысяч человек. Пруссия получила земли в Великой Польше, Померании, Западной и Восточной Пруссии – 36 тысяч квадратных километров и 580 тысяч жителей. России отошли некоторые земли Великого княжества Литовского – Восточная Белоруссия, Ливония и Инфлянты, составлявшие 92 тысячи квадратных километров с населением в 1 миллион 300 тысяч человек. Практически Австрия переиграла всех. Соглашение о разделе Польши было подписано 5 августа 1772 г.

¹ Там же. С. 594.

² <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000224/st008.shtml>

³ Суворов. Документы. С. 596.

Пруссия и Австрия захватили польские земли по праву сильного, то есть без всякого права. «Фридрих проговорился о праве России и о своем и австрийском бесправии, но эта проговорка надолго погреблась в архивах...»¹.

«Вот Польша, вот надменная скорбь Речи Посполитой!» – воскликнул И. Бабель, попавший на территорию Польши через сто пятьдесят лет в рядах конницы Буденного. Польшу порвали на части, но скорбела об этом лишь надменная шляхта.

Польская королевская власть, вместо того, чтобы оказать сопротивление, продолжала карать пойманных гайдамаков и их сообщников.

Допрос на пытках обвиняемых в гайдамаччине, разбоях и грабежах 10.06.1772 г. в Тетиеве:

1. Ян Стромонецкий, шляхтич, подделал паспорта для гайдамаков, которые шли на Белоруссию.

2. Йона Мошкович, прятал и перепродавал церковные вещи.

3. Мошко Дувидович, арендатор дегтевый в Тетиеве, перепродавал краденное.

4. Курдиян и Александр Левицкие, шляхтичи из Цыбулева, обвиняются в краже волов (09.06.1772 г.).

5. Ольшевский, шляхтич, обвинен в краже скота и других вещей (09.07.1772 г.)

6. Федько Швец, обвинен в краже волов и бегстве от пана (09.10.1772 г.).

7. Прокоп Рябой родился в Доростоях под Моравицей, 30 лет, отец Петр Заблоцкий (18.07.1772 г.).

8. Павло Прицюк из Танского, родом из с. Ставков на Полесье, отец Грицко Гапонюк, 30 лет.

9. Степан Шуляка, кладовщик из Танского, родился в с. Буде под Браиловым, отец Иван Дегтяров, 33 года.

10. Грицко Шарков из Оксаниной, родился в с. Шермовец, отец Тимко Заходий, 22 года.

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIV. С. 524.

11. Хведько Швец из Ковалевки Немировской, отец Петро Геленич, 33 года. Обвинен в краже коня. Не признает. Только взял в Кочубеевке по умершему от пошести брата жупан и пас. На него только люди склали вину, что украл волю. Отпустили.

12. Лесько Ковбасюк из Войтовки, родом из Брацлава, отец Иван Таран. Дело об убийстве попа, которого признали упырем 18.07.1772. Говорит, что это произошло в прошлом году (1771).

13. Иван Кривой из Рыжавки, 60 лет, кража коня.

14. Дацко Куценко из с. Паланки, родом из Мочулок на Уманщине, отец Василий Куцый, 50 лет.

15. Петр Носенко из Умани, родился в Христиновке, отец Хведир Хведорив, 30 лет.

16. Кузьма Васильчук, 40 лет, родом из Полонного.

17. Иван Куценко из Паланки.

18. Андрей Швец из Христиновки, родом из Пилявы под Меджибожем.

19. Иван Костив родился в с. Солонки.

20. Луцко Каличенко, отец Иван Калика, 25 лет.

21. Василь Остроносый, коваль из Левкова.

22. Семен, кучер п. Романовского.

23. Иван Загородний, родился под Острогом на Воляни, 40 лет.

24. Грицко дяк из Гудкова.

25. Гнат Голуб родился в Ломоватом староства Черкасского, отец Федор Голуб (03.08.1771 г.).

26. Тимко Бакаловый зять и Петр Настенко, обвинены в краже коней (26.08.1771 г.)¹.

Казалось, что вся уцелевшая власть Речи Посполитой, забыв о судьбе страны, дышит и не может надыхаться мщением к казакам-гайдамакам. Что ж, именно они лишили народной поддержки местную власть на территории Правобережной Украины...

Самый романтический герой конфедерации, Казимеж Пулавский, стал теперь героем самых невероятных слухов. Говорили,

¹ [beket.com.ua/baza_znanij/reestry ... machchine/](http://beket.com.ua/baza_znanij/reestry...machchine/)

что он распустил свою команду, дал им всем «пашпорты для проезда в свои дома», а сам поступил в монахи Ченстоховского монастыря – «пострылся в Ченстохове в законники».

Все это были последние содрогания конфедерации...

Поскольку в 1772 году между русскими и турками установилось долгосрочное перемирие, в Польшу с Дуная и из Крыма перебросили сразу четыре полка: полк Алексея Каршина, полк Василия Агеева (в апреле с пограничной речки Кальмиуса отправили в Польшу, где он и находился до 1775 года), полк Петра Саврасова (в Польше с 5 мая 1772 по 1777 год), полк Григория Сарычева (в Польше с 8 июля 1772 года). В Кракове с 5 сентября 1772 года стоял полк Ивана Платова, затем отбыл в Москву и Санкт-Петербург.

Суворов в ходе передвижения войск выступил к Ченстохове, где укрывался Казимир Пулавский. С Суворовым шел полк Василия Агеева. Служивший в полку Семиколенов Афанасий Кузьмич отмечал в послужном списке, что с 8 июля 1772 года он находился в Польше и был при Ченстохове на усмирении конфедератов. С севера подошел полк Никифора Сулина. Сын командира, Иван Никифорович Сулин, служивший в полку, согласно послужным спискам, заслужил золотую медаль «при крепости Честоховской».

Пулавский бежал. Крепость сдалась 4(15) августа. В этот день был подписан договор о капитуляции. «В 7 день августа крепость Ченстоховская оружием Ее Императорского Величества покорена, отдавшись на дискрецию и положась на высочайшее милосердие ее императорского величества нашей всемилостивейшей государыни, так равно и держащиеся близ оной возмутительские войска отдались»¹. Пулавский после поражения конфедерации отказался от помилования и не вернулся на родину. Он сражался в Северной Америке под знаменами Дж. Вашингтона, умер в 1779 г. в осажденной английскими войсками Саванне и навсегда вошел в историю США как «отец американской кавалерии».

¹ А.В. Суворов. Документы. С. 602.

Последним очагом сопротивления стал монастырь босых кармелитов в Загоже (донныне сохранились монументальные руины церкви и монастыря позднего барокко XVIII века) на холме Мариентон в излучине реки Ославы. Монастырь переживал период расцвета во время описываемых нами событий и стал убежищем для бойцов конфедерации.

18 (29) ноября 1772 года во время осады русскими войсками под командованием генерала Ивана Древица монастырские здания были обстреляны из пушек, и некоторые из них были сожжены. Защита монастыря в Загоже была последней битвой Барской конфедерации.

Война закончилась. В Польше, казалось, наступило умиротворение. Из Калуги выпустили арестованных лидеров польской оппозиции.

Юзеф Беляк, командир уланского полка, атаковавший русские войска под Столовичами, получив генеральское звание, в 1772 году вышел в отставку. Он поселился в своем имении недалеко от Люблина¹.

Особенно досталось полякам от пруссаков. Прусские войска заняли Великую Польшу и опустошили ее. Прусское командование требовало фураж и еду на 30 тысяч, хотя их войск всего было 5 тысяч. Русские считали, что, если пруссаки не будут платить за фураж, то вообще не выйдут из Польши.

Штакельберг докладывал Панину: «Иностранные войска и без того поглощают все доходы частных лиц»².

Раздел Польши не означал полного умиротворения. Недобитые мятежники оставались, борьба с ними продолжалась. Так, квартирмейстер Василий Исаевич Исаев из полка Василия Агеева попал в Польшу в 1771 году. В бою с конфедератами у Вильно в 1771 году был ранен в правую руку и попал в плен. В плену

¹ <https://islam.in.ua/ru/istoriya/musulmanskie-ulany-na-sluzhbe-korolya-stanislava-ponyatovskogo>

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XV. М. Мысль 1966. С. 39.

у поляков, согласно послужному списку, он находился 8 лет¹. Уже и Польшу поделили, и военные действия закончились, а уцелевшие конфедераты его еще где-то целых шесть лет удерживали.

После окончания основных военных действий на территории Речи Посполитой постепенно началась переброска казачьих полков на другие военные театры.

С 1 января 1773 в Польше находился полк Кондратия Денисова (впрочем, с 4 апреля 1773 он уже был за Волгой, сражался против Пугачева). В августе отбыл из Польши в 1-ю армию, на Дунай, полк Алексея Ребрикова.

После подписания мира между Россией и Турцией в 1774 году, в Польшу опять пришел полк Василия Агеева и с 5 марта 1774 по 1780-й год располагался в Ченстохове

Очередной этап введения новых казачьих полков в Польшу начался в 1775 году, когда был пойман Пугачев и прекратились бои в Поволжье и на Яике.

В 1775 году на территорию Польши с турецкого театра военных действий был послан полк полковника Константина Сулина – «против польских мятежников». Непосредственно в Варшаву в 1775 году был введен полк полковника Макарова, набранный 20 мая 1775 года.

Полк Каршина с 10 мая 1775 по 1778 год нес кордонную службу на границе Турции и Польши на реках Буг и Синюха.

С 15 октября 1776 г. по 1777 г. в Польше стоял полк полковника Алексея Ребрикова

В 1777 году произошла пересменка, вывод одних полков и ввод на территорию Польши новых. С 16 апреля 1777 года по 1779 год в Польше стоял полк полковника Киреева; с 5 мая 1777 года – полк Карпа Денисова («в боях против конфедератов»; в полку служил хорунжий Григорий Власов, отец будущего Донского атамана); с 10 мая 1777 года по 1779 год – полк Алексея Степановича Назарова; с 15 мая 1777 года в Польше стоя-

¹ Корягин С.В. Чернозубовы и другие. Выпуск 49. М., Русаки, 2004. С. 45.

ли полки Кондратия Денисова и Алексея Макарова – «в Польше в действительных сражениях с конфедератами»¹; с 3 сентября 1777 года вступил в Польшу в командование полком Павел Андреевич Краснощеков.

Возможно, такой массовый ввод казаков на территорию Польши был связан с тем, что в 1776 году у польской верхушки возникла мысль создать в Польше новое войско – что «даст возможность очистить страну от праздной толпы»².

Мы видим, что казаки во время боев с конфедератами были поделены на мелкие группы, редко дрались целыми полками. Их рассыпали по всей стране, ибо только они эффективно и без потерь могли вести контрпартизанские действия. Мы помним, какие споры и какая переписка велись между лучшими российскими военачальниками по поводу каждой сотни казаков. И мотив всегда один – без казаков невозможно преследовать и добить быстрого и легкого на подъем и перемещения противника.

Опыт боевых действий в 1768-1772 гг. показал, что войска конфедерации не выдерживали столкновений с русской армией, даже при численном превосходстве поляков. Была продемонстрирована храбрость в победоносных налетах на города, таких как нападение полковника Шица на Львов (1770 г.), Пулавский упорно защищал Ченстохову от войск Древица (1770–1771 гг.), а французы с горстью конфедератов обороняли Краковский замок от самого Суворова (1772 г.). Но в чистом поле русские неизменно били конфедератов и першедшие на их сторону королевские войска. Так было под Ореховом (1769), около Ланцкороны (1771) и у Столовичей (1771) (здесь мы привели бои, выигранные одним только А.В. Суворовым).

Сказалось отсутствие у конфедератов единого и умелого руководства, неспособность отдельных командиров договариваться о действиях и подчиняться воле старшего командования, а

¹ Корягин С.В. Агеевы и другие. Вып. 28. М. Русаки, 2002. С.58.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XV. С. 238.

также утрата старой наступательной стратегии, присущей полякам в прошлые века.

Когда борьба закончилась и войска трех держав наводнили Польшу, польская армия оказалась в руинах. Полки, которые сражались на стороне конфедерации, был перебиты, взяты в плен или разбежались. Войска, верные королю, были в плачевном состоянии из-за политических и экономических потрясений. Интересы польского государства требовали начать реконструкцию армии на новых и более качественных основаниях. Для начала власть хотела набрать корпус легкой кавалерии из поляков...

Новые вынужденные военные приготовления Польши стали одним из поводов к дальнейшим разделам страны, к новым сражениям, в которых вновь приняли участие казаки.

Содержание

1-й раздел Польши и казаки	5
Гайдамаки	23
Проблема диссидентов	31
Барская конфедерация	61
Колиивщина и повод к войне с Турцией.....	85
Дальнейшие попытки усмирения	128
Начало военных действий на русско-турецком фронте	133
Кампания 1769 года в Польше	138
Кампания 1770 года.....	175
Кампания 1771 года	227
Огинский	272
Кампания 1772 года. Раздел Польши.....	288

Венков Андрей Вадимович

КАЗАКИ

и Первый раздел Польши

Автор обложки – Венков Владимир Андреевич

Сдано в набор 16.01.2020.

Подписано в печать 20.01.2020.

Тираж 500 экз. Заказ № 1467.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:

г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.

Тел.: 8(863) 219-84-25

www.altair-rostov.ru